

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 1, 2024. Июнь

Журнал основан в 2024 г. и издается Институтом Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).

Учредитель: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

Редакционный совет:

Бабаев Кирилл Владимирович, директор ИКСА РАН — председатель

Абдулаев Шерзод Маджидович, директор Института перспективных международных исследований УМЭД (Узбекистан)

Абдырахманов Толобек Абылович, ректор Кыргызского национального университета (Кыргызстан)

Арипов Элдор Тахирович, директор Института стратегических и межрегиональных исследований (Узбекистан)

Блохин Александр Викторович, Чрезвычайный и полномочный посол, советник директора ИКСА РАН (Россия)

Бордачев Тимофей Вячеславович, научный руководитель ЦКЕМИ НИУ ВШЭ (Россия)

Вижай Тхакур Сингх, генеральный директор Индийского совета по международным делам (Индия)

Курмангалиева Жанна Дулатовна, проректор Евразийского национального университета им. Л.С. Гумилева (Казахстан)

Лихачева Анастасия Борисовна, декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (Россия)

Лукин Александр Владимирович, научный руководитель ИКСА РАН, руководитель департамента международных отношений НИУ ВШЭ (Россия)

Муканбетов Санжар Турдукожоевич, директор Национального института стратегических исследований (Кыргызстан)

Притчин Станислав, заведующий сектором Центральной Азии Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН (Россия)

Сафранчук Иван Алексеевич, директор Центра евразийских исследований МГИМО (У) МИД РФ (Россия)

Стерник Александр Вадимович, директор Третьего департамента стран СНГ МИД РФ

Торкунов Анатолий Васильевич, ректор МГИМО (У) МИД РФ (Россия)

Тукумов Еркин Валитханович, директор Казахстанского института стратегических исследований (Казахстан)

Шагеева Рауза Абдрахмановна, вице-президент Экономического общества Республики Татарстан (Россия)

Усмонзода Хайридин Усмон, директор Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан (Таджикистан)

Чао Хуашэн, профессор Института международных исследований Фуданьского университета

Редакция:

Д.П. Новиков (главный редактор), Халова Г.О. (зам. главного редактора),
Л.А. Шашок (зам. главного редактора), Н.И. Иллерицкий (секретарь редакции)

Адрес редакции: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32

Телефон: +7 (499) 124-02-17

Е-mail: eurasianresearch@iccaras.ru

Сайт журнала: <http://eurasianresearch.ru>

Учредитель и издатель: Институт Китая и современной Азии РАН

Евразийские исследования

Научный журнал

Электронная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-87180 от 22.04.2024

Язык: русский, английский

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 3034-3380

Печатная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-87181 от 22.04.2024

Язык: русский, английский

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 3034-3372

Подписано в печать 17.07.2024.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
-------------------	---

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА

Приветственное слово И. Тасмагамбетова	9
Приветственное слово Д. Абаева	11
Приветственное слово Э. Айдогдыева	12
Приветственное слово Б. Асадова	14

СТАТЬЯ УЧРЕДИТЕЛЯ

<i>Бабаев К.В.</i> Россия и Центральная Азия: тренды и перспективы	17
---	----

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Бордачев Т.В.</i> Третье открытие Центральной Азии	24
<i>Шашок Л.А.</i> Вызовы и угрозы безопасности государств Центральной Азии после прихода к власти в Афганистане движения «Талибан»	44
<i>Искандаров А.И.</i> Россия и Центральная Азия: развитие и безопасность в меняющихся мировых реалиях	57
<i>Усмонзода Х.У.</i> Взаимодействие стран Центральноазиатского региона в рамках ОДКБ в контексте современных мировых и региональных проблем	62
<i>Халова Г.О., Иллерицкий Н.И.</i> Экономический, энергетический и природно-ресурсный потенциал Центральной Азии как фактор геополитического противостояния в условиях меняющегося миропорядка	67

<i>Исаева Е.А.</i> Текущее состояние и перспективы сотрудничества России и Ирана в нефтегазовой сфере	78
<i>Royce D.P.</i> The US Obstruction Policy Towards Russian Energy Logistics: Case of Blue Stream	86

ОБЗОРЫ МЕРОПРИЯТИЙ И КОНФЕРЕНЦИЙ

О XIX заседании Форума Шанхайской организации сотрудничества	100
--	-----

CONTENTS

Editor's note	7
---------------------	---

WELCOME ADDRESSES

Welcome address by I. Tasmagambetov	9
Welcome address by D. Abaev	11
Welcome address by E. Aydogdyev	12
Welcome address by B. Asadov	14

FOUNDER'S CONTRIBUTION

<i>Babaev K.V.</i> Russia and Central Asia: Trends and Prospects	17
--	----

ACADEMIC PAPERS

<i>Borodachev T.V.</i> The Third Discovery of Central Asia	24
<i>Shashok L.A.</i> Challenges and Threats to the Security of Central Asian States after the Taliban Came to Power in Afghanistan	44
<i>Iskandarov A.I.</i> Russia and Central Asia: Development and Security in Changing World Realities	57
<i>Usmonzoda H.U.</i> Interaction of the Countries of the Central Asian Region within the CSTO in the Context of Current World and Regional Problems	62
<i>Khalova G.O., Illeritsky N.I.</i> Economic, Energy and Natural Resources Potential of Central Asia as a Factor of Geopolitical Confrontation in a Changing World Order	67
<i>Isaeva E.A.</i> Current State and Prospects for Cooperation between Russia and Iran in the Oil and Gas Sector	78

Royce D.P. The US Obstruction Policy Towards Russian Energy Logistics:
Case of Blue Stream 86

EVENTS AND CONFERENCE REVIEWS

On the XIX meeting of the SCO forum 100

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели!

Данный журнал — первый в России научный журнал научно-исследовательского института Российской академии наук, профильно посвященный Центральной Азии — тенденциям ее развития, экономическим, культурным, демографическим трендам, отношениями между входящими в нее государствами, политике России в регионе. Во многом его появление отражает растущий научный и общественный интерес к этой самобытной области евразийского континента, через которую веками проходили торговые маршруты и пути завоевателей, месту встречи и взаимного обогащения многих культур.

Интерес этот не удивителен. Регион Центральной Азии был и остается одним из наиболее важных с политико-стратегической и интересных с исторической и культурной точек зрения регионов мира. За прошедшие тридцать лет со времени распада СССР центраальноазиатские республики прошли через сложный период государственного строительства и создали в регионе специфическую международную систему, активными участниками которой являются и многие внерегиональные акторы.

Для современной России Центральная Азия является одним из наиболее приоритетных направлений политики, как с точки зрения национальной безопасности, так и ввиду значительных экономических интересов, связанных в том числе с процессом евразийской интеграции. Общее историческое прошлое и связанное с ним совместное политическое развитие делает изучение центральноазиатского региона важным и с точки зрения дискуссии о проблемах развития самой России, а также ее больших геополитических инициатив, таких как Большая Евразия.

При этом — удивительно — на текущий момент в России нет академического издания, которое было бы профильным образом сфокусировано на истории, политике и экономике Центральной Азии. Как правило проблемы развития региона рассматриваются на страницах Данное обстоятельство представляется особенно удивительным, учитывая, что сконцентрированные на Центральной Азии академические журналы уже достаточно давно созданы во многих странах: Central Asian Survey (Великобритания), Центральная Азия и Кавказ/Central Asia and the Caucasus (Швеция и Азербайджан), Central Asian Affairs (Нидерланды), Journal of East European and Central Asian Research (США), Central Asiatic Journal (ФРГ), Central Asian Studies (Иран), Journal of Eurasian Studies (Республика Корея), Journal of Eurasian Research (Великобритания) и тд. Таким образом, про-

фильные журналы по изучению Центральной Азии имеют практически все страны-интересанты, активно вовлеченные социально-политические и экономические процессы в регионе.

Создание такого журнала в России, как мы надеемся, восполнит этот пробел и подарит исследователям региона из России, стран Центральной Азии, других государств хорошую площадку для обмена идеями, результатами научных изысканий и экспертно-аналитической работы, обсуждения прошлого, настоящего и будущего невероятно интересного региона.

ПРИВЕТСТВИЯ

Читателям и авторам «Евразийских исследований» от генерального секретаря Организации Договора о коллективной безопасности И.Н. Тасмагамбетова

Уважаемые читатели,

от имени Секретариата Организации Договора о коллективной безопасности приветствую появление нового научного издания «Евразийские исследования», ориентированного на освещение общественно-политических, социально-экономических процессов, ситуации с безопасностью в Центральной Азии. Сегодня, когда пространство Евразии переживает сложный период, связанный с военно-политическими потрясениями и последствиями применения санкционной политики, запуск интеллектуального продукта такого профиля сложно переоценить.

Глобальные геополитические трансформации заставляют нас больше внимания уделять региональным процессам, так как они, зачастую, оказывают определяющее влияние на общемировую обстановку, в том числе на состояние глобальной безопасности. Действительно, события последних лет демонстрируют нам новые тенденции в международной жизни и особенно в сфере безопасности. В новых геополитических условиях многие проблемы защиты национальных интересов и обеспечения национальной безопасности предстают в новом свете. Если на протяжении предшествующих этапов истории человечества главным инструментом выполнения этой функции считалась вооруженная мощь, то в нынешних условиях, наряду с военной силой, все большее значение приобретают иные формы, методы и средства. Именно они определяют параметры геополитической борьбы и задают направления для модернизации сил и средств обеспечения международной безопасности.

Полагаю, особо следует подчеркнуть актуальность исследований по проблемам евразийской безопасности. Специалисты не первый год констатируют рост военно-политической напряженности в этом макрорегионе. Она стала следствием кардинальных изменений в балансе сил в мире и беспрецедентного снижения уровня управляемости системой международных отношений. В такой обстановке стратегической нестабильности многочисленные «спящие» конфликты переходят в «горячую» фазу, возникают новые конфликты. Зачастую они имеют откоро-

венно управляемый характер и по сути выступают инструментом в геополитической конфронтации. А вследствие отсутствия диалога между ведущими мировыми державами по всему спектру новых угроз международной безопасности неизбежно возрастает риск возникновения глобальных кризисных ситуаций с непредсказуемыми последствиями.

Возрастает необходимость максимально эффективного определения параметров реагирования на новые вызовы и угрозы в Евразии и их предупреждения, разработки новых эффективных механизмов превентивной нейтрализации кризисов. Эта работа должна опираться на комплексный анализ нынешней ситуации в сфере международной безопасности и наращивание потенциала стратегического прогнозирования новых вызовов и угроз глобальной и региональной безопасности. Актуальной задачей является обновление аналитического инструментария, разработка новой методологии аналитической деятельности. Как представляется, журнал «Евразийские исследования» может внести существенный вклад в решение этой важной задачи, объединив исследовательские потенциалы всех заинтересованных государственных, общественно-политических и гражданских структур.

Сегодня системы коллективной безопасности такие как Организация Договора о коллективной безопасности заинтересованы в реализации совместных исследований, направленных на выработку прогнозов (сценариев) и оптимизацию подходов к принятию управленческих решений в сфере обеспечения региональной безопасности. Не меньший интерес для евразийских национальных и межгосударственных структур представляют анализ состояния ныне действующих глобальных, а также наиболее весомых макрорегиональных систем управления — ООН, ВТО, БРИКС, ШОС, НАТО и перспектив их развития. Журнал «Евразийские исследования» может стать востребованной площадкой для налаживания продуктивного взаимодействия в частности с ведущими научными центрами государств — членов ОДКБ, проведения экспертных мероприятий по наиболее острым проблемам обеспечения безопасности и развития в Центральноазиатском регионе.

Уважаемые читатели и издатели,

уверен что журнал «Евразийские исследования» станет востребованным специалистами по изучению Центральной Азии и одним из авторитетных профессиональных изданий в своей области.

Читателям и авторам «Евразийских исследований» от Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Казахстан в Российской Федерации Д. Абаева

Уважаемый читатель!

Сегодня в свет выходит очень полезное и нужное издание «Евразийские исследования». Стоит ли говорить, что появление такого журнала назрело давно. В условиях усложнения глобальной политики, когда историческое время ускорилося до невероятных значений, очень важно сохранять способность объективной, всесторонней и не примитивной оценки той действительности, в которой живут соседние страны. Ведь часто именно в отношении самых близких партнеров мы нередко склонны рассуждать на уровне привычных, комфортных, но весьма устаревших штампов, не имеющих ничего общего с текущей действительностью.

В этой связи, я уверен, «Евразийские исследования» внесут весомый вклад в повышение качества наших знаний друг о друге.

Еще один важный аспект, который хочется отметить — это вопрос интенсификации контактов между исследователями и учеными наших стран. На заре 90-х несмотря на сумму таких факторов, как общая историческая судьба, единое академическое наследие последних 70-ти лет, отсутствие языкового барьера, географическая близость — научные сообщества наших стран стали отдаляться. В какие-то моменты на уровне гуманитарных сообществ фиксировалось банальное отсутствие интереса друг к другу.

Поэтому не может не радовать, что в последние годы набирает обороты обратная тенденция. И у меня нет никаких сомнений в том, что «Евразийские исследования» займут свою уникальную нишу в качестве точки притяжения для совместных проектов ученых наших стран, их регулярного общения и обмена опытом.

Как человек, долгие годы занятый в области практической политики, хотел бы подчеркнуть то невероятное значение, которое для нас имеют прикладные исследования ученых, их выводы и рекомендации. Зная, что за открытием этого журнала стоят многоопытные люди с огромным академическим багажом, я ни на толику не сомневаюсь в том, что публикуемые на страницах «Евразийских исследований» материалы лягут в основу многих качественных государственных решений, нацеленных на укрепление уз дружбы между нашими народами.

Выражаю искреннюю благодарность всем, кто причастен к созданию журнала. Желаю больших успехов, новых открытий и благодарного читателя! «Евразийским исследованиям» — в добрый путь!

**Читателям и авторам «Евразийских исследований»
от Чрезвычайного и Полномочного Посла Туркменистана
в Российской Федерации, доктора исторических наук
Э. Айдогдыева**

Уважаемые читатели!

Рад обратиться к вам со словами приветствия и поздравить с созданием первого в России научного журнала, посвященного изучению Центральной Азии. Считаю это знаковым событием, свидетельствующим о понимании важности системного рассмотрения в политологическом и научном сообществе масштабной и перспективной темы — взаимодействие и партнерство России и Центральной Азии в современных условиях.

Нужно подчеркнуть в этой связи, что для Туркменистана добрососедство, дружба и сотрудничество с Россией является одним из важнейших направлений внешней политики. Такой подход находит понимание и поддержку в России, подтверждением чему явилось подписание в 2017 г. Договора о стратегическом партнерстве между Туркменистаном и Российской Федерацией и в 2022 г. — Декларации об углублении стратегического партнерства между двумя странами. Эти основополагающие документы обуславливают уровень и направленность взаимодействия во всех жизненно важных сферах. И конечно, решающим фактором развития многопланового туркмено-российского сотрудничества является открытый и доверительный диалог, установившийся между Главами двух государств, каждая встреча которых придает новые и мощные импульсы для укрепления и расширения двусторонних связей.

Особое внимание в повестке туркмено-российского взаимодействия традиционно уделяется ситуации в Центральной Азии. Здесь позиции наших стран близки: и Туркменистан, и Российская Федерация выступают за создание в регионе устойчивой системы безопасности, основанной на многостороннем балансе интересов. Обе страны действуют с позиций ответственных членов мирового сообщества, внося немалый практический вклад в создание региональных механизмов взаимодействия и оказывая поддержку тем позитивным тенденциям, которые наблюдаются в регионе.

Важным элементом взаимопонимания, открытости и доверия в контексте рассмотрения всего комплекса центральноазиатской тематики является регулярное, на системной основе проведение межидовских консультаций между Туркменистаном и Россией по вопросам безопасности, ситуации в Афганистане, информационного взаимодействия, сотрудничества в международных организациях, по ряду других направлений.

Продуктивно и последовательно развиваются механизмы двустороннего торгово-экономического партнерства, активно идет работа на правительственном и ведомственном уровнях в вопросах создания магистральных континентальных коридоров с участием стран Центральной Азии и России, реализации крупных инфраструктурных проектов в энергетике, коммуникациях, промышленности.

Важнейшим направлением сотрудничества Туркменистана и России является каспийская проблематика. В целом, принципиальные подходы двух стран здесь совпадают: ключ к решению существующих проблем — в руках самих прикаспийских государств, все вопросы необходимо решать на основе признанных норм международного права, с учетом интересов друг друга, на уважительной и равноправной основе. Самое главное: у Туркменистана и России есть понимание того, что Каспий — это важнейший стратегический регион, и налаживание здесь полноценного сотрудничества отвечает долгосрочным интересам всех пяти прибрежных государств. Следует отметить в этой связи активную и продуктивную работу, проведенную Туркменистаном и Россией в процессе подготовки и принятия Конвенции о правовом статусе Каспийского моря.

Как известно, 21 марта 2024 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций единогласно, при соавторстве 86 государств-членов приняла предложенную Туркменистаном резолюцию, объявляющую 2025 год «Международным годом мира и доверия». Тем самым Туркменистан дает еще один мощный импульс процессу предметного, осмысленного общения по продвижению мира и доверия между странами как важнейшего условия обеспечения устойчивости и предсказуемости международных отношений.

Из этого императива исходил Туркменистан, выдвинув на пленарном заседании 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2023 г. предложение о формировании под эгидой ООН Стратегии глобальной безопасности. Видим ее как систему взглядов и принципов устройства межгосударственных и международных отношений в 21 веке и инструментов его достижения. Важной составной частью Стратегии, по мнению Туркменистана, должно стать использование потенциала нейтралитета и превентивной дипломатии.

Конечно, Стратегия — документ глобального уровня, и именно в таком качестве он имеет смысл как база, фундамент, дающий направленность и ориентиры для построения новой мировой архитектуры безопасности. Вместе с тем, убеждены, что в своем практическом выражении Стратегия должна иметь четкую региональную привязку, ориентироваться на конкретные условия и конкретное место ее применения.

Касательно Центральной Азии такой подход столь же актуален, учитывая исторические, религиозные, культурные, этические особенности нашего региона, многовековой и самобытный опыт сосуществования и общения живущих на этом пространстве народов.

Показательно, что таких же подходов придерживается и Российская Федерация. Тем самым открываются огромные возможности и перспективы для сотрудничества, взаимовыгодного партнёрства, созидательной совместной работы во имя упрочения мира и безопасности в регионе, имеющем стратегическое значение. Очевидно, что Туркменистан и Россия в достижении этой цели играли и будут дальше играть весомую конструктивную роль. Полагаю, что важным теоретическим и методологическим подспорьем в этой работе послужит журнал «Евразийские исследования».

Хотел бы пожелать его коллективу больших успехов и заверить в готовности Посольства Туркменистана в Москве к сотрудничеству.

Читателям и авторам «Евразийских исследований» от Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Узбекистан в РФ Б. Асадова

Учреждение нового журнала «Евразийские исследования» можно воспринимать как проявление повышенного интереса к процессам происходящим в Центральной Азии, в том числе в Узбекистане. В этом ключе мне бы хотелось поприветствовать эти инициативы и выразить готовность в содействии научных исследований в этой области.

Процесс регионального сближения в Центральной Азии — свершившийся факт. Он обрел необратимый характер, вышел на качественно новый этап интеграционного развития.

Лидеры государств Центральной Азии исходят из принципиальной заинтересованности продолжить всесторонне укреплять межгосударственное сотрудничество, отношения добрососедства и взаимного доверия в Центральной Азии. Свидетельством этого стало решение учредить Совет национальных координаторов по делам Консультативных встреч глав государств Центральной Азии, призванный повысить эффективность межгосударственного взаимодействия.

Как отметил Президент Республики Узбекистан Шавкат Миромонович Мирзиёев на Консультативной встрече глав государств Центральной Азии 14 сентября в Душанбе, именно благодаря общей политической воле и совместным усилиям государствам региона удалось серьезно продвинуться в решении жизненно важных вопросов и наполнить сотрудничество между государствами Центральной Азии качественно новым содержанием.

За последние годы устранено множество барьеров, выступавших факторами межгосударственной напряженности, прежде всего решены чувствительные пограничные проблемы между большинством соседних стран региона, разблокированы транспортные коммуникации, ведется диалог по взаимовыгодному использованию водно-энергетических ресурсов, совместному обеспечению водной, энергетической и продовольственной безопасности. Усиливаются кооперационные связи, созданы совместные инвестиционные компании, ведется работа по строительству приграничных индустриально-торговых зон, запускаются межгосударственные проекты в промышленности, аграрном секторе, автомобилестроении и энергетике. Введен безвизовый режим, созданы условия для свободного перемещения граждан, активных культурных и туристических обменов.

Только Узбекистан с 2016 г. довел количество пунктов пропуска с государствами Центральной Азии до 78 единиц, в три раза увеличил число автобусных рейсов, в два раза — авиарейсов. Сегодня границы между Узбекистаном и странами Центральной Азии можно по праву называть мостами дружбы и добрососедства.

Выведена на новый этап работа по торгово-экономической, транспортной и энергетической кооперации. Так, в 2020—2021 годах Узбекистан создал совместные инвестиционные фонды и компании с Кыргызстаном и Таджикистаном, в 2022 и 2023 годах начал строительство приграничных индустриально-торговых

и промышленных зон с Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Туркменистаном. С Кыргызстаном реализуются проекты строительства железной дороги Китай—Кыргызстан—Узбекистан и Камбаратинской ГЭС, с Таджикистаном — Яванской ГЭС на реке Зарафшан, с Казахстаном — мультимодального транспортно-логистического центра в Ташкенте. Это лишь некоторые примеры.

Центральная Азия — пространство добрососедства и новых возможностей. Сегодня регион становится одним из основных центров межрегиональной взаимосвязанности и глобальных производственно-логистических цепочек. Как отметил президент Республики Узбекистана Шавкат Миромонович Мирзиёев, в Центральной Азии укрепляются стабильность и единство, она превращается в один из важных центров экономического роста и инвестиционной активности, возвращает себе историческую роль транспортного хаба, соединяющего Запад с Востоком и Север с Югом.

В целом, сегодня государствам Центральной Азии даже в условиях нарастания многочисленных вызовов и угроз удается сохранять в регионе атмосферу дружбы и взаимовыгодного сотрудничества, выстраивать взаимоотношения с внешними акторами с учетом интересов региональной стабильности, обеспечивать безопасность и устойчивое развитие.

Актуальными для государств Центральной Азии вызовы и угрозы, связанные с влиянием изменения климата на окружающую среду, водопользование, продовольственную безопасность.

С учетом заинтересованности всех стран Центральной Азии в нормализации ситуации в Афганистане, предотвращении вызовов и угроз, исходящих с его территории, было предложено создать Контактную группу на уровне спецпредставителей по Афганистану с целью налаживания скоординированного диалога с афганской стороной по вопросам безопасности границ, водопользования и развития торговли.

Говоря о высоком уровне взаимного доверия в Центральной Азии, необходимо подчеркнуть, что регион также является консолидированным актором, открытым для сотрудничества. Как отметил Президент Узбекистана, международная субъектность Центральной Азии как единого образования сегодня получает всеобщее признание. Об этом свидетельствует принятие с 2017 г. 8 резолюций ООН по важным аспектам развития и партнерства в Центральной Азии, а также учреждение более 10 форматов «Центральная Азия плюс».

Особенно в этом контексте хотелось бы подчеркнуть важную роль взаимодействия региона с Россией, стратегического партнера Узбекистана.

Узбекистан и Россию связывают тесные исторические, социальные, гуманитарные, культурные отношения. Наши государства являются значимыми экономическими партнерами друг для друга.

Узбекистан, как известно, занимает четвертое место в товарообороте России со странами Содружества независимых государств. Россия для Узбекистана, в свою очередь, остается одним из крупнейших торговых партнеров. За последние семь лет увеличился в 2,5 раза. В ближайшей перспективе объемы торговли будут доведены до 30 миллиардов долларов.

Большое место в узбекско-российских отношениях занимает развитие межрегионального сотрудничества. Межрегиональный формат сотрудничества в мае текущего года преобразован в Совет регионов Узбекистана и России под руководством Глав государств.

Налажены интенсивные контакты на уровне парламентов, правительств, министерств, ведомств, регионов, общественности, экспертных и деловых кругов. В полном объеме задействованы возможности Совместной комиссии на уровне глав правительств и Межправительственной комиссии.

Дорогие друзья!

Хотелось бы отметить, что исследования процессов, оказывающих влияние на регион Центральной Азии, всегда были актуальными. В этой связи, с чувством высокой заинтересованности ожидаем выхода первого номера журнала «Евразийские исследования». Уверен, что результаты научных изысканий, собранных в нем, будут служить на благо нашим странам и укреплять дружеские добрососедские связи.

К.В. Бабаев

Россия и Центральная Азия: тренды и перспективы

Аннотация. В данной статье рассматривается развитие Центральноазиатского региона на современном этапе в различных сферах. Автор подходит к анализу геополитической обстановки в Центральной Азии с разных точек зрения: упоминается вопрос безопасности в связи с ситуацией в Афганистане, оценивается экономический рост и имеющиеся в регионе ресурсы. Рассматривается взаимодействие пяти стран с другими крупными акторами, такими как США, КНР, Турция, а также включение региона в масштабные инициативы «Пояс и путь» (ИПП) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Автор уделяет внимание участию пяти стран Центральной Азии в работе таких международных организаций, как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Содружество независимых государств (СНГ) и др. Кроме того, рассматривается сотрудничество России и стран Центральной Азии в таких сферах, как энергетика, торговля, экономика и инвестиции, туризм. Далее автор описывает современную российскую внешнеполитическую модель в отношении данного региона в контексте общей концепции поворота на Восток, а также подходы к его всестороннему изучению. В статье отмечается важность перехода от устаревших советских подходов к более гибким и современным. Подчеркиваются важные особенности, которые необходимо учесть, работая с регионом сегодня. В заключении автор приветствует создание в структуре Института Китая и современной Азии Российской академии наук нового Центра Центральноазиатских исследований, а также начало издания журнала «Евразийские исследования», что, по мнению автора, укрепит международное сотрудничество с регионом, а также будет оказывать важное содействие формированию российской внешней политики в Центральной Азии.

Ключевые слова: Россия, Центральная Азия, энергетика, безопасность, поворот на Восток, евразийское пространство.

Автор: Бабаев Кирилл Владимирович, д.ф.н., профессор, директор Института Китая и современной Азии РАН. E-mail: kbabaev@iccaras.ru

Kirill Babaev

Russia and Central Asia: Trends and Prospects

Abstract. This article examines the current development of the Central Asian region within various sectors. The author approaches the analysis of the geopolitical situation in the region from different perspectives. The issue of security is particularly emphasized.

zed, considering the situation in neighboring Afghanistan and on the borders of the Central Asian republics. Economic growth and the resources available in the region are also crucial aspects discussed in the article. The interaction of the five Central Asian countries with other major actors such as the USA, China, and Turkey is highlighted. The inclusion of the region in large-scale initiatives such as the “Belt and Road initiative” (BRI) and the Eurasian Economic Union (EAEU) is another focal point. Additionally, the participation of Central Asian countries in the work of international organizations such as the Collective Security Treaty Organization (CSTO), the Shanghai Cooperation Organization (SCO), and the Commonwealth of Independent States (CIS) is considered essential for regional stability and development. The article also explores the cooperation between Russia and the Central Asian countries in areas such as energy, trade, economy and investments, and tourism. Furthermore, the author describes the model of modern Russian foreign policy towards this region in the context of the general concept of its pivot to the East. The article emphasizes the importance of transitioning from outdated Soviet approaches to more flexible and modern strategies, considering the unique features and current realities of the region today. In conclusion, the author welcomes the creation of a new Center for Central Asian Studies within the structure of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, as well as the launch of the journal “Eurasian Studies.”.

Keywords: Russia, Central Asia, energy, security, pivot to the East, Eurasia.

Author: Kirill V. Babaev, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences.
E-mail: kbabaev@iccaras.ru

Центральная Азия, географический центр евразийского материка, стремительно превращается в центр геополитический. Сегодня этот регион становится средоточием интересов как всех трёх сверхдержав современного мира, так и многих весомых региональных игроков. Спустя тысячелетие Центральная Азия вновь входит в «золотой век»: так называют эпоху процветания центральноазиатской цивилизации в VIII—XII вв., когда Великий шёлковый путь обеспечивал ей материальное богатство, а великие учёные и поэты — культурное первенство [Старр, 2017].

Однако в XXI столетии речь идёт не только об экономическом и культурном, но и о политическом влиянии государств Центральной Азии на международные отношения. В результате резкого похолодания отношений между Западом, с одной стороны, и Россией и Китаем, с другой, Центральноазиатский регион приобрёл стратегическое значение в области безопасности. Давление со стороны США и их европейских союзников на государства региона резко усилилось (и будет усиливаться далее), активизировались контакты по различным направлениям. Например, 19 сентября 2023 г. в Нью-Йорке состоялся первый саммит в формате C5+1, где президент США Дж. Байден пытался методами кнута и пряника привлечь страны Центральной Азии к расширению сотрудничества — прежде всего в ущерб партнёрству с Россией.

В то же время продолжается активность и других мировых и региональных держав по усилению своего политического присутствия в регионе. Так, в начале нынешнего года был создан секретариат «Сианьского формата», где в качестве

«+1» выступает КНР. Таким образом, Китай продемонстрировал своё стремление поддерживать постоянный прямой диалог с центральноазиатскими странами, минуя структуры Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), что для России является опасным сигналом.

Весьма активно в регионе работает Турция, используя идейную платформу тюркской и — шире — «туранской» общности народов Центральной Азии (выходцами из которой были и предки современных турок) для капитализации своего политического влияния. В регионе активно работает Организация тюркских государств, юбилейный десятый саммит которой в Астане в 2023 г. подтвердил высокую степень политической солидарности между странами-участницами. Всё больше интереса к Центральной Азии проявляют Индия, Япония, страны Евросоюза.

Особое значение регион имеет для контроля над ситуацией в Афганистане и вокруг него. Сегодня, когда Афганистан впервые за 45 лет стал более или менее единым и не находится в состоянии гражданской войны, вопросы дальнейшей внешнеполитической судьбы страны имеют важное значение для России, Китая, Индии, США, Ирана и других крупных государств. Страны Центральной Азии стали во многом своеобразными и единственными воротами в Афганистан после возвращения к власти талибов (движение «Талибан» запрещено в РФ), и использование этой возможности интересует, пожалуй, все великие державы.

С экономической точки зрения Центральноазиатский регион ничуть не менее интересен, чем с точки зрения международной безопасности и геополитики. По оценкам Всемирного банка, в 2023 г. экономика стран региона продолжала расти темпами существенно выше среднемировых:

Таджикистан — 8,3 % [The World Bank in Tajikistan];

Кыргызстан — 6,2 % [The World Bank in the Kyrgyz Republic];

Узбекистан — 6 % [Всемирный банк в Узбекистане];

Казахстан — 5,1 % [Всемирный банк в Казахстане].

Согласно государственной статистике, экономика Туркменистана выросла на 6,3 %. Всемирный банк даёт цифры ниже [IMF Staff Completes 2024 Article...], но также подтверждает рост. Более того, перспективы на 2024—2025 гг. также вполне позитивны. Снижается инфляция, растёт процент трудоспособного населения, возрос объём взаимной торговли и торговый оборот с внерегиональными государствами. Разумеется, это не может не привлекать к странам Центральной Азии внимание инвесторов со всего мира, заинтересованных получать дивиденды с продолжающегося демографического и экономического роста в политически стабильных странах региона. Уже в среднесрочной перспективе экономика ряда стран Центральной Азии может выйти на качественно новый уровень, что не может не интересовать бизнес с самых разных точек зрения.

Географическое положение вновь выводит регион на авансцену мировых интеграционных процессов. Центральная Азия становится ядром Большого евразийского партнёрства, которое было предложено Президентом РФ Владимиром Путиным ещё десятилетие назад и продолжает воплощаться в различных формах. Мегапроект председателя КНР Си Цзиньпина, известный как инициатива «Пояс и путь» (ИПП), немислим без Центральноазиатского региона; через него плани-

руется провести магистральные торговые маршруты «Север—Юг» и «Запад—Восток», в которых заинтересованы сегодня все ведущие евразийские державы и экономические объединения. Пока недостаточно активно идёт процесс сопряжения российской инициативы Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и ИПП, однако в ходе прошедшего в мае 2024 г. визита Президента России в Китай стороны обсуждали эту тему, что с большой вероятностью придаст ей новый импульс — ещё одна хорошая новость для экономик стран Центральной Азии.

Важнейшей тенденцией последних лет для региона стал центростремительный тренд. Центральная Азия консолидируется: как заявил российский Президент, «объединительные тенденции набирают обороты». Это действительно так: всё чаще государства региона выступают единым фронтом как для решения общерегиональных вопросов, так и во взаимоотношениях с внешними игроками. Как говорит казахская пословица, «сила птицы в крыльях, людей — в дружбе», и это сегодня хорошо понимают лидеры всех пяти стран региона. В последние годы широко открылся для взаимодействия с соседями Узбекистан; постепенно открывается и Туркменистан. Всё чаще проблемные вопросы между странами — например, пограничные — решаются оперативно и в позитивной атмосфере, при помощи соседей. Можно ожидать, что этот тренд в ближайшие годы сделает Центральную Азию действительно объединённым регионом, чётко и в едином ключе понимающим свою стратегическую силу и значение в процессах глобализации и складывании новой системы международных отношений.

В этих условиях значение региона для России сложно переоценить. «Поворот на Восток» стал основным трендом не только для внешней политики нашей страны, но и для делового сообщества, и для российского общества в целом. Сегодня страны Центральной Азии — партнёры России в ШОС, наиболее влиятельной международной организации на евразийском пространстве. С ними продолжается тесный диалог в рамках СНГ. Три страны региона являются ближайшими союзниками России по Организации Договора коллективной безопасности (ОДКБ), и эта организация уже доказала свою сплочённость и эффективность в регионе в ходе январских событий в Казахстане в 2022 г. В том же году в Астане прошёл первый саммит в формате «Центральная Азия плюс Россия», причём данный формат успешно развивается по линии МИДов шести стран (с 2019 г.), а также по линии Советов безопасности.

В торговле между Россией и странами региона продолжается стремительный рост. В результате западных санкций страны Центральной Азии стали для российского бизнеса важным «окном в мир», через который сегодня идут мощные потоки внешней торговли нашей страны. В 2023 г. товарооборот России с пятью республиками достиг 44 млрд долл. [Товарооборот РФ с Центральной Азией..., 2024], причём растёт доля реэкспорта: например, в том же прошлом году Кыргызстан, не имеющий собственного автопроизводства, занял второе место по импорту автомобилей в Россию после КНР.

В рамках созданного Россией, Казахстаном и Узбекистаном газового союза осенью 2023 г. лидеры трёх стран запустили поставки российского газа в Узбекистан. Растёт доля возобновляемых источников энергии и атомной энергетики на внутреннем рынке региона, чему активно способствует именно Россия. Так,

в ближайшее время ожидается запуск строительства «Росатомом» новой АЭС в Узбекистане [Еникеев, 2024].

Тысячи российских бизнесменов открывают для себя возможности инвестирования в странах Центральной Азии, пользуясь языковым и культурным единством наших стран. Сильно интенсифицируется сотрудничество в области высшего образования, науки и технологий, культурных обменов. Быстрыми темпами растёт туризм: достаточно сказать, что за последние четыре года количество поездок российских туристов в Узбекистан выросло в 11 раз и достигло 400 тыс. человек в год — треть всех туристов, посетивших страну в 2023 [Дмитрий Вольвач: количество российских туристов..., 2024].

В ближайшие годы страны региона Центральной Азии останутся ключевыми партнёрами России как в области безопасности, так и в торгово-экономическом отношении. Повышение их удельного веса на мировой арене делает их ещё более важными контрагентами, а усилия российского руководства по «развороту» страны к более динамичному Востоку будут во многом сосредоточены именно на пяти центральноазиатских государствах. Восток для России начинается здесь.

Все эти факторы диктуют необходимость совершенно по-новому взглянуть на Центральную Азию из России, пересмотреть некоторые прежние, устаревшие подходы к её изучению и анализу, выстроить новую внешнюю и внешнеэкономическую политику на центральноазиатском направлении.

Для многих в нашей стране пять бывших советских республик ещё недавно казались слишком понятными, чтобы уделять особое внимание их исследованию. Мы входим в единое культурное пространство, мы объединены русским языком, советской культурой и воспитанием, общей историей и тесными экономическими связями. Казалось бы, процессы, происходящие в странах Центральной Азии, самоочевидны и могут быть легко объяснены и просчитаны. Такая точка зрения мешала формированию специальных научных, аналитических, экспертных мощностей по изучению стран региона: достаточно сказать, что до создания в 2023 г. Центра центральноазиатских исследований ИКСА РАН в рамках Российской академии наук не было ни одного центра, специализирующегося исключительно на Центральной Азии.

Однако за последние десятилетия в государствах региона многое кардинально изменилось и продолжает меняться. Выросло новое поколение людей, не живших в СССР, имеющих иные нравственные ориентиры и во многом иной культурный код. Выросли новые элиты мирового уровня, ориентированные на современные ценности, во многом отличные от российских. Изменилось понимание истории и культуры, где расставлены совершенно новые акценты, где Ленин уступил место амиру Тимуру, а пионеры-герои — легендарным батырам. На вопрос о том, знаем ли мы сегодняшнюю Центральную Азию, чтобы эффективно работать в ней и с ней — уже нельзя однозначно ответить утвердительно.

Сегодня устаревший подход преодолён. Руководство страны, МИД России, Академия наук и её Отделение глобальных проблем и международных отношений в полной мере понимают важность изучения региона для формирования эффективной внешней политики и внешнеэкономической деятельности нашего государства. Именно это понимание стало основанием для формирования нового

Центра в нашем институте, и именно это понимание стало импульсом для учреждения совместно ИКСА РАН и МГИМО МИД России первого в нашей стране академического научного журнала «Евразийские исследования», посвящённого проблемам Центральной Азии и отношениям России с государствами региона.

Как и наш Центр центральноазиатских исследований, журнал будет работать в тесной связке с нашими коллегами из стран региона. Мы активно налаживаем партнёрские отношения с ведущими университетами, научными центрами, институтами стратегических исследований всех пяти государств, сотрудничаем и дружим с посольствами в Москве, руководители которых любезно согласились принять участие в первом номере журнала. Мы планируем проводить конференции и круглые столы как в России, так и в государствах региона для обсуждения наиболее актуальных вопросов двусторонних и многосторонних отношений, процессов и трендов развития Центральной Азии, азиатской, евразийской и международной повестки в целом.

Наша задача — оказать содействие российскому государству в выстраивании максимально объективного и полного понимания того, что сегодня представляет собой Центральная Азия и как она будет развиваться завтра, по каким векторам должны развиваться отношения с ней России, как наши страны и народы могут сблизить своё понимание прошлого и максимально эффективно выстроить взаимодействие на долгие годы вперёд. Изучая историю и прогнозируя будущее, мы находим правильные ответы. Ведь, как сказал великий центральноазиатский мыслитель прошлого аль-Бируни, минувшее и грядущее равны перед разумом.

Библиографический список

Дмитрий Вольвач: количество российских туристов в Узбекистан увеличилось в десять раз. URL: https://economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_kolichestvo_rossiyskih_turistov_v_uzbekistan_uelichilos_v_desyat_raz.html (дата обращения: 10.05.2024).

Еникеев Ш.М. Тройственный газовый союз. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2024-05-12/3_9005_kb.html (дата обращения: 13.05.2024).

Старр Ф. Утраченное Просвещение: золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времён Тамерлана. М.: Интеллектуальная литература, 2017.

Товарооборот РФ с Центральной Азией в 2023 году превысил 44 млрд долл. URL: <https://expert.ru/news/tovarooborot-rf-s-tsentralnoy-aziey-v-2023-godu-prevysil-44-mlrd-dollarov/> (дата обращения: 25.05.2024).

IMF Staff Completes 2024 Article IV Mission to Turkmenistan. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2024/04/15/pr24118-turkmenistan-imf-staff-completes-2024-article-iv-mission> (дата обращения: 11.05.2024).

The World Bank in Kazakhstan. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/kazakhstan/overview#3> (дата обращения: 14.05.2024)

The World Bank in Tajikistan. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/tajikistan/overview#3> (дата обращения: 25.05.2024).

The World Bank in the Kyrgyz Republic. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/kyrgyz-republic/overview#3> (дата обращения: 15.05.2024).

The World Bank in Uzbekistan. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/uzbekistan/overview#3> (дата обращения: 16.05.2024).

References

Dmitriy Vol'vach: kolichestvo rossiyskikh turistov v Uzbekistan uvelichilos' v de-syat' raz [Dmitry Volvach announces that the number of Russian tourists to Uzbekistan has increased tenfold]. URL: https://economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_kolichestvo_rossiyskikh_turistov_v_uzbekistan_uvelichilos_v_desyat_raz.html (accessed: 10.05.2024).

IMF Staff Completes 2024 Article IV Mission to Turkmenistan URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2024/04/15/pr24118-turkmenistan-imf-staff-completes-2024-article-iv-mission> (accessed: 11.05.2024).

Starr, F. Utrachennoye Prosveshcheniye: zolotoy vek Tsentral'noy Azii ot arabskogo za-voyevaniya do vremen Tamerlana [The Lost Enlightenment: Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to the Age of Tamerlane]. M.: Intellektual'naya literatura, 2017.

The World Bank in Kazakhstan. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/kazakhstan/overview#3> (accessed: 14.05.2024).

The World Bank in Tajikistan. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/tajikistan/overview#3> (accessed: 25.05.2024).

The World Bank in the Kyrgyz Republic. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/kyrgyzrepublic/overview#3> (accessed: 15.05.2024).

The World Bank in Uzbekistan. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/uzbekistan/overview#3> (accessed: 16.05.2024).

Tovarooborot RF s Tsentral'noy Aziyey v 2023 godu prevysil \$44 mlrd [Russia's trade turnover with Central Asia to exceed \$44bn by 2023]. URL: <https://expert.ru/news/tovarooborot-rf-s-tsentralnoy-aziyey-v-2023-godu-prevysil-44-mlrd-dollarov/> (accessed: 25.05.2024).

Yenikeyeff, S.M. Troystvennyy gazovyy soyuz [The Triple Gas Alliance]. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2024-05-12/3_9005_kb.html (accessed: 13.05.2024).

Т.В. Бордачев

Третье открытие Центральной Азии

Аннотация. В данной статье автор рассматривает историю взаимоотношений России со странами Центральноазиатского региона через призму трех этапов их развития (так называемых «трех открытий» Центральной Азии): в период существования Российской империи и ее прихода на территорию Туркестана; в период советского режима и, наконец, после обретения бывшими советскими республиками независимости. Автор кратко описывает современный геополитический контекст, в котором находится регион. «Первое открытие» Центральной Азии (Туркестана в терминологии того периода) произошло в ходе острой конкуренции России с Великобританией, крупнейшей колониальной державой. Автор сопоставляет европейский и русский ориентализм: согласно его выводам, на формирование последнего во многом повлиял приход Российской империи в регион Центральной Азии. Говоря о «втором открытии», автор использует метафору «падающего минарета», описывая те изменения, которые пережило общество Центральной Азии в ходе советской модернизации, и которые касались множества сфер жизни, причем зачастую самым кардинальным образом; автор кратко рассматривает как позитивные, так и негативные последствия политики СССР. Тем не менее, в 1991 году, с обретением независимости, республики начали свидетельствовать обратные процессы: автор упоминает, что в регионе помимо России появились и другие крупные игроки. В ходе рассмотрения «третьего открытия» автор дает краткий комментарий современной внешней политики РФ и предлагает пересмотреть ее текущую стратегическую модель в отношении Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, Россия, СССР, российская внешняя политика, постсоветское пространство, история российской внешней политики, Российская империя.

Автор: Тимофей Вячеславович Бордачев, Доктор политических наук, профессор, научный руководитель Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай». E-mail: tbordachev@hse.ru

Timofey Borodachev

The third discovery of Central Asia

Abstract. In this article, the author examines the history of relations between Russia and the countries of the Central Asian region through the prism of three stages of their development (the so-called “three discoveries” of Central Asia): during the existence of the Russian Empire and its arrival on the territory of Turkestan; during the Soviet regime and finally after the former Soviet republics gained independence. The author briefly describes the current geopolitical context in which the region is located. The “first discovery” of Central Asia (Turkestan, in the terminology of the period) was made during the intense competition between Russia and Great Britain, the largest colonial power. The author compares European and Russian orientalism: according to his conclusions, the formation of the latter was largely influenced by the arrival of the Russian Empire in the Central Asian region. Speaking about the “second discovery”, the author uses the metaphor of a “falling minaret”, describing the changes that Central Asian society experienced during Soviet modernization, and which affected many areas of life, often in the most dramatic way; the author briefly examines both positive and negative consequences of USSR policies. However, in 1991, with the acquisition of independence, reverse processes began to take place in the republics of Central Asia: the author mentions that in addition to Russia, other major actors appeared in the region. In the course of considering the “third discovery,” the author provides a brief commentary on the modern foreign policy of the Russian Federation and proposes to reconsider its current strategic model in relation to Central Asia.

Keywords: Central Asia, Russia, USSR, Russian foreign policy, history of Russian foreign policy, Russian Empire, post-soviet states.

Author: Timofey Vyacheslavovich Bordachev, Doctor of Political Sciences, Professor, Scientific Director of the Center for Comprehensive European and International Studies of the National Research University — Higher School of Economics, Program Director of the Valdai International Discussion Club. E-mail: tbordachev@hse.ru

Российский путешественник середины XIX века был совершенно прав, когда отмечал, что «сбивчивые и противоречивые данные, существующие в нашей географической литературе о Средней Азии, делают эту страну, если не совершенной *terra incognita*, как говорилось в старину, то по крайней мере трудным научным ребусом, а о среднеазиатском человеке мы почти ничего не знаем» [Валиханов, 1904]. И надо признать, что за последние 200 лет Россия уже в третий раз открывает для себя соседей, с которыми ее связывает колоссальное равнинное пространство, не имеющее ни одного сколько-нибудь заметного топографического барьера. При этом на каждом этапе природу и содержание «открытия» определяют факторы, связанные с развитием самой России и ее международных отношений.

Открытие Туркестана Российской империей во многом было обусловлено влиянием экспансионистских практик европейских держав и даже было отчасти спровоцировано конкуренцией с ними (подробнее см.: Гуломов Х. Дипломатические отношения...). Тем более, что сама Россия к тому времени уже

достигла оптимальных для себя пределов территориального роста, объединила все восточнославянские народы и приобрела выход к основным мировым океанам. Открытие Средней Азии во времена СССР содержало в себе мощный и безальтернативный модернизационный импульс, источником которого были фундаментальные изменения российского общества под влиянием революционного перелома начала XX века. Октябрьская революция пришла в Туркестан и преобразовала его общество в соответствии с уникальными особенностями того строя, который советская власть установила в самой России.

Теперь Россия заново «открывает» для себя Центральную Азию как совокупность пяти независимых государств, уже прошедших значительный путь своего суверенного развития. Этот путь еще не привел их к сравнительно законченным формам государственности «классического» вестфальского образца, однако именно он побуждает Россию развивать знания о соседях и стремиться к лучшему пониманию их. Поэтому не удивительно, что Центральная Азия в который раз представляет собой некоторую загадочность. Причина в том, что, Россия никогда заранее не разрабатывала схему подхода к народам Центральной Азии, а ее интеллектуальные усилия были выстроены так, что это ограничивало познание региона в тех формах, которые сейчас становятся наиболее востребованными.

Мы не можем игнорировать то, что собственное поведение России определяется трансформацией, которую российское общество испытывает уже на протяжении более трех десятилетий после распада СССР. Нельзя выстраивать стратегию в отношении соседей в отрыве от понимания наиболее важных тенденций собственного развития — строительства единого многонационального государства-цивилизации во все более хаотичном внешнем окружении. В противном случае стратегия рискует оказаться тупиковой. Важной задачей понимания принципов взаимодействия является четкое определение места соседей, в данном случае — стран Центральной Азии, в системе российских интересов. Другой не менее важной составляющей является анализ их внутреннего развития как совершенно самостоятельного процесса, подчиняющегося внутренней логике не меньше, чем внешним факторам.

При этом оба измерения данного проблемного поля находятся между собой в состоянии диалектического взаимодействия, а их внутренние движущие силы не подчиняются линейной логике развития. Эволюция России неизбежно будет накладывать отпечаток на то, как она сможет взаимодействовать со своими соседями. Более того, в силу своих масштабов она неизбежно будет влиять и на их развитие. Однако это влияние всегда будет идти в связке с переменами, через которые проходит население Центральной Азии, а в силу нашей географической близости, отголоски локальных тенденций также будут прямо или опосредованно влиять на Россию. Иными словами, безоговорочную пользу сторонам может принести объединение опыта, накопленного ими практически за 200 лет сравнительно тесного взаимодействия.

Отдельный важный вопрос — это насколько существенным для нашего нового открытия региона является влияние именно современного контекста. Основные его проявления достаточно известны. Во-первых, современный этап рос-

сийско-центральноазиатских отношений происходит в условиях фундаментальных изменений глобального характера. Их отличительная особенность — резкий рост способности средних и малых держав к самостоятельному определению их внутренней и внешней политики. Эту тенденцию подхватили и наши соседи в странах Центральной Азии, впервые за долгое время получившие возможность полностью решать свою судьбу и не испытывать при этом существенных внешних угроз собственному выживанию.

Государства Центральной Азии достаточно часто проявляют стремление соответствовать тем принципам поведения идеального «Мирового большинства», которые за последние пару лет уже стали устойчивым конструктом на вооружении российской внешней политики. Однако сложно оценить, насколько эти стремления являются продуктом нового типа международной среды, а насколько — проявлениями уже давно известного феномена поведения суверенных государств по отношению к своим бывшим метрополиям, тесные связи с которым они сохраняют. Мы только с высокой степенью неуверенности можем судить о том, в чем страны Центральной Азии следуют общим международным тенденциям, а в чем — выстраивают, часто инстинктивно, свою уникальную модель отношений с Россией.

Во-вторых, российское отношение к региону на современном этапе неизбежно испытывает некоторое воздействие сильно возросшего в последние годы внимания к нему со стороны основных друзей и противников России — Китая и страны Запада. Отчасти этот повышенный интерес имеет конъюнктурный характер — это «мода» на Центральную Азию на фоне провала стратегии Запада и международных институтов развития в других регионах, а отчасти является достаточно стратегическим. А если мы примем за чистую монету американские доводы, то наблюдается даже общность их мотивов: «по разным причинам, но и американцы, и китайцы опираются на идею глобализации. Соединенные Штаты намеревались (и по-прежнему говорят об этом, правда, без прежнего энтузиазма) дать Центральной Азии доступ к глобальному пространству. КНР желает сохранить собственную включенность в глобальную экономику, поддержать или максимально продлить ее прежнюю модель» [Сафранчук, 2016].

Непосредственные причины этого внимания также вполне доступны для систематизации. Это, в первую очередь, естественное стремление Китая к расширению сферы своего экономического могущества, получившее практическое измерение после 2013 года. Именно Центральная Азия оказалась тем регионом, где китайские намерения и российское присутствие впервые отчетливо пересеклись после того, как пришедшее к власти в 2012 г. руководство КНР приняло решение конвертировать свои экономические достижения в некоторое геостратегическое влияние. Независимые государства Центральной Азии стали настоящим «общим соседством» России и Китая через 150 лет после того, как китайское влияние было вытеснено из региона европейскими империями XIX века.

Большую роль играет и возросшая готовность стран Запада более активно противодействовать России и Китаю на этом пространстве. США и, в меньшей степени, Европа рассматривают пространство Центральной Азии как часть своей дипломатической игры, цель которой — максимально ослабить их основных гео-

стратегических конкурентов в Москве и Пекине¹. И мы не знаем, интересы какой из этих столиц являются главным объектом приложения усилий западной дипломатии. Также контекст формирует сравнительная стабильность политических режимов региона и их собственное желание брать максимально много от глобальной экономики. Наконец, в Центральной Азии отсутствуют ограничители, с которыми Запад и Китай сталкиваются там, где их интересы и намерения хорошо известны. Для ее жителей европейские, американские или китайские намерения и способы реализации их интересов были на протяжении более чем столетия скрыты безусловным российским доминированием, имевшим в этом смысле как положительные, так и отрицательные стороны. В том числе, им пока не приходилось в полной мере сталкиваться с практиками, о которых хорошо осведомлены народы Африки, Ближнего и Среднего Востока, а также Южной Азии.

Однако хорошо известны и ограничители, из-за которых современному ажиотажу в будущем будет труднее преобразиться в некий новый импульс развития региона. Среди них — сравнительно небольшое по глобальным меркам население на значительной территории, пригодность которой для жизни может вызывать сомнения, удаленность от привычных и удобных торговых путей, легкая досягаемость при желании внешних сил поддержать там разрушительные внутренние импульсы, исчерпание собственных природных ресурсов, а также конфликт между демографическим ростом и изменениями климата. Базовые условия развития стран региона прекрасно характеризует в своей работе видный американский ученый Фредерик Старр: «общая площадь культурной области «Большой Центральной Азии» меньше, чем восток Соединенных Штатов или вся Западная Европа, а большая часть всех трех составляющих ее зон практически необитаема» [Старр, 2017]. Преодолеть последствия такого уникального геополитического положения сложно — это в полной мере осознается политическими лидерами региона. И совершенно не хотелось бы увидеть через 10—15 лет в числе политологических бестселлеров Запада произведения с названием: «Почему у Центральной Азии не получилось?»

Открытие первое

Признавая значение исторического контекста, сейчас мы не должны игнорировать то, какую роль он уже играл в прошлом. В действительности продвижение Российской империи в Туркестане оказалось во многом спровоцировано той конкуренцией, которая развивалась между Санкт-Петербургом и Лондоном во

¹ По этой проблеме в последние годы было опубликовано несколько интересных статей российских авторов. См., в том числе: Малышева Д. Международно-политическая конкуренция на постсоветском центральноазиатском пространстве. *Мировая экономика и международные отношения*, 2021, Т. 65, № 7. С. 106—115; Притчин С. Многовекторность как основная модель внешней политики стран Центральной Азии. *Мировая экономика и международные отношения*, 2023, Т. 67, № 12. С. 104—115; Притчин С. «Большая игра 2.0» в Центральной Азии на современном этапе. *Мировая экономика и международные отношения*, 2022, Т. 66, № 6. С. 112—123; Сафранчук И. Конкуренция за безопасность Центральной Азии // *Россия в глобальной политике*. 2007. № 6. С. 112—121.

второй половине XIX века¹, а также общим ослаблением Китайской империи, облегчавшим реализацию устремлений двух могущественных европейских империй. И только уже потом оно сопровождалось открытием региона как объекта приложения модернизационных усилий со стороны царской администрации, хотя и весьма незначительных.

Оценивая действия царской России в регионе, крупнейший отечественный востоковед Василий Бартольд писал: «в Туркестане, в противоположность Сибири, русская власть имела полную возможность проводить свою политику. Туркестан, с его сравнительно густым населением и сравнительно высокой культурой, не мог быть присоединен к России теми же способами, как Сибирь. Занятие Туркестана происходило по распоряжению правительственных властей, и ими же решались судьбы завоеванного края и его населения; непоследовательность и изменчивость правительственной политики объясняется не какими-либо внешними препятствиями при осуществлении начинаний правительства, но колебаниями самого правительства, происходившими от недостаточного знакомства с современной жизнью края и его прошлым» [Бартольд, 1927]. Как в самой России, где, по выражению Василия Ключевского «любясь, как реформа преобразовала русскую старину, не доглядели, как русская старина преобразовала реформу» [Ключевский, 1959], российская политика в Туркестане нуждалась в более глубоком понимании природы местного общества и создаваемых им институтов.

Двигателем модернизационных усилий становится развивавшееся тогда в России стремление к реформам и, одновременно, познанию окружающего мира. И оно же определяет восприятие реалий региона. Выдающийся ученый — географ Чокан Валиханов в своих заметках о путешествии в Кашгарию описывает их наиболее эмоционально: «Средняя Азия в настоящем своем общественном устройстве представляет явление крайне печальное, какой-то паталогический кризис развития. Вся страна, нисколько не преувеличивая, есть не более не менее, как одна громадная пустыня, с заброшенными водопроводами, каналами и колодцами. (...) На этих оазисах, на развалинах многовратных городов, стоят жалкие мазанки и в них живет дикое, невежественное племя, развращенное исламом и забитое до идиотизма религиозным и монархическим деспотизмом туземных владельцев с одной стороны и полицейской властью китайцев с другой» [Валиханов, 1904].

Такое драматическое восприятие является естественным для образованного человека эпохи и создает посыл, одинаково созидательный и ограничивающий

¹ Необходимо отметить, что «первая рекогносцировка» Туркестана со стороны Российской империи имела место еще в XVIII веке, когда был основан Оренбург и другие «пограничные» сибирские города, устанавливались контакты с ханами казахской степи, делалась разведка и развивалась торговля с городскими центрами Туркестана, предпринимались попытки играть на балансе между местными центрами государственности. Однако, в ту эпоху действия русской администрации диктовались, скорее всего, экономическими соображениями и, соответственно, не вели к развитию сколько-нибудь интересных и убедительных размышлений о положении региона в системе российских интересов. То есть «открытием» в нашем смысле не были. Данный исторический период может представлять, вместе с тем, интерес, поскольку мы и сейчас любим поразмышлять о необходимости более прагматичной и далекой от модернизационных устремлений политике.

возможности познания, свойственные европейскому ориентализму. Для него «золотой восток, страна чудес», восток «Тысячи и одной ночи» постепенно отходит в область легенд; зато перед нами разворачивается картина действительной жизни восточных народов и выясняются причины, определившие ход их истории и их роль в истории человечества» [Бартольд, 2014]. Русский ориентализм развивается в уникальных условиях и, в отличие от западного, не имеет под собой прочной духовной основы, определяющей явное или скрытое превосходство исследователя над объектом исследования [Саид, 2006; Саид, 2012]. Но одновременно это способствует исчезновению дистанции, которая бывает необходимой для подлинного понимания отличающейся цивилизации. При этом именно Центральная Азия дает материал, позволяющий российским исследованиям Востока обрести определенную уникальность.

Российская империя приходит в Туркестан с двойственной политикой. С одной стороны, он становится для нее территориальной базой в противостоянии с британскими конкурентами и, одновременно, источником ресурсов, среди которых на первом месте хлопок. С другой стороны, у нее не получается принять стратегию своих европейских противников, умевших построить разделительные барьеры между собой и покоренными народами. Отчасти это связано с тем, что, в отличие от британцев или французов в Африке и Юго-Восточной Азии, мы имеем дело с одним из наиболее древних очагов мировой культурной жизни и государственности [Якубовский, 1941]. Многие народы Туркестана — это еще и наследники империи, созданной Чингисханом и его потомками, с которой сама Россия находилась в даннических отношениях.

Угасание Золотой Орды перетекало в присоединение ее земель к Русскому государству и этот исторический опыт, во многом, определял наше отношение к другим частям бывшей монгольской империи даже по прошествии 2-3 столетий. С давних времен Бухара, Хива или Самарканд становились местом пребывания значительного количества русских невольников, угнанных в рабство ордынцами или местными разбойниками [Веселовский, 1878]. Плавное движение империи на Восток, даже если производится в форме прямого завоевания, представляет собой продолжение ее внутреннего развития на протяжении предшествовавших столетий. И Туркестан, конечно, рассматривается, вполне в рамках концепции Василия Ключевского, применительно ко всей территории России с древнейших времен¹. При таком взгляде не удивительным является отсутствие восприятия региона в качестве колонии, что прекрасно иллюстрирует факт отсутствия российского павильона в колониальных отделах Всемирной выставки в Париже в 1900 году [Шевеленко, 2017].

В результате, когда изучение Туркестана принимает действительно масштабный характер, русским исследователям приходит в голову то, до чего никогда не додумывались толком их европейские коллеги — интересоваться настоящими, а не сконструированными в рамках собственной умозрительной схемы, чувствами и мыслями новых подданных нашей огромной континентальной империи. При-

¹ Речь идет о его известном тезисе: «история России есть история страны, которая колонизируется». См.: Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция 2.

чина в том, что их модернизационные устремления связаны с судьбой самого русского народа, отталкиваются от его собственного опыта и возникающего видения своего места в мире. Яркий представитель российской науки той эпохи призывает: «знания, науку, станем сообщать приемами, сообразными с умственными силами, с духовным развитием народов, не в чужих формах, как приняла ее сами, а стараясь, чтобы она проникла в их природу. Мы передадим Азии только то, что Европа произвела хорошего, переработав прежде Европейскую цивилизацию в самих себе; короче будем воспитывать Азию как свое родное дитя, вскормим его собственной грудью, как мать» [Григорьев, 1840]. Вряд ли можно было придумать более надежный заслон на пути развития в России ориентализма, как увлеченного предметом, но отстраненного метода познания другой цивилизации.

Следуя такой парадигме, выдающийся востоковед второй половины XIX века Николай Веселовский пишет: «во время моего пребывания в Туркестанском крае (в течение 1885 года) с археологической целью, я не упускал из виду и задач исторических. В числе последних меня интересовал вопрос: какое впечатление на умы туземного населения произвели наши завоевания в Средней Азии, как смотрели туземцы на это великое событие в то время и как смотрят теперь? Что думали туркестанцы во время недавней борьбы с нами о себе, о нас; чего ждали и чего опасались со стороны пришлых завоевателей? Мне казалось, что такое событие, как завоевание русскими Туркестанского края, не могло не отразиться в туземной литературе тем или иным образом» [Веселовский, 1894]. Мы видим, такими образом, что уже на раннем этапе развития наших систематизированных знаний о Центральной Азии, русская наука руководствуется стремлением, прямо противоположным базовым установкам западного ориентализма, когда даже «личный опыт пребывания на Востоке (для него) оказывается не более, чем не всегда удачной иллюстрацией к исходному книжному знанию» [Говорунов, Кузьменко, 2013].

В основе этого стремления находится сочетание факторов, главный из которых — это единство природы самого российского государства и происходящих с ним процессов, с одной стороны, а с другой — его отношения с цивилизацией Центральной Азии. Результаты оказались впечатляющими и позволили в середине прошлого столетия обоснованно прийти к выводу, что «изучение истории так называемого мусульманского мира благодаря трудам В.В. Григорьева, Д.А. Хвольсона, П.И. Лерха, И.Н. Березина, В.Г. Тизенгаузена, Н.И. Веселовского, В.В. Радлова и В.Р. Розена достигло в России серьезных успехов. На основе изучения ряда важных арабских, персидских и тюркских письменных источников, и нумизматических материалов появились исследования, знаменовавшие возникновение самостоятельной русской историко-востоковедческой школы, которая заняла почетное место в мировом востоковедении» [Бартольд, 2014]. Процесс познания этими учеными Центральной Азии происходит параллельно с ее включением в состав империи, что сокращает временные возможности для формирования взгляда на отношения с соседями, как на преимущественно дипломатические.

Тот же Николай Веселовский более хладнокровно смотрит на отношения с государствами региона в тех случаях, когда речь идет о чистой политике и отмеча-

ет бессмысленность множественных попыток взаимной дипломатии на ранних этапах: «у нас же выдавались иногда периоды, хотя и незначительные, когда мы совершенно забывали и о существовании самой Средней Азии, и о тех несчастных наших соотечественниках, которые томились там в рабстве. Зато ханы нас никогда не забывали и слали к нам послов за послами. Предложения ханов, в сущности, были довольно однообразны и, можно сказать, довольно пусты» [Веселовский, 1884]. В результате, «подобных посольств к нам из одной только Хивы за время с 1916 по 1744 год насчитывается до 27, не считая дополнительных, к некоторым из них, гонцов, приезжавших с многочисленными свитами особо. Средним числом одно хивинское посольство на $4\frac{1}{2}$ года» [Веселовский, 1884]. Государственные образования региона, существовавшие до прихода России, и даже сохранившиеся после него, не видятся ему в качестве состоявшихся законченных форм. Тем более, что Россия к моменту своего появления на берегах Амударьи уже имеет опыт интеграции в свой состав целого ряда мусульманских сообществ на Волге и в Крыму [Котляров, 2017]. А первый такой опыт возникает еще до обретения Россией полной независимости, когда в 1452 г. великий Московский князь Василий II Васильевич (Темный) приглашает татар царевича Касима составить отдельное «царство» в пределах его рязанских владений [Бахтин, 1991].

Россия, таким образом, сочетает в своем поведении модернизаторские устремления, характерные для европейского ориентализма и собственный богатый опыт взаимодействия с восточными и мусульманскими сообществами. Не случайно в одном из своих выступлений русский востоковед XIX века эмоционально указывает на это как на основу российской политики на Востоке: «царевичи и Мурзы, переселяясь добровольно в Россию, получили в ней все преимущества наших высших классов и из теперешних аристократических фамилий Русских, очень многие ведут род свой от этих Ордынских выходцев. Так и везде в Азии покоренные народы ее были в наших глазах не рабами на службу России, а братьями нашими, о благосостоянии которых мы должны заботиться, как о своем собственном» [Григорьев, 1840]. Продолжающееся строительство российского государства, как такового, и интеграция в его состав только завоеванных народов Туркестана представляют собой связанные части одного исторического процесса. Вряд ли такое можно представить, когда мы говорим о британской политике в Индии или отношении французских мыслителей к развитию народов Северной и Западной Африки. Тем более, что в Европе процесс формирования основы государственности имеет к середине XIX века практически законченный характер, а в России он не прекращается никогда.

Такое объединение внутреннего и внешнего в отношениях с народами Центральной Азии становится, как отмечалось выше, естественным продолжением уже имевшегося опыта. После своего освобождения от ордынской даннической зависимости Россия получает уникальный для современных держав опыт постепенного и, в конечном итоге, полного поглощения наиболее сильного и опасного соседа и полной интеграции его в собственный государственный организм. Могущественный народ, на протяжении более чем 200 лет представлявший собой крупнейшую угрозу для великорусского этноса, пал под давлением собственной внутренней слабости, был разгромлен на поле боя и, в конечном итоге, пол-

ностью включен в состав России, а большая часть его аристократии влилась в русское дворянство.

Причины данного феномена — отдельный огромный сюжет отечественной истории, пока полностью не раскрытый. Российский историк конца XIX века отмечает: «инородческие религии не нашли в московской власти гонительницу. Это не значит, что она в своем практическом отношении к религиям новых подданных являлась похожей на государственную власть императорского Рима, дававшего место в пантеоне божествам покоренных народов. Не означает это и того, что московская власть была чужда желанию обратить инородцев в христианство. Но эти ее стремления, совпадавшие с религиозной ревностью многих подданных русского происхождения и в особенности духовенства, сталкиваясь с фискальными ее стремлениями, в значительной степени умерялись опасением, как бы этой ревностью не ожесточать инородцев...» [Фирсов, 1886].

Поэтому с политической точки зрения для России признание за «другим» его самоценности не является основанием ни отказаться от своих планов, ни попытаться привести новых подданных к единому цивилизационному знаменателю. Но наше внутреннее согласие с сохранением уникальности народов и общественных институтов Центральной Азии становится уже на раннем этапе препятствием к тому, чтобы видеть эти земли в системе собственных внешнеполитических интересов, а также изучать их с требуемой степенью отстраненности. Обе эти особенности российской стратегии в отношении важного региона присутствуют в полной мере и сейчас. Во многом потому, что после падения Российской империи нам предстояло пережить исторический опыт, оказавший еще более фундаментальное воздействие.

Открытие второе

Советская модернизация Средней Азии отчасти стала продуктом сначала борьбы молодой коммунистической власти против ее глобальных противников, а затем — выживания СССР в противостоянии с глобальным капиталистическим сообществом рыночных демократий и, со второй половины 1960-х гг., встающим на ноги Китаем. Однако еще в большей степени она была обусловлена не имевшим границ масштабом изменений российского общества. В своем увлекательном повествовании о спасении северо-восточного минарета медресе Улугбека в Самарканде выдающийся советский археолог Михаил Массон пишет, в частности: «новым пришедшим к власти людям хотелось иного, чем прежде, нового отношения ко всему, в том числе и к памятникам старины. Их подкупала научно обоснованная аргументация Мауэра. В его смелом предложении «оторвать» громаду минарета от здания, качнуть его, выпрямить и опустить на свое прежнее место целиком они чувствовали что-то созвучное прокатившимся по всей стране волнам революционного подъема» [Массон, 1968].

Эта история является прекрасно иллюстрацией всей политики и философии советского периода в отношении развития Центральной Азии. Сдвинутый могучим усилием со своего места минарет общественного уклада был «оторван» от

более широкой цивилизации, к которой он принадлежал на протяжении предшествовавших тысячелетий. Именно на это не напрямую указывает в своей уже цитированной выше работе Ф. Старр, когда обращает внимание читателя к «золотому веку» Центральной Азии, связанному географически не с Россией, а с более древними цивилизациями Ирана и Индии. Возвращение в этот цивилизационный ареал может оказаться естественным процессом будущего. Оно сейчас уже проявляется в отдельных тенденциях развития региона и его отношений с Россией. Все эти процессы, нравятся они нам или нет, имеют естественный характер. Однако нужно отдавать себе отчет в том, что возвращение Центральной Азии в столь поэтически воспетое Ф. Старром цивилизационное пространство Среднего Востока и Южной Азии может иметь свои хорошие и плохие последствия.

Тем более, что на пути к этому придется преодолевать последствия советской модернизации: «специальные программы поддержки и выравнивания статуса для разного рода меньшинств и периферийных районов; большое внимание, конечно, не без корысти и издержек, уделялось эмансипации женщин. Советская утопия, или идеальная модель общества, обещала каждому успешную перспективу, что многих людей привлекало и создавало осмысленные мотивации поведения» [Абашин, 2017]. Наиболее важное достижение советского периода в развитии отношений между Россией и народами Центральной Азии — это всеобщее равенство, но устанавливающее некую общую основу общения между представителями элиты разных национальностей и, не без исключений, конечно, внутри них. Для России и нашего восприятия этого важного региона особенности советской общественной модернизации сформировали новые препятствия для отстраненного отношения к народам Центральной Азии. И, соответственно, восприятия их государственности, как той, отношения с которой нужно выстраивать исключительно исходя из российских интересов. В результате мы должны быть готовы к тому, чтобы со временем учитывать последствия изменений в обществах региона, контролируя то, какое воздействие оказывает на наше понимание 200 лет уникального опыта его познания.

В 1991 г. минарет государственности народов Центральной Азии вернулся на свое место, но остаются последствия воздействия, оказанного на него руками советских «архитекторов». И не удивительно, что вплоть до последнего времени одним из последствий советской эпохи был «массовый, хотя и не единодушный, отказ рассматривать себя в качестве бывшей колонии» со стороны элит стран Центральной Азии. Это «говорит нам о том, что среднеазиатское общество в значительной своей мере приняло многие черты советской социализации и сформировало собственную советскую идентичность» [Абашин, 2017]. Со своей стороны познание Центральной Азии, в том числе Россией, также прошло большой путь под воздействием всей советской парадигмы интерпретации исторического процесса и культуры. Именно в советские годы написано большинство трудов по истории народов Центральной Азии, таких, как «Государство кочевых узбеков» [Ахмедов, 1965] или «Государство Саманидов» [Негматов, 1989], «Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI — начало XIII в.)» [Байпаков, 1986], «Очерки политической истории Киргизии XIX века» [Джамгерчи-

нов, 1966] или «Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи» Саула Абрамзона [Абрамзон, 1971]. Силами ученых Москвы, Ташкента, Алматы, Ленинграда и других научных центров создается множество работ, исследующих отдельные аспекты жизни и хозяйственной деятельности в Средней Азии. Именно в советский период накопленные ранее заделы становятся основой целостной научной системы представлений о том, что из себя представляют на самом деле народы Средней Азии.

Была у социалистической модернизации и обратная сторона, которая особенно драматически сказывалась на истории российского познания Центральной Азии и ее народов. В первую очередь — это, конечно идеологический гнет, сопровождавший советское обществоведение уже с 1920-х годов. Так, например, обвинения в адрес выдающегося востоковеда Саула Абрамзона со стороны партийных органов состояли в том, что его научно объективный анализ этнической истории «игнорирует те колоссальные изменения в этнографическом облике киргизов, которые произошли за годы советской власти», «преувеличивает роль родоплеменных пережитков в современной жизни киргизов», (...), что «такого рода публикации явно не способствуют монолитности киргизской нации, укреплению дружбы между нациями» [Табышалиев, 1990]. Во-вторых, в первые десятилетия советской власти ее представители сознательно подходили исключительно критически ко всему, что было связано с пребыванием народов Центральной Азии в составе Российской империи. Известный нам сегодня «постколониальный дискурс», который стремятся распространить противники России на Западе, возникает не на пустом месте, если принять во внимание советскую историографию 1920-х — 30-х годов. Которая, в сущности, отрицала весь опыт изучения региона в предшествовавший исторический период [Кривошеев, Дворниченко, 1994].

Один из проводников такой линии Михаил Покровский утверждал, например, что «самое создание истории народов СССР есть еще дело будущего, и целая огромная область — область национального вопроса и всего, что с ним связано, борьбы с великодержавным шовинизмом как с главной опасностью» [Кривошеев, Дворниченко, 1994]. Не был обойден в упреках по поводу «колониализма» и академик В.В. Бартольд, представлявший собой, по мнению критиков, «столь типичный образчик великорусского великодержавного шовинизма, что приходится только разводиться руками, почему такая книжка («Очерки культуры жизни Туркестана». — *Авт.*) могла появиться в нашей стране. По существу, это апологетика действий великодержавного русского шовинизма, русского капитала, русской колониальной политики в Средней Азии» [Кривошеев, Дворниченко, 1994]. И было бы неправильно отрицать, что существенный вклад в развитие этнического национализма и отрицания всего, что было связано с российским влиянием является продуктом исключительно современности или враждебного влияния противников России. Во-многом, основа этих явлений была заложена в ходе научной дискуссии первоначального этапа становления СССР как уникальной системы общественных отношений.

Второе «открытие» Россией ее соседей в Центральной Азии, таким образом, оказало фундаментальное влияние уже не только на наше восприятие этих наро-

дов, но и их собственное понимание России. Тем более, что в процессе был накоплен колоссальный историографический материал, остающийся и сейчас источником практических знаний о регионе. Также была предпринята попытка решить базовое противоречие прежней политики — восприятие самостоятельных цивилизаций как естественной, хотя и в недалеком будущем, части большой русской культуры и общественных институтов. Создание новой «общей» советской цивилизации должно было ликвидировать все предшествующие исторические наслоения, образовав на их основе новое общество с его уникальными наднациональными особенностями. Отчасти это удалось. Но не в меньшей степени такой эксперимент способствовал и закреплению и так свойственной особому русскому ориентализму привычки к отсутствию отстраненности исследователя от предмета исследования.

Поэтому сейчас советский опыт понимания Центральной Азии представляет собой большое историографическое значение, но мало может нам дать там, где необходимо понимать способы выстраивания отношений с ее независимыми государствами. А полностью принять западную традицию «романтического ориентализма», наиболее ярким представителем которой в том, что касается Центральной Азии, является Ф. Старр, также не представляется сейчас возможным. Она противоречит действительному историческому опыту России в этом регионе за прошедшие два столетия: «огромный ствол минарета был целиком отделен от своего основания и закреплен на раме с шатунами. Вся поврежденная его часть от уровня фундамента на высоту нескольких метров была удалена. Ее заменили капитальной железобетонной кладкой. Прилагая усилие всего в 12 килограммов, короткими поворотами винта с паузами разной длины в течение нескольких часов ствол минарета медленно качнули в обратном падению направлении и... выпрямили» [Массон, 1968].

Открытие третье

Неудивительно, что сейчас, в момент нашего третьего «открытия» Центральной Азии российская политика и система представлений о регионе носит двойственный характер. Тем более, что пока возникшие в регионе после распада СССР независимые государства не создавали серьезных поводов для нарастания в России беспокойства и стремления лучше разобраться в их развитии с позиции сугубо внешнего игрока. Главный фактор, заставляющий нас энергично думать об определенном внешнеполитическом направлении — это исходящая оттуда угроза, и надо признать, что здесь Центральная Азия создает недостаточно стимулов для масштабной и массовой рефлексии. Ведь если оценивать происходящее с точки зрения основных процессов, создающих тревожность в международной политике, то Центральная Азия — это один из немногочисленных регионов современного мира, где мы можем последние тридцать лет наблюдать наибольшую стабильность межгосударственных отношений и отсутствие сколько-нибудь серьезных столкновений. Поэтому единственный вопрос, связанный с внутренним развитием стран региона, а не политикой там великих держав, получивший

действительно масштабное освещение в российской историографии новейшего времени — это проблема религиозного радикализма [Naumkin, 2005]¹. Даже рассмотрению собственно внутривосточных процессов посвящено меньше фундаментальных исследований [Звягельская, 2009].

Несмотря на множественные внутривосточные конфликты, ни одно из этих государств не рухнуло, как многие на Западе ожидали — и даже надеялись — на первых этапах независимости после распада СССР. Каждая из стран региона развивается по собственному уникальному пути, отражающему исторический опыт и культурные особенности. Говоря о практиках государственного управления, сложно найти в Центральной Азии то, что было бы настолько могущественным наследием эпохи модернизации XX века, чтобы заслонять собой более ранние практики сохранения сравнительной устойчивости. Практически все современные тенденции развития не разрушают центральноазиатские общества, а впитываются ими, адаптируются мощным культурно-цивилизационным слоем, накопленным за столетия. Но у этого, конечно, есть и свои отрицательные стороны. Так, например, имеющей основания видится гипотеза о том, что «с распадом СССР многие процессы, которые происходили или начинали разворачиваться в его рамках, были прерваны, исчерпали себя или потерпели неудачу, а колониальные практики и представления оказались в итоге заметнее и вдруг проявились в новых формах, например, в миграции из Средней Азии» [Абашин, 2017]. Ведь именно миграционные вопросы становятся сейчас одними из важнейших в практических отношениях России со странами региона: они являются неизбежным следствием нашей общей включенности в рыночную экономику.

Во всем остальном положение является действительно успокаивающим: при наличии постоянно растущего населения, потенциала для водной проблемы в межгосударственных отношениях и значительного количества неурегулированных до конца территориальных и приграничных вопросов. Пока в пользу стабильности в Центральной Азии и невозможности разворачивания в регионе действительно опасных конфликтов говорят несколько важных объективных факторов. Уникальное геополитическое положение, которое становится очевидным при простом взгляде на карту, не способствует обострению здесь международно-политической ситуации. Государства Центральной Азии соприкасаются с двумя крупными державами, сохраняющими между собой крайне дружественные отношения на грани союзничества, — Россией и Китаем. Оба эти государства не стремятся к созданию в регионе закрытых военных союзов, целью которых было бы ограничение возможностей друг друга или создание искусственных разделительных линий.

За счёт того, что с юго-востока к Центральной Азии примыкает Иран, также не являющийся союзником Запада, а на юге находится нестабильный Афганистан, государства этого региона представляют собой проблему с точки зрения логистической доступности для США и их союзников. На самом деле доступ в

¹ См. также: Naumkin V. *Radical Islam in Central Asia: Between Pen and Rifle*, Boulder: Rowman and Littlefield, 2005, а также: Линке П., Наумкин В.В. *Трансформация и конфликты в Центральной Азии и на Кавказе*. М.: ИВ РАН, 2013. 216 с.

Центральную Азию в действительно серьёзных масштабах был возможен для США только в период их сотрудничества по афганскому вопросу с Россией и пакистанским правительством времен генерала П. Мушаррафа. Поэтому даже если бы страны Запада серьёзно попробовали создать в Центральной Азии очаг напряжённости, им было бы достаточно сложно это сделать просто по причине отсутствия удобного прямого доступа.

В силу своей геополитической и этнической композиции Центральная Азия не может стать основой для формирования государств или их союзов, которые представляли бы опасность для соседних держав. Государства региона пока не готовы создать между собой устойчивые постоянные формы сотрудничества, на мировоззренческом уровне их объединяет наличие общих внешних и внутренних вызовов. Распространение радикальных религиозных идей стало вызовом стабильности этих стран с первых лет их независимого существования и в случае с Таджикистаном привело к кровопролитной гражданской войне. В Узбекистане противодействие радикальным движениям стало одной из наиболее приоритетных задач правительства, и проблема успешно решается. Другие государства региона также с разной степенью остроты почувствовали угрозу от появления радикальных идей и их носителей, и элиты прекрасно понимают, что это таит в себе смертельную опасность.

Страны Центральной Азии представляют собой сравнительно стабильные политические режимы и состоявшиеся общества, в которых решается проблема хронической бедности и ярко выраженного неравномерного распределения доходов. Лидерам стран Центральной Азии предстоит, конечно, ещё много сделать для экономического развития и сокращения зависимости цен на энергоресурсы. Однако для такой работы у них есть серьёзная база внутри. Во всех случаях, кроме Туркмении, деятельность государства дополняется институтами гражданского общества и местного самоуправления на низовом уровне. Сейчас усилия всех без исключения правительств стран Центральной Азии направлены на то, чтобы постепенно повышать степень экономической открытости и вовлечения в международные связи [Сафранчук, Махмудов, 2021]. Лидером в этом отношении является Узбекистан, где уже несколько лет проводится политика открытости, приносящая весьма впечатляющие результаты. Другие государства действуют менее последовательно или обладают для этого не настолько серьёзными демографическими ресурсами, чем те, что находятся в распоряжении официального Ташкента.

Хотя это не означает, что государствам Центральной Азии будет просто достичь уровня и качества жизни своих крупнейших соседей — России или Китая. С учётом того, что от наиболее страшных вызовов существованию все пять стран сравнительно защищены, важным является вопрос об их способности преодолеть ловушку уровня развития, при котором разрушение государства невозможно, но его выход на новый уровень в плане качества жизни населения также становится труднодостижимым. Более того, отдельные аспекты развития Центральной Азии, связанные с ее интеграцией в мировую экономику, могут вызывать тревогу относительно отношений с Россией. Историк развития общественных институтов региона отмечает, в частности, что «распад СССР и последовавший

за ним кризис, а потом подключение (стран Центральной Азии. — *Авт.*) к неоллиберальному глобальному порядку могло задействовать такие механизмы трансформации, которые актуализировали именно (нео)колониальные отношения и блокировали во многом продолжение модернизации и формирование социального строя, который продвигался, пусть непоследовательно и противоречиво, в советское время. Это произошло и в самой России, которая отказалась от сильной социальной политики и всё больше стала превращаться в поставщика сырья, — что позволяет многим говорить о колониализме уже в отношении неё самой» [Абашин, 2017].

При этом сама Россия, в отличие от действий Великобритании в Южной Азии, в момент получения странами Центральной Азии независимости не ставила перед собой задачу создания в регионе фундамента для постоянных враждебных отношений между новыми независимыми государствами по принципу «разделяй и властвуй» [Звягельская, 2009]. Мы видели выше, что такая философия не отвечала принципам российской колониальной политики в XIX веке, государственному устройству в эпоху СССР, да и было просто не по силам самой России в начале 1990-х годов, даже если бы такое пришло кому-то в голову. Россия достаточно спокойно и сдержанно отнеслась к тем сложностям, с которыми столкнулось русскоязычное население после 1991 года, и никогда не пыталась использовать этот фактор для подрыва внутренней стабильности стран Центральной Азии.

И наконец, что не менее важно, у мира в регионе может быть стабильная культурная основа. В отличие от Ближнего Востока, Южной Азии или Закавказья, регион Центральной Азии является целостным в религиозном отношении. Это создаёт общую основу для мирного урегулирования споров на основе компромиссов. Хотя надо отметить, что мусульманские государства вообще редко вступают между собой в кровопролитные и разорительные войны. Единственный крупный конфликт такого рода — это ирано-иракская война 1980-х годов, но он возник в уникальных условиях революционных режимов в обеих странах, что подтолкнуло их к столь непримиримому противостоянию.

Однако такое мирное развитие региона не означает, что его сравнительное удаление от России не имеет под собой объективных причин: оно сочетается с новыми практиками отношений, но является совершенно объективным. И нам на уровне экспертной и политической дискуссии стоило бы критически посмотреть на доминирующую пока стратегию «сохранения влияния». Возможно, лучше задуматься о применении более гибких подходов, сочетающих в себе отказ от оборонительного мышления и одновременно готовность к более решительным действиям в тех случаях, когда это действительно необходимо. Нет нужды в одностороннем порядке сворачивать политическое взаимодействие с соседями или присутствие там российских сил. Но нет её и в том, чтобы видеть в изменениях их поведения драму национальной внешней политики.

Сейчас стратегия России на южной части постсоветского пространства находится в процессе эволюции, содержание которой всё больше определяется внутренним запросом на достижение основных целей безопасности и развития. Однако, если в XIX и XX столетиях достижение этих целей воспринималось в еди-

ном комплексе с той или иной формой «освоения» пространств на Востоке, теперь основные усилия направлены именно внутрь России. В этих условиях могут быть подвержены ревизии, пусть и чисто на концептуальном уровне, основные шаблоны и представления, определяющие нашу политику в данных регионах на протяжении долгого времени. Тем более, она всегда будет сталкиваться с отсутствием фундаментального понимания того, зачем нужно активное присутствие после завершения истории отношений с его народами как модернизационного усилия, неразрывно связанного с развитием самого российского общества. При этом противники России исходят из того, что она будет проводить в Центральной Азии оборонительную стратегию, направленную на удержание стран региона в сфере своего влияния «любой ценой». Таким поведением Россия рискует провоцировать своих стратегических оппонентов на Западе, в результате чего они будут ещё более активно стремиться к распылению её сил и создавать в Центральной Азии новые точки напряжения.

Таким образом, новое «открытие» Центральной Азии заставляет нас обращаться к вопросам, имеющим как важное текущее значение, так и вечный интерес с точки зрения понимания природы международных отношений и участия в них отдельных регионов. Однако для России вопросы развития стран Центральной Азии и собственного понимания происходящего в регионе имеют далеко не академическое или дипломатическое значение. Нравится нам или нет, но ответы на них будут оказывать непосредственное влияние на вопросы безопасности российского государства, а также отдельные аспекты его экономической и социальной политики. Тем более, что Россия со времен Василия Бартольда, написавшего лучшие по сию пору произведения по истории Центральной Азии, через советскую школу его учеников и последователей и до современных авторов, внесла наиболее значимый вклад в изучение этого интереснейшего региона. И наиболее интересной задачей может быть поиск того, как совместить подходы и методы познания этого региона, созданные российской наукой за прошедшие почти 200 лет ее сравнительно устойчивого внимания к центральноазиатским народам и цивилизации, с одной стороны, и актуальные задачи российской внутренней и внешней политики, с другой.

Библиографический список

Абашин С. Советское = колониальное? «За» и «против» / Понятия о советском в Центральной Азии. Бишкек. Штаб-пресс. 2017. 578 с.

Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971 (перизд. Фрунзе, 1990).

Ахмедов Б. Государство кочевых узбеков. М.: 1965.

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI — начало XIII в.). Изд-во Наука Казахской ССР, 1986. 256 с.

Бартольд В. История культурной жизни Туркестана / Собрание сочинений. Л., 1927. Т. 2. С. 290.

Бартольд В.В. Рецензия на «Заметки об этническом составе тюркских племен» Н.А. Аристова. СПб.: Лань, 2014. ЗВО. Т. 11. С. 355.

- Бахтин А. Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола, 2008.
- Валиханов Ч. Очерки Джунгарии / Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии. 1904. Т. XXIX. С. 41.
- Веселовский Н. Киргизский рассказ о русских завоевания в Туркестанском крае. СПб., 1894. С. 2.
- Веселовский Н. Прием в России отпуск среднеазиатских послов в и столетиях // Журнал министерства народного просвещения. Июль 1884. С. 68—105.
- Веселовский Н. Русские невольники в среднеазиатских ханствах // Туркестанские ведомости. 1878. С. 1—11.
- Говорунов А.В., Кузьменко А.П. Ориентализм и право говорить за другого // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 2. С. 28.
- Григорьев В. Об отношении России к Востоку. Речь, произнесенная исправляющим должностью профессора. 1840.
- Гуломов Х. Дипломатические отношения государств Средней Азии с Россией в XVIII — первой половине XIX века. Ташкент: Изд-во «Фан» Академии наук Республики Узбекистан, 2005. 336 с.
- Джамгерчинов Б. Очерки политической истории Киргизии XIX века. Фрунзе: Кыргызстан, 1966. 429 с.
- Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2009. 208 с.
- Ключевский В.О. Памяти С.М. Соловьёва / В. О. Ключевской. Сочинения в восьми томах. Том VIII. Исследования, рецензии, речи (1890—1900). Издательство социально-экономической литературы, 1959.
- Котляров Д.А. От Золотой Орды к Московскому царству. Вхождение народов Поволжья в состав России. СПб., 2017.
- Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х гг. XX в. // Отечественная история. 1994. № 3. С. 143—158.
- Линке П., Наумкин В.В. Трансформация и конфликты в Центральной Азии и на Кавказе. М.: ИВ РАН, 2013. 216 с.
- Массон М.Е. Падающий минарет. Ташкент: «Узбекистан», 1968. С. 41.
- Наумкин В. Радикальный ислам в Центральной Азии: между ручкой и винтовкой, Боулдер: Роуман и Литтлфилд, 2005.
- Негматов Н. Государство Саманидов: IX—X века. Душанбе, 1989.
- Саид Э. Культура и империализм / пер. А.В. Говорунова. СПб.: Владимир Даль, 2012.
- Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Мирь, 2006.
- Сафранчук И.А. Конкуренция за безопасность Центральной Азии // Россия в глобальной политике. 2007. № 6. С. 112—121.
- Сафранчук И.А. Всегда на распутье // Россия в глобальной политике. 2016. № 6. С. 119—132.
- Сафранчук И., Махмудов Р. Транспортная связанность и международные процессы в Евразии: проблемы и противоречия // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 10. С. 24—32.
- Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2017. 574 с.
- Табышалиев С.Т. Неугтомимый исследователь / Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Ф.: Кыргызстан, 1990. С. 10.
- Фирсов Н. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань, 1886. С. 213—214.

Шарифуллина Ф. Касимовские татары. Казань, 1991.

Шевеленко И.Д. Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России. Ирина Шевеленко. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 333 с.

Якубовский А.Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент: Изд-во УзФАН, 1941.

References

Abashin S. Sovetskoye = kolonial'noye? «За» i «protiv» / Ponyatiya o sovetskom v Tsentral'noy Azii [Soviet = Colonial? "For and against / Concepts of the Soviet in Central Asia]. Bishkek. Shtab-pess. 2017. 578 p. (In Russian).

Abramson S.M. Kirgizy i ikh etnogeneticheskiye i istoriko-kul'turnyye svyazy [The Kirgiz and their ethno-genetic and historical-cultural ties.]. — L., 1971 (perezid. Frunze, 1990).

Akhmedov B. Gosudarstvo kochevykh uzbekov. [The state of the nomadic Uzbeks]. M.: 1965.

Baipakov K.M. Srednevekovaya gorodskaya kul'tura Yuzhnogo Kazakhstana i Semirech'ya (VI — nachalo XIII v.) [Medieval urban culture of South Kazakhstan and Semirechye (VI — beginning of XIII century)]. Izd-vo Nauka Kazakh SSR, 1986. 256 с.

Bakhtin A.G. Obrazovaniye Kazanskogo i Kasimovskogo khanstv [Formation of the Kazan and Kasimov Khanates]. Yoshkar-Ola. 2008.

Bartold V. Istoriya kul'turnoy zhizni Turkeстана [History of the Cultural Life of Turkestan]. Sobraniye sochineniy. S. VOL. 2. 290.

Bartold V.V. Retseziya na «Zametki ob etnicheskom sostave tyurkskikh plemen» N.A. Aristova [Review of "Notes on the ethnic composition of Turkic tribes" by N.A. Aristov]. ZVO vol.11, p. 355.

Dzhangerchinov B. Ocherki politicheskoy istorii Kirgizii XIX veka [Sketches of the political history of Kyrgyzstan in the XIX century.]. Frunze: Kyrgyzstan, 1966. 429 p.

Firsov N. Polozheniye inorodtsev Severo-Vostochnoy Rossii v Moskovskom gosudarstve. Kazan' [The position of foreigners from the northeast of Russia in the Moscow State]. 1886. S. 213—214.

Govorunov A.V., Kuz'menko A.P. Oriyentalizm i pravo govorit' za drugogo [Orientalism and the right to speak for others] // Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury. 2013. № 2. P. 28.

Grigor'yev V. Ob otnoshenii Rossii k Vostoku. Rech', proiznesennaya ispravlyayushchim dolzhnost' professora [On Russia's attitude towards the East. Speech by the acting professor]. 1840.

Klyuchevskiy V. O. Pamyati S. M. Solov'yeva [In memory of S.M. Solov'jov] / V. O. Klyuchevskoy. Sochineniya v vos'mi tomakh. Tom VIII. Issledovaniya, retsenzii, rechi (1890—1900). Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury, 1959.

Kotlyarov D.A. Ot Zolotoy Ordy k Moskovskomu tsarstvu. Vkhodzheniye narodov Povolzh'ya v sostav Rossii [From the Golden Horde to the Moscow tsarstvo. Incorporation of the Volga peoples into Russia]. SPB. 2017.

Krivoshcheyev Yu. V., Dvornichenko A.Yu.: Iznaniye nauki: rossiyskaya istoriografiya v 20-kh—nachale 30-kh gg. XX v [The Exile of Science: Russian historiography in the twenties and early thirties of the 20th century]. Otechestvennaya istoriya. 1994. № 3. S. 143—158.

Linke P., Naumkin V.V. Transformatsiya i konflikty v Tsentral'noy Azii i na Kavkaze. Moskva. IV RAN. 2013. 216 S.

Masson M.E. Padayushchiy minaret [A falling minaret]. Tashkent. «Uzbekistan». 1968. S. 41.

Naumkin V. Radical Islam in Central Asia: Between Pen and Rifle, Boulder: Rowman and Littlefield, 2005.

Negmatov N. Gosudarstvo Samanidov: IX—X veka [Samanid state: IX—X century]. Dushanbe. 1989.

- Said E. Kul'tura i imperialism [Culture and Imperialism]/ Per. A. V. Govorunova. SPb.: Vladimir Dal', 2012.
- Said E. Orientalizm. Zapadnyye kontseptsii Vostoka [Orientalism. Western ideas about the East]/ Per. A. V. Govorunova. SPb.: Russkiy Mir", 2006.
- Safranchuk I.A. Konkurentsia za bezopasnost' Tsentral'noy Azii. Rossiya v global'noy politike. 2007. № 6. S. 112—121.
- Safranchuk I.A. Vsegda na rasput'ye. Rossiya v global'noy politike. 2016. № 6. S. 119—132.
- Safranchuk I., Makhmudov R. Transportnaya svyazannost' i mezhdunarodnyye protsessy v Yevrazii: problemy i protivorechiya. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya, 2021. T. 65. № 10. S. 24—32.
- Sharifullina F. Kasimovskiy tatars [Kasimov Tatars]. Kazan, 1991.
- Shevelenko I. D. Modernizm kak arkhazim: natsionalizm i poiski modernistskoy estetiki v Rossii. Irina Shevelenko. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2017. 333 s.
- Starr F. Utrachennoye Prosveshcheniye: Zolotoy vek Tsentral'noy Azii ot arabskogo zavoyevaniya do vremen Tamerlana [The Lost Enlightenment: The Golden Age of Central Asia from the Arab Conquest to the Time of Tamerlane] / per. S angl. M. : Al'pina Publisher, 2017. 574 s.
- Tabyshaliyev S.T. Neutomimyy issledovatel' / Abramzon S.M. Kirgizy i ikh etnogeneticheskiye i istoriko-kul'turnyye svyazi [Tireless researcher / Abramzon S.M. Kyrgyz and their ethnogenetic and historical-cultural relations]. F.: Kyrgyzstan. 1990. S. 10.
- Valikhanov Ch. Ocherki Dzhungarii / Sochineniya Chokana Chingisovicha Valikhanova. [Sketches of Dzungaria / Works of Chokan Chingisovich Valikhanov] Zapiski imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii [Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the Department of Ethnography]. VOL. XXIX.
- Veselovskiy N. Kirgizskiy rasskaz o russkikh zavoyevaniyakh v Turkestanskom kraye [A Kyrgyz account of the Russian conquests in Turkestan]. SPb. 1894.
- Veselovsky N. Priyem v Rossii otpusk sredneaziatskikh poslov v i stoletiyakh [Reception in Russia of the leave of Central Asian ambassadors in and centuries] // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of National Education]. July 1884. C. 68—105.
- Veselovsky N. Russian slave labourers in Central Asian khanates [Russkikh nevol'niki v sredneaziatskikh khanstvakh] // Turkestan Vedomosti. 1878. C. 1—11.
- Yakubovskiy A. Yu. K voprosu ob etnogeneze uzbekskogo Naroda [Regarding the question of the ethnogenesis of the Uzbek people.]. Izd-vo UzFAN. Tashkent. 1941.
- Zvyagel'skaya I.D. Stanovleniye gosudarstv Tsentral'noy Azii: Politicheskiye protsessy [Stanovleniye gosudarstv Tsentral'noy Azii: Politicheskiye protsessy]. M.: Aspekt Press, 2009. 208 p.

Л.А. Шашок

Вызовы и угрозы безопасности государств Центральной Азии после прихода к власти в Афганистане движения «Талибан»

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема региональной безопасности в Центральной Азии, усугубившаяся после прихода к власти в Афганистане движения «Талибан» (запрещено в РФ). Освещаются факторы, способствующие обострению вызовов и угроз внутренней безопасности центральноазиатских республик. В статье оцениваются риски дальнейшей эскалации конфликта между движением «Талибан» и отдельно взятыми государствами региона. Наряду с этим анализируются возможности его урегулирования, а также сценарии взаимодействия государств Центральной Азии с режимом талибов в сфере экономики, торговли и развития инфраструктурных проектов.

Ключевые слова: Центральная Азия, Афганистан, движение «Талибан», экстремизм, терроризм.

Автор: Шашок Лариса Александровна, научный сотрудник Центра Центральноазиатских исследований Института Китая и Современной Азии РАН. E-mail: shashok@iccaras.ru

Larisa A. Shashok

Challenges and Threats to the Security of Central Asian States after the Taliban's taking Power in Afghanistan

Abstract. This article examines the problem of regional security in Central Asia, which has worsened since the Taliban movement (banned in the Russian Federation) came to power in Afghanistan. The factors contributing to the aggravation of challenges and threats to the internal security of the Central Asian republics are highlighted. The article assesses the risks of further escalation of the conflict between the Taliban movement and individual states in the region. At the same time, the possibilities of its settlement are analyzed, as well as scenarios for the interaction of Central Asian states with the Taliban regime in the sphere of economics, trade and the development of infrastructure projects.

Keywords: Central Asia, Afghanistan, the Taliban movement, extremism, terrorism.

Author: Larisa A. Shashok, researcher at the Center for Central Asian Studies, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences.
E-mail: shashok@iccaras.ru

Повторный приход к власти в Афганистане движения «Талибан» усугубил региональные проблемы в сфере безопасности. Республики Центральной Азии входят в число государств, наиболее пострадавших от смены афганского режима в 2021 г. [Huasheng, 2023]. Причина главным образом заключается в том, что на

территории Афганистана дислоцируются боевики локальных группировок «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ, запрещено в РФ) и «Техрик-е-Талибан Таджикистан» (ТТТ), которые узбекские и таджикские власти классифицируют как террористические. Кроме того, в стране наблюдается присутствие ячеек международных террористических организаций «Аль-Каида» (запрещена в РФ) и «Исламское государство» (ИГИЛ, запрещено в РФ). Само существование этих организаций, а также нежелание или неспособность талибов ограничить их деятельность являются источниками проблем для безопасности республик Центральной Азии.

Говоря об исторических предпосылках формирования региональной террористической угрозы, следует отметить, что одним из критических периодов в афганской истории является присутствие на территории страны советских войск. Группировки моджахедов, поддерживаемые западными державами в борьбе против так называемой «оккупации», развязали гражданскую войну после вывода советских войск с территории Афганистана в 1989 г. [Гареев, 1996]. В разгар гражданской войны в результате вакуума власти возникло повстанческое движение, провозгласившее себя «Талибаном» («учениками медресе». — *Ред.*). При материально-технической и военной поддержке Пакистана талибы захватили Кабул и основали «Исламский Эмират Афганистан», который впоследствии признали только Пакистан, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты [Khan, 2007, с. 147].

Гибель иранских дипломатов в ходе теракта, совершенного боевиками «Талибана» на территории консульства в Мазари-Шарифе в 1998 г., едва ли не привела к войне между Афганистаном и Ираном и только усугубила дипломатическую изоляцию движения [Jehl, 1998]. Данный инцидент подчеркнул террористический характер намерений талибов, что сделало их более зависимым от главаря «Аль-Каиды» Усамы бен Ладена, который оказывал движению материальную и финансовую помощь в борьбе против «Северного альянса» в обмен на убежище. «Аль-Каида» развернула на территории Афганистана тренировочные лагеря не только для повышения степени боевой готовности талибов, но и для подготовки терактов за пределами страны. Известно, что бомбардировка посольств США в Кении и Танзании в том же 1998 г. была спланирована руководством «Аль-Каиды», базировавшейся в Афганистане [Мирский, 2011, с. 33]. Таким образом, страна в короткие сроки превратилась в эпицентр террористической активности.

Режим «Талибана» также оказывал поддержку региональным террористическим организациям, одной из которых является созданное в 1996 г. ИДУ. Его основной целью было свержение президента Узбекистана Ислама Каримова и создание в Узбекистане государственной системы, основанной на радикальной интерпретации законов шариата. В конце 1990-х годов ИДУ, во главе которого стоял его основатель Тахир Юлдашев, расширило цели. Хотя свержение светской власти в Узбекистане оставалось приоритетом, конечной целью организации стало установление исламистского режима во всем регионе [Бактыбаева, 2020, с. 304]. Руководство группировки считало, что падение светской власти в Узбекистане было способно вызвать цепную реакцию по всей Центральной Азии.

ИДУ получило значительную поддержку со стороны афганских талибов. Основные опорные пункты движения располагались в провинциях Кандагар и Кундуз на севере Афганистана. ИДУ также имело тесные отношения с «Аль-Каидой»: Усама бен Ладен оказывал организации финансовую помощь и убедил «Талибан» предоставить убежище ее боевикам [Mann, 2002, с. 294—304]. Правительство Узбекистана возложило на ИДУ ответственность за теракты в Ташкенте в 1999 г. В период с 1999 по 2001 год группировка возглавила вооруженное вторжение на территории Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана [«Теракты, беспорядки...»]. Ее боевики организовывали похищения людей в странах Центральной Азии. В итоге вооруженные силы Узбекистана и Кыргызстана осуществили серию авиаударов по лагерям ИДУ, чем вынудили его руководство и членов отступить в убежища на территории Афганистана [Zenn, Kuehnast, 2014]. В апреле 2001 г. ИДУ сменило название на «Исламскую партию Туркестана», а в мае 2001 г. — на «Исламское движение Туркестана». Подобные метаморфозы четко указывали на расширение планов организации по созданию исламского государства, территориально простирающегося от Кавказа до Синьцзян-Уйгурского автономного района.

Теракты 11 сентября 2001 г. кардинально изменили ситуацию в Афганистане. Спустя месяц после трагических событий США развернули на территории страны военную операцию, целями которой были ликвидация Усамы бен Ладена и преследование талибов, укрывавших его на афганской территории. Хотя множество свидетельств указывали на то, что верховный лидер «Талибана» мулла Омар не располагал информацией о готовящемся нападении боевиков «Аль-Каиды» на территорию США, он не принял ультиматум американского правительства относительно выдачи бен Ладена. В результате 7 октября 2001 г. США при участии НАТО развернули на территории Афганистана самую длительную в своей истории военную операцию, известную как «Несокрушимая свобода» [Kattelman, 2014].

Вскоре после начала боевых действий силы международной коалиции изгнали талибов из Кабула и Мазари-Шарифа. Оставшиеся боевики движения отошли в Пакистан. В марте 2002 г. вооруженные силы США нейтрализовали действовавшее на территории Афганистана крыло «Аль-Каиды» в ходе операции «Анаконда», проводимой совместно с вновь созданными афганскими вооруженными силами [Kugler et al., 2009]. После вторжения в Афганистан США провозгласили ИДУ террористической организацией и подвергли бомбардировке его опорные пункты на севере Афганистана. В результате руководство движения также бежало в Пакистан, где ему предоставило убежище руководство террористической группировки «Техрик-е-Талибан Пакистан» (ТТП, запрещена в РФ), также известной как «пакистанские талибы» [Witter, 2011].

Хотя США удалось нейтрализовать военную мощь «Талибана» и «Аль-Каиды», события последующих лет продемонстрировали, что Запад так и не смог создать жизнеспособную государственную структуру в Афганистане. Поверженный «Талибан» вскоре совершил перегруппировку, объединив под своим крылом «Сеть Хаккани» (запрещена в РФ), боевиков «Аль-Каиды», ИДУ и других террористических организаций. С 2006 г. талибы пересмотрели принципы ведения подрывной деятельности и стали все чаще прибегать к атакам террори-

стов-смертников, которые привели к гибели тысяч мирных жителей [Moghadam, 2009].

В 2021 г. «Талибан» снова пришел к власти в Афганистане. В соответствии с мирными соглашениями, подписанными между США и руководством движения в Дохе (Катар), с территории страны был выведен оставшийся американский военный контингент и силы международной коалиции. Несмотря на обязательство «Талибана» разорвать связи с террористическими организациями, международные наблюдатели продолжают выражать беспокойство по поводу сохраняющихся контактов между талибами, «Аль-Каидой» и другими группировками [Felbab-Brown, 2022].

В докладе ООН от 2021 г. были представлены свидетельства того, что «Талибан» сохраняет тесные связи с «Аль-Каидой» и продолжает предоставлять убежище ее руководству [Тринадцатый доклад...] на территории Афганистана. Ликвидация главаря группировки Аймана аз-Завахири в 2022 г. в доме, принадлежащем старшему помощнику Сираджуддина Хаккани, министра внутренних дел в правительстве «Талибана» и главаря одноименной «Сети Хаккани», демонстрирует тесный характер взаимоотношений между двумя организациями. Примечательно, что здание, где в момент гибели находился аз-Завахири, располагается в кабульском районе Вазир Акбар Хан, где он проживал со своей семьей и соратниками еще до терактов 11 сентября 2001 г.

Другой крупной террористической организацией, присутствующей на территории Афганистана, является региональное подразделение «Исламского государства», известное как «ИГИЛ-Хорасан» (запрещено в РФ). Хорасан — собирательное название территорий, относящихся к Афганистану и региону Центральной Азии [Waheed, 2018].

Группировка заявила о своем существовании в конце 2014 г. Говоря об идеологической составляющей, следует отметить, что идеи «ИГИЛ-Хорасан» получают широкое распространение среди радикализованных слоев населения Центральной Азии. Активность вербовки в ряды данной террористической организации обусловлена тем, что, в отличие от талибов, «ИГИЛ-Хорасан» не сфокусирована на националистических взглядах. По различным оценкам, численность группировки составляет от 1500 до 4000 боевиков [Congressional Research Services...], а ее опорные пункты базируются в афганских провинциях Кунар, Нангархар и Нуристан. Разрозненные ячейки «ИГИЛ-Хорасан» также присутствуют в Бадахшане, Фарьябе, Джаузджане, Кундузе и Тахаре [Тринадцатый доклад...].

С 2021 г. «ИГИЛ-Хорасан» взяло на себя ответственность за 224 атаки на территории Афганистана, в том числе за теракт в аэропорту Кабула, в результате которого погибли 170 человек. В первые годы своего существования группировка главным образом сосредоточивалась на преследовании этнорелигиозных меньшинств в лице шиитов-хазарейцев. После прихода к власти в Афганистане талибов «ИГИЛ-Хорасан» активизировала нападения на боевиков движения с целью подорвать легитимность «Талибана» и его внутреннюю стабильность [Kugelman, 2023]. Стратегические просчеты руководства движения помогают «ИГИЛ-Хорасан» в вербовке боевиков. Так, в январе 2022 г. был арестован Махдум Алем — этнический узбек, командир афганских талибов в северной провин-

ции Фарьяб. Причиной ареста стало подозрение в его причастности к похищению людей. Арест Алема вызвал масштабные протесты в Фарьябе, которые продолжались четыре дня. Примерно в то же время «Талибан» арестовал Кори Вакиля — авторитетного командира таджикского происхождения. Таким образом, «ИГИЛ-Хорасан» воспользовалось растущим недовольством внутренней политикой «Талибана» среди этнических таджиков, туркменов и узбеков, сфокусировавшись на вербовке боевиков среди афганских этнических меньшинств [Pannier, 2022].

В стремлении завербовать в свои ряды граждан государств Центральной Азии «ИГИЛ-Хорасан» расширило вещание пропагандистского фонда медиапроизводства «Аль-Азаим», включив в него трансляции на таджикском и узбекском языках, чтобы привлечь боевиков соответствующей этнической принадлежности. Группировка также использует Центральную Азию в качестве транзитного региона для достижения территории Афганистана [Webber, Valle, 2022].

В апреле 2022 г. «ИГИЛ-Хорасан» совершило теракты в Мазари-Шарифе, который находится в 60 км от границы с Узбекистаном и в 50 км от границы с Таджикистаном. Группировка также взяла на себя ответственность за ракетный обстрел Узбекистана с афганской территории. Хотя власти Узбекистана отрицали факт этих нападений, свидетели сообщали о падении нескольких ракет на приграничной территории, а также о патрулировании воздушного пространства этих районов узбекскими военными самолетами в течение несколько дней после нападения. В мае 2022 г. в пропагандистских каналах «ИГИЛ-Хорасан» прошло сообщение, что ее боевики выпустили семь ракет по территории Таджикистана. Таким образом, совершенные в приграничных районах атаки демонстрируют, что группировка начала проявлять агрессию в адрес центральноазиатских республик [Шашок, 2023].

Что касается ИДУ, после ликвидации Юлдашева в Пакистане в 2009 г. новое руководство движения продолжило проводить массовую вербовку боевиков в Центральной Азии. Группировка заявила о своих амбициях, выразив намерение завоевать весь «Мавераннахр» — историческое название региона, который включает Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан [Mehl, 2015].

ИДУ также участвовало в терактах против возглавляемой США международной коалиции в Афганистане, что укрепило ее связи с афганским «Талибаном». Руководство ИДУ также поддерживало тесные отношения с ТТП: в 2014 г. боевики обеих группировок совершили совместное нападение на международный аэропорт Джинна в пакистанском городе Карачи [Hassan, 2014].

Боевики ИДУ стали чаще нападать на всех, кто выступал против создания транснационального халифата в Центральной Азии. В августе 2015 г., после периода ухудшения отношений с талибами, руководство движения присягнуло на верность ИГИЛ [ИДУ присягнуло...]. Реакция «Талибана» не заставила себя ждать: последний главарь ИДУ Усман Гази был ликвидирован боевиками движения в том же 2015 г. После этих событий в рядах организации произошел раскол: от нее откололась фракция, заявившая о своей лояльности руководству талибов. Также поступали сообщения о том, что некоторые боевики ИДУ вступили в

ряды «Аль-Каиды» [Islamic Movement...]. Тем не менее, основная часть движения осталась верной ИГИЛ.

Как уже говорилось ранее, интересы ИДУ совпадают с обширными транснациональными целями ИГИЛ, а не с пуштунским национализмом «Талибана», ограниченным Афганистаном. Таким образом, ИДУ стремится активизировать свое присутствие в Узбекистане, например, перенаправляя на его территорию иностранных боевиков с Ближнего Востока [Jadoon et al., 2018, с. 23—29]. Бегство руководства ИДУ из Узбекистана в 1998 г. поставило движение в зависимость от других исламистских организаций. Участие в повстанческой деятельности талибов в 1990-е годы помогло ИДУ стать закаленной в боях террористической организацией. Новая стратегия, определенная движением в 2001 г., и ее союз с ИГИЛ проложили путь к формированию руководством более радикальной идеологии, в основе которой — установление «халифата» не только в Узбекистане, но и на всей территории Центральной Азии.

Помимо ИДУ, в Афганистане нашли убежище и другие террористические организации, угрожающие безопасности республик Центральной Азии. Основанная в 2010 г. таджикская экстремистская группировка «Джамаат Ансарулло» является союзником «Талибана». Ее цель — свергнуть светский режим в Таджикистане и основать на его территории государство, существующее в соответствии с радикальной интерпретацией законов шариата [Шашок, 2023]. В 2010 г. боевик группировки совершил самоподрыв в полицейском участке в Худжаде, расположенном на юге Таджикистана. В 2014 г. «Джамаат Ансарулло» угрожала атаковать силы безопасности Кыргызстана во время вооруженного конфликта на границе Киргизии и Таджикистана. Данный инцидент предполагает, что «Джамаат Ансарулло» апеллирует к таджикскому национализму для привлечения в свои ряды новых боевиков [Botobekov, 2023]. Сообщалось, что руководство группировки приобрело у талибов часть американского оружия, оставшегося после вывода войск США из Афганистана [Ramachandran, 2023].

Еще одной таджикской экстремистской группировкой, представляющей угрозу безопасности региона, является «Техрик-е-Талибан Таджикистан» (ТТТ). Хотя ТТТ объявила о своем создании в 2022 г., таджикские боевики, входящие в ее состав, задолго до этого вели обширную подрывную деятельность при поддержке афганского «Талибана».

В июле 2021 г., когда талибы наступали в направлении Кабула, руководство движения передало районы Куф-Аб, Хвахан, Маймай, Нусай и Шекай в северной афганской провинции Бадахшан таджикским боевикам во главе с Мохаммедом Шариповым, взявшим имя Мехди Арсалан [Шашок, 2023]. Таким образом, ТТТ получила контроль над приграничными городами вблизи Таджикистана, что указывает на наделение группировки определенной ролью: после смены режима в Афганистане ее боевики действуют в качестве пограничных сил «Талибана».

Руководство ТТТ разместило свою штаб-квартиру в районе Шахри Бузург, где боевики группировки занимаются вербовкой новых членов для будущих нападений на территорию Таджикистана и другие республики Центральной Азии. ТТТ построила высокую смотровую башню недалеко от границы с Таджикистаном. Талибы предоставили руководству ТТТ 15 новых боевых машин пехоты и

60 танков. Группировка также закупила 15 лодок для переправы через Амударью и ее притоки, которые протекают по афгано-таджикской границе [Rashid, 2022].

Цель ТГТ — свержение в Таджикистане светского режима президента Эмомали Рахмона и его правительства. По этой причине «Талибан» активно использует группировку в качестве инструмента противодействия Душанбе, с которым у него давнее противостояние. Размещение боевиков ТГТ на афгано-таджикской границе является провокационным и угрожающим шагом со стороны талибов [Шашок, 2023].

Вербовка «Талибаном» шиитов-исмаилитов из Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) еще больше усилила враждебность между таджикским правительством и талибами. Основной причиной активизации вербовки стали протесты населения ГБАО из-за роста недоверия к руководству региона [Мадбеков, 2022].

Еще одной проблемой в сфере безопасности является рост незаконного оборота наркотиков на территории Афганистана. Согласно Управлению ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), через республики Центральной Азии ежегодно проходит около 90 т героина. Регион также стал транзитной зоной для сбыта производимых в Афганистане синтетических наркотиков [Понимание незаконного производства...]. В феврале 2023 г. директор Агентства по контролю за наркотиками при президенте Таджикистана Хабибулло Вохидзода заявил, что в последние годы в Таджикистане, особенно в приграничных районах, отмечается рост объема задержаний наркотиков из Афганистана. В 2021 г. в Таджикистане из незаконного оборота было изъято 4,083 кг наркотиков, в 2022 г. — 4,165 кг [В Душанбе заявили...]. За 2023 г. всеми силовыми структурами Таджикистана было изъято 5,2 т наркотических средств.

В свою очередь, Казахстан и Узбекистан также сообщают о более высоком уровне изъятий, что может свидетельствовать о связи роста наркотрафика в регионе с приходом к власти в Афганистане движения «Талибан».

Несмотря на то, что Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан являются наиболее пострадавшими от экстремистской угрозы республиками Центральной Азии, эти государства в первую очередь заинтересованы в поддержании гибких отношений с «Талибаном», поскольку к этому их подталкивает географический фактор. Правительства этих государств прагматично и взвешенно подходят к вопросам взаимодействия с талибами, одновременно усиливая меры безопасности на границах с Афганистаном.

В последние годы узбекские власти изменили подход к взаимодействию с Афганистаном, сделав упор на экономическое сотрудничество. С точки зрения правительства, мирный, стабильный и экономически жизнеспособный Афганистан чрезвычайно важен для интересов Узбекистана, учитывая его планы стать связующим звеном между регионами Южной и Центральной Азии. Узбекистан продвигает ряд инфраструктурных проектов регионального масштаба, среди которых — строительство линии электропередачи протяженностью 245 км и железной дороги протяженностью 760 км от Мазари-Шарифа до Пешавара. Данные проекты направлены на улучшение связи между регионами. Власти Узбекистана полагают, что за развитием экономики Афганистана закономерно последует улучшение ситуации в сфере безопасности [Шашок, 2024].

Вслед за западными державами президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев адресовал руководству «Талибана» требование разорвать связи со всеми террористическими группировками и не допустить распространения их влияния за пределы Афганистана [Шавкат Мирзиёев призвал...]. В марте 2023 г. в Ташкенте прошла встреча высокопоставленных дипломатов из России, Китая, Индии, Ирана, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана. Ее целью было обсуждение ситуации в сфере безопасности в Афганистане. Министерство иностранных дел Узбекистана сообщило, что участники мероприятия призвали к реализации эффективных мер по ликвидации террористических группировок [Basaran, 2023]. Данная встреча продемонстрировала, что Узбекистан также начал применять в отношении Афганистана подходы, ориентированные на усиление безопасности.

Наряду с Узбекистаном, Казахстан и Туркменистан уделяют приоритетное внимание наращиванию экономических связей с новым афганским правительством. Власти республик ожидают, что «Талибан» удовлетворит требования относительно сдерживания террористических группировок, представляющих угрозу безопасности региона Центральной Азии. Вместе с тем Казахстан и Туркменистан прибегают к другим средствам в обеспечении контртеррористических мер, как-то: укрепление границ и усиление контроля над сферой религиозного образования. С тех пор как талибы пришли к власти в Афганистане, исламскому духовенству в этих республиках было поручено проводить просветительские беседы с посетителями мечетей и предупреждать их об опасности терроризма и экстремизма [Schmitz, 2022].

С другой стороны, отношения правительства Таджикистана с талибами носят гораздо более напряженный характер, поскольку из всех республик Центральной Азии он наиболее уязвим перед лицом исламского экстремизма [Шашок, 2023]. Верховный суд Таджикистана признал «Талибан» террористической организацией в 2006 г. Когда движение повторно пришло к власти в Афганистане в 2021 г., президент Таджикистана Эмомали Рахмон заявил, что Душанбе не признает режим талибов до тех пор, пока таджикскому населению, которое, по его утверждениям, составляет 46 процентов населения Афганистана, не будет отведена достойная роль в управлении страной [Tajikistan: President demands...]. Точная численность населяющих Афганистан этнических таджиков неизвестна и, как и в случае с другими общинами, оспаривается. Согласно усредненной оценке, доля таджиков составляет около 27 процентов населения, что делает их второй по величине этнической группой в Афганистане после пуштунов [Tajiks in Afghanistan...].

Руководство талибов, в свою очередь, не заинтересовано в диалоге с действующим таджикским правительством и прибегает к провокациям, тем самым выражая несогласие с его риторикой. Например, «Талибан» перебрасывает в приграничные районы формирования ГТГ, в рядах которых присутствуют террористы-смертники, что только усиливает беспокойство таджикских властей и отдалает перспективу признания ими талибов.

Весной 2023 г. в Хатлонской области прошли совместные российско-таджикские военные учения вблизи границы с Афганистаном [Russian and Tajik troops...].

В 2022 г. на саммите ОДКБ Рахмон призвал создать «пояс безопасности» вокруг Афганистана, заявив, что на северо-востоке стране располагается более 40 лагерей террористических организаций и 6000 боевиков [Рахмон заявил...].

Правительство Таджикистана предоставило убежище Ахмаду Масуду, руководителю «Фронта национального сопротивления» — вооруженного формирования, представляющего оппозицию режиму талибов. Лидер фронта является сыном легендарного полевого командира Ахмада Шаха Масуда — этнического таджика, возглавлявшего «Северный Альянс», который противостоял режиму талибов во время их первого периода правления Афганистаном в 1996—2001 гг. [Попов, 2016, с. 126—147]. Очевидно, что стороны сохраняют враждебный настрой по отношению друг к другу, в связи с чем нельзя исключать сценария, при котором провокационные действия могут перерасти в открытый вооруженный конфликт.

Таким образом, повторный приход к власти в Афганистане движения «Талибан» принес новые проблемы в сферу региональной безопасности. Республики Центральной Азии сталкиваются с наиболее заметными рисками на фоне возвращения в соседнее государство радикального режима исламистов. Несмотря на уверения талибов в том, что движение предотвратит распространение исходящей с территории Афганистана экстремистской угрозы, многие группировки, считающиеся террористическими в республиках Центральной Азии, фактически имеют тесные связи с «Талибаном». Ячейки таких террористических организаций как «Аль-Каида», ИГИЛ, ИДУ, ТТТ и «Джамаат Ансарулло» стремятся свергнуть светские режимы республик Центральной Азии и установить власть, в основе которой лежит радикальная интерпретация ислама. В свою очередь, «Талибан» либо негласно потворствует их деятельности, либо не располагает возможностью ее предотвратить.

Имеющие общую границу с Афганистаном Таджикистан и Узбекистан в гораздо большей степени обеспокоены ситуацией в соседнем государстве. В ответ на исходящую с его территории экстремистскую угрозу страны нарастили присутствие военного контингента в приграничных районах и ужесточили контроль над религиозной сферой. Однако, несмотря на выраженную угрозу в сфере безопасности, республики Центральной Азии стремятся сохранить экономические отношения с Афганистаном. Это потребует более пристального внимания к внутренней и внешней политике «Талибана», а также к действиям других вооруженных формирований на территории Афганистана.

Библиографический список

Бактыбаева А.Н. Терроризм в СНГ: узбекский джихадизм. Исламское движение Узбекистана. Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 4. С. 304—314.

Гареев М. А. Афганская проблема — три года без советских войск. М., 1996. 372 с.

Мадбеков О. В чем заключаются причины протестов в ГБАО? 18.02.2022. Центральноазиатское бюро аналитической отчетности. URL: <https://cabar.asia/ru/v-chem-zaklyuchayutsya-prichiny-protestov-v-gbao>

Мирский Г.И. Бен Ладен, «Аль-Каида» и судьба джихадизма. Мировая экономика и международные отношения. Российская академия наук. Институт мировой экономики и международных отношений. М., 2011. № 12. С. 31—48.

Попов Д.С. Таджикистан перед лицом угрозы международного терроризма. Проблемы национальной стратегии. 2016. No 5 (38). С. 126—147.

Тринадцатый доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, представленный в соответствие с резолюцией 2611 (2021) по движению «Талибан» и связанным с ним лицам и организациям, представляющим угрозу миру, стабильности и безопасности в Афганистане. URL: https://digitallibrary.un.org/naanna/record/3975071/files/S_2022_419-RU.pdf?withWatermark=0&withMetadata=0&version=1 (дата обращения: 17.03.2024).

Шашок Л.А. Боевиков из Центральной Азии вербуют региональные террористические группировки, 02.03.2023 // Независимая газета. URL: https://nvo.ng.ru/gpolit/2023-03-02/11_1226_asia.html (дата обращения: 26.03.2024).

Шашок Л.А. «Яростные муллы» нашли подход к странам Центральной Азии. 28.02.2024, Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2024-02-28/3_8958_kb.html (дата обращения: 26.03.2024).

В Душанбе заявили о росте контрабанды наркотиков из Афганистана. 03.02.2023. URL: <https://www.interfax.ru/world/884502> (дата обращения: 02.04.2024).

ИДУ присягнуло «Исламскому государству». 07.08.2015. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20150807/1016306506.html> (дата обращения: 17.03.2024).

Понимание незаконного производства метамfetамина в Афганистане. Краткий исследовательский обзор УНП ООН. Август 2023 г. URL: https://www.unodc.org/documents/centralasia//2023/information_Centre/Methamphetamine_Manufacture_in_Afghanistan_RU_web.pdf (дата обращения: 26.03.2024).

Рахмон заявил, что у южных границ ОДКБ насчитывается более 6 тыс. боевиков. 10.01.2022. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13384409> (accessed: 27.03.2024).

Теракты, беспорядки и рейды боевиков в Узбекистане, Газета «Коммерсантъ». 14.05.2005. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/577660> (accessed: 26.03.2024).

Шавкат Мирзиёев призвал власти Афганистана разорвать связи с террористическими организациями. 26.07.2023. Газета УЗ. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/26/afghanistan/> (accessed: 02.04.2024).

Botobekov, U. Understanding Jamaat Ansarullah: Ideological Shifts and Objectives, November 6, 2023, The Khorasan Diary. URL: <https://thekhorasandiary.com/en/2023/11/06/understanding-jamaat-ansarullah-ideological-shifts-and-objectives> (accessed: 16.04.2024).

Congressional Research Services, “Afghanistan: Background and U.S. Policy in Brief,” June 11, 2021, accessed: June 30, 2021. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R45122.pdf> (accessed: 02.04.2024).

Dr. Basaran, D. Seeking Solutions to the Afghan Problem: Tashkent Summit, 15.03.2023, Ankara Center for Crisis and Policy Studies. URL: <https://www.ankasam.org/seeking-solutions-to-the-afghan-problem-tashkent-summit/?lang=en> (accessed: 17.03.2024).

Felbab-Brown, V. What Ayman al-Zawahri’s death says about terrorism in Taliban-run Afghanistan. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2022/08/02/what-ayman-al-zawahris-death-says-about-terrorism-in-taliban-run-afghanistan/> (accessed: 16.04.2024).

Hassan, S.R. Karachi airport attack signals tactical shift by Taliban, June 12, 2014, Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSKBN0EN0ED/> (accessed: 18.04.2024).

Huasheng, Z. Central Asia in Change: Where Do Security Risks Come From? 03.07.2023. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/central-asia-in-change-where-do-security-risks/> (accessed: 17.03.2024).

Islamic Movement of Uzbekistan, Counter Extremism Project. URL: <https://www.counterextremism.com/threat/islamic-movement-uzbekistan/report> (accessed: 17.03.2024).

Jadoon, A., Jahanbani, N., & Willis, C. Challenging the ISK brand in Afghanistan-Pakistan: Rivalries and Divided Loyalties. April 2018, CTC SENTINEL, Vol.11, Issue 4, p. 23—29.

Jehl, D. Iran Holds Taliban Responsible for 9 Diplomats' Deaths, September 11 1998, The New York Times, Jehl, D. Iran Holds Taliban Responsible for 9 Diplomats' Deaths, September 11 1998, The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/1998/09/11/world/iran-holds-taliban-responsible-for-9-diplomats-deaths.html> (accessed: 02.04.2024).

Kattelman, K. Operation Enduring Freedom: Institutional Constraints, Alliance Commitments, and the Power Capabilities of Counterterrorism, June 2014, *Journal of Terrorism Research* 5 (2).

Khan, I.A. Understanding Pakistan's Pro-Taliban Afghan Policy, *Pakistan Horizon*, vol. 60, no. 2, Pakistan's foreign policy analysis, April 2007, pp. 141—157.

Kugelman, M. How dangerous is the Islamic State-Khorasan? March 23, 2023. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/03/23/afghanistan-islamic-state-khorasan-centcom-warning-threat/> (accessed: 02.04.2024).

Kugler, R., Baranick, M., Binnendijk, H. Operation Anaconda: Lessons for Joint Operations, March 2009, Center for Technology and National Security, Policy National Defense University.

Mann, P. Islamic movement of Uzbekistan: Will it strike back? 2002, *Strategic Analysis*, 26 (2), p. 294—304.

Mehl, D. The Islamic Movement of Uzbekistan Opens a Door to the Islamic State, *CTC Sentinel*, June 2015, Vol. 8, Issue 5. URL: <https://ctc.westpoint.edu/the-islamic-movement-of-uzbekistan-opens-a-door-to-the-islamic-state/> (accessed: 18.04.2024).

Moghadam, A. Shifting Trends in Suicide Attacks, January 2009, *CTC Sentinel*, Volume 2, Issue 1. URL: <https://ctc.westpoint.edu/shifting-trends-in-suicide-attacks/> (accessed: 17.03.2024).

Pannier, B. Northern Afghanistan and the new threat to Central Asia, May 13, 2022. URL: <https://www.fpri.org/article/2022/05/northern-afghanistan-and-the-new-threat-to-central-asia/> (accessed: 02.04.2024).

Ramachandran, S. Tajikistan Faces Threat from Tajik Taliban, March 27, 2023, *The Central Asia — Caucasus Analyst*. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13750-tajikistan-faces-threat-from-tajik-taliban.html> (accessed: 28.03.2024).

Rashid, Y. Afghanistan's Badakhshan: New Security Threat for Tajikistan. URL: https://iramcenter.org/en/afghanistans-badakhshan-new-security-%20threat-for-tajikistan_en-814 (accessed: 02.04.2024).

Schmitz, A. Central Asia's Muslims and the Taliban, 17.03.2022, *SWP Comment*, № 17. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2022C17_CentralAsia_Muslims.pdf (accessed: 17.03.2024).

Waheed, J. Wilayah Khorasan and its regional implications. *Journal of Political and International Studies*. Vol.4, № 2, July-December 2018, pp. 105—124.

Webber, L., & Valle, R. Islamic State Khorasan's expanded vision in South and Central Asia, August 26, 2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/08/islamic-state-khorasans-expanded-vision-in-south-and-central-asia/> (accessed: 02.04.2024).

Witter, D. Uzbek Militancy in Pakistan's Tribal Region, January 27, 2011, Institute for the Study of War, Military Analysis and Education for Civilian Leaders. URL: https://www.understandingwar.org/sites/default/files/BackgrounderIMU_28Jan.pdf (accessed: 17.03.2024).

Zenn, J., & Kuehnast, K., Preventing violent extremism in Kyrgyzstan, United States Institute of Peace. URL: https://www.usip.org/sites/default/files/SR355_Preventing-Violent-Extremism-in-Kyrgyzstan.pdf (accessed: 28.03.2024).

«Russian and Tajik troops kick off joint military drills on border with Afghanistan», April 3, 2023. URL: https://eng.mil.ru/en/news_page/country/more.htm?id=12462819@egNews (accessed: 17.03.2024).

«Tajikistan: President demands Tajik role in running Afghanistan», August 25, 2021. URL: <https://eurasianet.org/tajikistan-president-demands-tajik-role-in-running-afghanistan> (accessed: 16.04.2024).

«Tajiks in Afghanistan». *Minority Rights Group*. URL: <https://minorityrights.org/communities/tajiks/> (accessed: 02.04.2024).

References

- Baktybaeva A.N. Terrorism in the CIS: Uzbek jihadism. Islamic movement of Uzbekistan // Post-Soviet studies. 2020. T. 3. No. 4. P. 304–314.
- Gareev M.A. The Afghan problem — three years without Soviet troops. M., 1996. p. 372.
- Madbekov O. What are the reasons for the protests in GBAO? 02/18/2022, Central Asian Bureau of Analytical Reporting. URL: <https://cabar.asia/ru/v-chem-zaklyuchayutsya-prichiny-protestov-v-gbao>
- Mirsky G.I. Bin Laden, Al-Qaeda and the fate of jihadism. World economy and international relations. Russian Academy of Sciences. Institute of World Economy and International Relation. Moscow, 2011, No. 12, p. 31–48.
- Popov D.S. Tajikistan in the face of the threat of international terrorism // Problems of national strategy. 2016. No 5 (38). pp. 126–147.
- Thirteenth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2611 (2021) on the Taliban and associated individuals and entities posing a threat to peace, stability and security in Afghanistan. URL: https://digitallibrary.un.org/record/3975071/files/S_2022_419-RU.pdf?withWatermark=0&withMetadata=0&version=1 (accessed: 17.03.2024).
- Shashok L.A., Militants from Central Asia are recruited by regional terrorist groups, 03/02/2023, Nezavisimaya Gazeta. URL: https://nvo.ng.ru/gpolit/2023-03-02/11_1226_asia.html (accessed: 26.03.2024).
- Shashok L.A. “Furious mullahs” have found an approach to the countries of Central Asia, 02.28.2024, Nezavisimaya Gazeta. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2024-02-28/3_8958_kb.html (accessed: 03.26.2024).
- Dushanbe announced an increase in drug smuggling from Afghanistan, 02/03/2023. URL: <https://www.interfax.ru/world/884502> (accessed: 02.04.2024).
- The IMU swore allegiance to the Islamic State, 08/07/2015. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20150807/1016306506.html> (accessed: 17.03.2024).
- Understanding illicit methamphetamine production in Afghanistan. UNODC Research Brief. August 2023. URL: https://www.unodc.org/documents/centralasia//2023/information_Centre/Methamphetamine_Manufacture_in_Afghanistan_RU_web.pdf (accessed: 03.26.2024).
- Rahmon said that there are more than 6 thousand militants at the southern borders of the CSTO, 10/10/2022, TASS. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13384409> (accessed: 03/27/2024).
- Terrorist attacks, riots and militant raids in Uzbekistan, Kommersant newspaper, 05/14/2005. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/577660> (accessed: 03/26/2024).
- Shavkat Mirziyoyev called on the Afghan authorities to break ties with terrorist organizations, 07/26/2023, UZ Newspaper. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/26/afghanistan>
- Botobekov, U. Understanding Jamaat Ansarullah: Ideological Shifts and Objectives, November 6, 2023, The Khorasan Diary. URL: <https://thekhorasandiary.com/en/2023/11/06/understanding-jamaat-ansarullah-ideological-shifts-and-objectives> (accessed: 16.04.2024).
- Congressional Research Services, “Afghanistan: Background and U.S. Policy in Brief,” June 11, 2021, accessed: June 30, 2021. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R45122.pdf> (accessed: 02.04.2024).
- Dr. Basaran, D. Seeking Solutions to the Afghan Problem: Tashkent Summit, 15.03.2023, Ankara Center for Crisis and Policy Studies. URL: <https://www.ankasam.org/seeking-solutions-to-the-afghan-problem-tashkent-summit/?lang=en> (accessed: 17.03.2024).
- Felbab-Brown, V. What Ayman al-Zawahri’s death says about terrorism in Taliban-run Afghanistan. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2022/08/02/what-ayman-al-zawahris-death-says-about-terrorism-in-taliban-run-afghanistan/> (accessed: 16.04.2024).
- Hassan, S.R. Karachi airport attack signals tactical shift by Taliban, June 12, 2014, Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSKBN0EN0ED/> (accessed: 18.04.2024).
- Huasheng, Z. Central Asia in Change: Where Do Security Risks Come From? 03.07.2023. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/central-asia-in-change-where-do-security-risks/> (accessed: 17.03.2024).
- Islamic Movement of Uzbekistan, Counter Extremism Project. URL: <https://www.counterextremism.com/threat/islamic-movement-uzbekistan/report> (accessed: 17.03.2024).

Jadoon, A., Jahanbani, N., & Willis, C. Challenging the ISK brand in Afghanistan-Pakistan: Rivalries and Divided Loyalties. April 2018, CTC SENTINEL, Vol.11, Issue 4, p. 23—29.

Jehl, D. Iran Holds Taliban Responsible for 9 Diplomats' Deaths, September 11 1998, The New York Times, Jehl, D. Iran Holds Taliban Responsible for 9 Diplomats' Deaths, September 11 1998, The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/1998/09/11/world/iran-holds-taliban-responsible-for-9-diplomats-deaths.html> (accessed: 02.04.2024).

Kattelmann, K. Operation Enduring Freedom: Institutional Constraints, Alliance Commitments, and the Power Capabilities of Counterterrorism, June 2014, Journal of Terrorism Research 5 (2).

Khan, I.A. Understanding Pakistan's Pro-Taliban Afghan Policy, Pakistan Horizon, vol. 60, no. 2, Pakistan's foreign policy analysis, April 2007, pp. 141—157.

Kugelman, M. How dangerous is the Islamic State-Khorasan? March 23, 2023. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/03/23/afghanistan-islamic-state-khorasan-centcom-warning-threat/> (accessed: 02.04.2024).

Kugler, R., Baranick, M., Binnendijk, H. Operation Anaconda: Lessons for Joint Operations, March 2009, Center for Technology and National Security, Policy National Defense University.

Mann, P. Islamic movement of Uzbekistan: Will it strike back? 2002, Strategic Analysis, 26 (2), p. 294—304.

Mehl, D. The Islamic Movement of Uzbekistan Opens a Door to the Islamic State, CTC Sentinel, June 2015, Vol. 8, Issue 5. URL: <https://ctc.westpoint.edu/the-islamic-movement-of-uzbekistan-opens-a-door-to-the-islamic-state/> (accessed: 18.04.2024).

Moghadam, A. Shifting Trends in Suicide Attacks, January 2009, CTC Sentinel, Volume 2, Issue 1. URL: <https://ctc.westpoint.edu/shifting-trends-in-suicide-attacks/> (accessed: 17.03.2024).

Pannier, B. Northern Afghanistan and the new threat to Central Asia, May 13, 2022. URL: <https://www.fpri.org/article/2022/05/northern-afghanistan-and-the-new-threat-to-central-asia/> (accessed: 02.04.2024).

Ramachandran, S. Tajikistan Faces Threat from Tajik Taliban, March 27, 2023, The Central Asia — Caucasus Analyst. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13750-tajikistan-faces-threat-from-tajik-taliban.html> (accessed: 28.03.2024).

Rashid, Y. Afghanistan's Badakhshan: New Security Threat for Tajikistan. URL: https://iramcenter.org/en/afghanistans-badakhshan-new-security-%20threat-for-tajikistan_en-814 (accessed: 02.04.2024).

Schmitz, A. Central Asia's Muslims and the Taliban, 17.03.2022, SWP Comment, № 17. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2022C17_CentralAsia_Muslims.pdf (accessed: 17.03.2024).

Waheed, J. Wilayah Khorasan and its regional implications. Journal of Political and International Studies. Vol.4, № 2, July-December 2018, pp. 105—124.

Webber, L., & Valle, R. Islamic State Khorasan's expanded vision in South and Central Asia, August 26, 2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/08/islamic-state-khorasans-expanded-vision-in-south-and-central-asia/> (accessed: 02.04.2024).

Witter, D. Uzbek Militancy in Pakistan's Tribal Region, January 27, 2011, Institute for the Study of War, Military Analysis and Education for Civilian Leaders. URL: https://www.understandingwar.org/sites/default/files/BackgrounderIMU_28Jan.pdf (accessed: 17.03.2024).

Zenn, J., & Kuehnast, K., Preventing violent extremism in Kyrgyzstan, United States Institute of Peace. URL: https://www.usip.org/sites/default/files/SR355_Preventing-Violent-Extremism-in-Kyrgyzstan.pdf (accessed: 28.03.2024).

Russian and Tajik troops kick off joint military drills on border with Afghanistan, April 3, 2023. URL: https://eng.mil.ru/en/news_page/country/more.htm?id=12462819@egNews (accessed: 17.03.2024).

Tajikistan: President demands Tajik role in running Afghanistan, August 25, 2021. URL: <https://eurasianet.org/tajikistan-president-demands-tajik-role-in-running-afghanistan> (accessed: 16.04.2024).

Tajiks in Afghanistan. Minority Rights Group. URL: <https://minorityrights.org/communities/tajiks/> (accessed: 02.04.2024).

А.И. Искандаров

Россия и Центральная Азия: развитие и безопасность в меняющихся мировых реалиях

Аннотация. Безопасность Центральной Азии является ключевым фактором в обеспечении стабильности на Евразийском континенте. Регион выступает перекрестком множества интересов и трансграничных угроз, таких как терроризм, экстремизм, незаконный оборот наркотиков и транснациональная преступность. В исследовании особое внимание уделяется вопросам развития всеобъемлющего сотрудничества между Российской Федерацией и государствами Центральной Азии для обеспечения мира и экономического развития в регионе.

Ключевые слова: Центральная Азия, Российская Федерация, экономика, безопасность, вызовы, перспективы.

Автор: Искандаров Акбаршо Искандарович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, доктор политических наук, заведующий Отделом политических проблем международных отношений Национальной академии наук Республики Таджикистан.

Akbarsho I. Iskandarov

Russia and Central Asia: Development and Security

Abstract. The security of Central Asia is a key factor in ensuring stability on the Eurasian continent. The region is a crossroads of many interests and cross-border threats, such as terrorism, extremism, drug trafficking and transnational crime. The study pays special attention to the development of comprehensive cooperation between the Russian Federation and the states of Central Asia to ensure peace and economic development in the region.

Keywords: Central Asia, Russian Federation, economy, security, challenges, prospects.

Author: Iskandarov Akbarsho I., Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Political Problems in International Relations, National Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.

В современном глобальном контексте Россия и Центральная Азия занимают важное стратегическое положение, влияя на различные аспекты мировой и региональной политики, экономики и безопасности. В рамках быстро меняющихся мировых реалий Россия и страны Центральной Азии сталкиваются с рядом вызовов и угроз, которые оказывают влияние как на их собственное развитие, так и на глобальную стабильность [Хайдарзода, 2023].

В современном мире, где тектонические геополитические сдвиги и экономические изменения вызывают серьезное беспокойство, сотрудничество между Россией и Центральной Азией становится все более значимым.

Уместно отметить, что Россия и Центральная Азия, олицетворяющие собой пересечение различных культурных, этнических и геополитических интересов, занимают стратегически важное положение на мировой арене. В контексте быстро меняющихся мировых реалий, включающих в себя геополитическое напряжение, экономические трансформации и вызовы безопасности, изучение динамики развития и взаимоотношений между Россией и Центральной Азией является существенным для формирования глубокого понимания текущих процессов и перспектив развития.

Сегодняшний мир охвачен волнами перемен, которые оказывают глубокое влияние на геополитическую карту и экономические отношения. В этом разрезе, взаимодействие между Россией и Центральной Азией формирует важное слияние интересов и возможностей в условиях глобальных изменений. Анализ их взаимодействия в контексте развития и обеспечения безопасности представляет собой не только актуальную, но и сложную задачу [Притчин, 2022].

Исторические, культурные и экономические связи между Россией и странами Центральной Азии уходят корнями вглубь веков. Эти связи сложились на основе общей исторической судьбы, культурных традиций и экономических интересов. В то время как Россия является важным игроком в регионе и предлагает множество экономических и политических инициатив, страны Центральной Азии, в свою очередь, представляют собой крупный рынок для российских товаров и услуг, а также видят в лице Москвы ключевого партнера в сфере безопасности и стабильности.

Второй аспект — это безопасность. Регион Центральной Азии находится в фокусе внимания в контексте глобальной безопасности. Он стал ареной соперничества между различными геополитическими акторами, включая террористические группировки, экстремистские движения и внешние силы, стремящиеся расширить свое влияние в регионе.

Будучи важным геополитическим игроком, Россия выполняет основополагающую роль в обеспечении безопасности Центральной Азии. Сотрудничество в области обороны и безопасности, а также обмен информацией и координация усилий между Россией и странами региона становятся все более важными для противодействия стоящим перед ними современным вызовам и угрозам.

Третий аспект — это адаптация к меняющимся мировым реалиям. Современный мир стал более взаимосвязанным и динамичным, требующим более гибких и инновационных подходов к сотрудничеству и развитию. Россия и страны Центральной Азии должны активно адаптироваться к этим изменениям, следовать принципам диалога, взаимного уважения и соблюдения взаимных интересов.

Необходимо отметить, что современные мировые реалии не только привносят новые вызовы, но и предлагают возможности для взаимодействия между Россией и Центральной Азией. Глобальные изменения в экономике, технологиях и политике требуют пересмотра стратегий и приспособления к новым условиям. В этом контексте важно учитывать и роль других глобальных и региональных игроков, таких как Китай, США и Европейский союз, которые также имеют интересы и влияние в регионе Центральной Азии [Мамахатов, 2024].

Следует заметить, что вопросы обеспечения региональной безопасности остаются одним из главных аспектов взаимодействия между Россией и Центральной Азией. Центральноазиатский регион подвержен влиянию множества различных внешних и внутренних угроз, в числе которых: продолжающаяся нестабильность в Афганистане, незаконный оборот наркотиков, нехватка водных ресурсов и сохраняющиеся территориальные и приграничные споры.

Необходимо обратить внимание на вопрос, который имеет крайне высокую важность для безопасности государств региона и России. Речь идет о гражданах государств Центральной Азии и Российской Федерации, находящихся в рядах террористических организаций и укрывающихся в Афганистане. Данные лица представляют реальную угрозу безопасности и стабильности государств региона. Возвращаясь на родину, боевики могут стать источником угрозы для мирных граждан и национальной безопасности.

Важно отметить, что ряд факторов способствуют формированию негативных тенденций. Одним из ключевых является наличие нерешенных социальных и экономических проблем как в России, так и в странах Центральной Азии. Эти проблемы создают плодородную почву для распространения идеи радикализма и экстремизма среди определенной части населения региона, а также для вербовки наших соотечественников в ряды террористических и джихадистских организаций.

Примечательно, что граждане России и стран Центральной Азии присоединяются к террористическим группировкам не только по идеологическим соображениям. Для многих из них решающими факторами являются материальная нужда, обещания вербовщиков террористических организаций об оказании им финансовой поддержки и социальной защиты. Это свидетельствует о глубоких проблемах экономического и социального развития в странах региона, которые способствуют радикализации населения.

Кроме того, существует идеологический аспект в деятельности этих группировок. Они активно распространяют и пропагандируют радикальные идеи и подстрекают молодежь и общество к ненависти и насилию, в том числе через социальные сети и интернет. В онлайн-пространстве создаются виртуальные сообщества для привития гражданам идей радикализма и вербовки новых членов в ряды экстремистских формирований.

Территория республик Центральной Азии используется в качестве транзитного коридора для контрабанды наркотиков в другие страны региона, что создает огромные проблемы социального, экономического, политического и криминального характера. Распространение наркотиков способствует росту преступности, наркомании, коррупции и нарушению общественной безопасности.

Нехватка водных ресурсов в Центральной Азии является серьезной проблемой, обусловленной различными факторами, включая изменение климата, непродуктивное использование воды в сельском хозяйстве и недостаточные меры по управлению ими. Как известно, основными источниками воды являются реки Амударья и Сырдарья, которые к нашему сожалению подвержены истощению из-за недостатка осадков, изменений климата и их интенсивного использования для нужд сельского хозяйства и промышленности. Научные исследования пока-

зывают, что во многих реках и озерах региона уменьшается объем воды из-за сокращения площади ледников и недостаточного пополнения водных запасов.

По оценкам экспертов сложности с поступлением воды в страны «низовья» (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан) будут также нарастать. Дополнительным фактором, усугубляющим уже имеющиеся проблемы, становится строительство талибами в Афганистане водоканала «Куштепа». Бесконтрольный отвод в него части вод Амударьи неизбежно приведет к сокращению водопользования в южных районах Узбекистана и в Туркменистане, нанесет серьезный экологический ущерб гидрологии и окружающим ландшафтам самой реки. Эти последствия неминуемо приведут к нарастанию напряженности в отношениях между странами региона.

Пограничные споры в Центральной Азии часто возникают по историческим, этническим, религиозным и экономическим причинам. Научные исследования показывают, что эти споры могут привести к напряженности, конфликтам и даже вооруженным столкновениям между странами региона. Они могут также оказывать негативное воздействие на экономическое развитие, инвестиции и международное сотрудничество.

В настоящее время сотрудничество между Россией и странами Центральной Азии в области экономики и безопасности, наряду с прямым двусторонним взаимодействием, проходит через ряд важных этапов и форматов. Одним из ключевых механизмов взаимодействия является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в рамках которой активно обсуждаются вопросы противодействия терроризму, экстремизму и наркотрафику. Кроме того, существует ряд двусторонних и многосторонних инициатив, направленных на укрепление безопасности и стабильности в регионе.

Вторым ключевым форматом для сотрудничества является Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), которая способствует укреплению безопасности в регионе путем развития военно-технического сотрудничества, проведению совместных военных учений и координации действий в области борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Необходимо подчеркнуть, что сотрудничество в области безопасности между Россией и Центральной Азией имеет потенциал для дальнейшего расширения и углубления. Развитие новых технологий, в том числе в области кибербезопасности, предоставляет новые возможности для совместной работы и обмена опытом. Кроме того, укрепление институционального сотрудничества и развитие механизмов доверия между странами региона могут способствовать более эффективному противодействию угрозам безопасности.

Несмотря на достигнутые успехи, есть еще много работы, которую нужно проделать для укрепления региональной безопасности и расширения регионального сотрудничества между Россией и Центральной Азией. Важно продолжать развивать механизмы сотрудничества и обмена информацией в области безопасности, а также стимулировать экономическое сотрудничество и развитие инфраструктуры.

Таким образом, Россия и Центральная Азия стоят перед важными задачами и вызовами в условиях меняющихся мировых реалий. Однако при правильном

подходе и усилиях обеих сторон эти вызовы можно превратить в возможности для совместного процветания и стабильности.

В заключение хочу подчеркнуть, что региональная безопасность и региональное сотрудничество между Россией и Центральной Азией имеют стратегическое значение для обеспечения стабильности и процветания в регионе. Несмотря на все сложности и вызовы, лишь только совместные усилия и стратегическое партнерство могут содействовать эффективному противодействию угрозам безопасности и обеспечению мира и стабильности в регионе и за его пределами.

Библиографический список

Мамахатов Т. Россия и Китай в Центральной Азии: сотрудничество или соперничество? 09.01.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-kitay-v-tsentrальной-azii-sotrudnichestvo-ili-sopernichestvo/?sphrase_id=130288381 (дата обращения: 13.05.2024).

Причтин С. Россия — ответственный игрок, нацеленный на безопасность в Центральной Азии. 20.10.2022. URL: <https://e-cis.info/news/566/104122/> (дата обращения: 11.05.2024).

Хайдарзода Р. Перспективы сотрудничества России и Центральной Азии в условиях нового миропорядка. 22.05.2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 08.05.2024).

References

Mamakhatov T. Russia and China in Central Asia: cooperation or rivalry? 01.09.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-kitay-v-tsentralnoy-azii-sotrudnichestvo-ili-sopernichestvo/?sphrase_id=130288381 (accessed: 13.05.2024).

Prichtin S. Russia is a responsible player aimed at security in Central Asia. 10.20.2022. URL: <https://e-cis.info/news/566/104122/> (accessed: 11.05.2024).

Khaidarzoda R. Prospects for cooperation between Russia and Central Asia in the context of the new world order. 05.22.2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-tsentralnoy-azii/> (accessed: 08.05.2024).

Х.У. Усмонзода

Взаимодействие стран Центральноазиатского региона в рамках ОДКБ в контексте современных мировых и региональных проблем

Аннотация. В статье рассматриваются региональные и глобальные вызовы и возможности, которые стоят перед странами Центральной Азии сегодня. Активность стран региона в качестве субъектов региональной политики растет в направлении создания новой системы добрососедских взаимоотношений. Особая роль в этом принадлежит Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), которая играет ключевую роль в поддержании стабильности в регионе. Утверждается, что интегрированная и безопасная Центральная Азия выгодна не только составляющим её государствам, но также ее соседям и партнерам. В статье автор также отвечает на вопрос, какое место Центральная Азия занимает в мире и каким образом сотрудничество стран региона позволяет разрешать локальные проблемы и использовать новые возможности.

Ключевые слова: региональные проблемы, Центральная Азия, ОДКБ, Таджикистан, Афганистан.

Автор: Усмонзода Хайридин Усмон, доктор философских наук, профессор, директор Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан. E-mail: khidiev@mail.ru

Khayriddin U. Usmonzoda

Cooperation of Central Asian Countries within SCTO in the Context of Modern Hlobal and Regional Problems

Abstract. The article examines the regional and global challenges and opportunities that the countries of Central Asia face today. The activity of the countries of the region as subjects of regional policy is growing towards the creation of a new system of good neighborly relations. A special role in this belongs to the Collective Security Treaty Organization (CSTO), which plays a key role in maintaining stability in the region. It is stated that integrated and secure Central Asia benefits not only its constituent states, but also its neighbors and partners. In the article, the author also answers the question of what place Central Asia occupies in the world and how cooperation between the countries of the region makes it possible to resolve local problems and take advantage of new opportunities.

Keywords: regional problems, Central Asia, CSTO, Tajikistan, Afghanistan.

Author: Usmonzoda Kh. U., PhD, professor, director of the Centre for strategic studies of the President of the Republic of Tajikistan. E-mail: khidiev@mail.ru

На сегодняшний день роль стран Центральной Азии в создании новой системы добрососедских взаимоотношений заметно растет. Элементы, составляющие данную систему взаимоотношений, вращаются вокруг оси тех глубоких сдвигов, которые происходят не только внутри каждой страны в отдельности, но также в региональном и глобальном измерении. Исходя из этого, перед специалистами ставятся жизненно важные вопросы о том, каким образом Центральная Азия может приспособиться к новой реальности, насколько открыт регион навстречу новым возможностям. Интересно и то, каким образом странам региона следует проявлять экономическую активность без ущерба для своей стабильности, а также как совместно противодействовать деструктивным внутренним и внешним силам, снизить вмешательство отдельных игроков в региональные процессы и т. д.

В попытках поиска ответа на вышеуказанные вопросы красной нитью проходит мысль о том, что интегрированная и безопасная Центральная Азия выгодна не только составляющим её государствам, но также ее соседям и партнерам. В силу сложившейся сегодня глобальной ситуации на просторах Центральной Азии ясно очерчиваются контуры, складывающиеся в безопасный транспортно-логистический коридор сухопутного выхода к южным незагруженным морским портам. Этот коридор приобретает важное значение для мировой торговли и восстановления цепочек поставки продуктов, товаров и энергоносителей, которые были нарушены в ходе проведения Россией специальной военной операции на Украине и наложения на нее санкций западной коалицией. Сегодня сухопутные маршруты также в силу ряда изменений в движении товаров и услуг, производственных цепочек и потреблении энергии, считаются локомотивами глобального технологического прогресса. Уже сегодня мы являемся свидетелями того, что товары из океанских южных портов попадают в страны Центральной Азии и далее транспортируются в сторону востока, севера и запада. В ближайшей перспективе Российская Федерация планирует, используя этот коридор, поставлять в страны Южной Азии энергоресурсы, товары и продовольствие. Автомобильный коридор между южными портами и странами Центральной Азии уже действует и во многом облегчает трудности с обеспечением продовольствия и товаров не только на внутренних рынках стран региона, но и за его пределами.

Наряду с этим, с начала нового года и по сей день вокруг региона Центральной Азии и в целом в мире происходит серия политических и экономических событий совершенно иного качества, коснувшихся почти всех стран. Сегодня мы находимся в центре масштабных изменений, которые означают для стран Центральной Азии одновременно как широкие возможности для сотрудничества, так и вызовы. Анализ разворачивающихся событий показывает, что, к сожалению, клубок причин, содействующих нестабильности в нашем регионе, тоже имеет тенденцию к росту, и поэтому, несмотря на различия в степени вовлечения в эти процессы наших стран, обеспокоенность отрицательными последствиями этих событий возрастает. Это понятно, так как отрицательный эффект политико-экономического противостояния крупных держав ощущается наиболее заметно, особенно болезненно развивающимися странами, ведь у них поле для маневри-

рования искусственно сужается не только в политическом плане, но также в экономической и социальной сфере.

Независимо от этого страны региона включены в мировые процессы, темпы которых сегодня резко ускорились. В силу этих обстоятельств и слабо скоординированного экспертного анализа региональных мозговых центров все труднее становится найти более или менее доступное и адекватное объяснение сложившимся событиям. При этом обстоятельстве закономерно встает вопрос об осознании необходимости выработать адекватные парадигмы осмысления, реагирования на мировые и региональные процессы, которые должны соответствовать интересам и потенциалу наших обществ. Конечно, для этого, прежде всего, необходимо отчетливо осознать стоящие перед регионом вызовы и в ответ на них уметь рационально распоряжаться ресурсами, не впадая в панику и растерянность. Важно вовремя предпринять шаги по преодолению возникших вызовов, в свою очередь делать шаг в сторону системного и постоянного поиска решения насущных общественных проблем, не перекладывая их на плечи будущих поколений. Это позволит не впасть в пучину нерешенных проблем, способствующих росту нестабильности в регионе.

Эти модели должны обеспечить органическое взаимодействие с глобальными политическими игроками ввиду того, что странам региона в силу потенциала бывает трудно самостоятельно повлиять на регулирование сложных мировых процессов. Эти аспекты проявления современных тенденций дают нам основание рассматривать связь внутрирегиональных общественных процессов в связке с внешними.

Что касается Республики Таджикистан (РТ), такие явления как напряженность на границе с Афганистаном, растущая инфляция, колебания на мировом рынке, рост цен на энергоносители и т. д., держат в тревожном состоянии его общественное сознание. В связи с этим наибольшую озабоченность среди населения РТ вызывает надежность защиты таджикско-афганской границы. Беспокойство о безопасности приграничных территорий обусловлено тем, что сегодня в Афганистане сложилась абсолютно новая реальность и страны нашего региона выбрали разные подходы к выстраиванию новых отношений с афганской политической системой. Позиция Таджикистана по отношению к режиму талибов (движение «Талибан запрещено в РФ») носит более устойчиво-прагматичный характер и основывается на том, что вопросы безопасности должны стоять выше экономической выгоды. Это означает, что на определенное время целесообразно смириться с некоторыми экономическими издержками, которые могут увеличиться в разы по мере нарастания политической напряженности. На сегодняшний день ситуация в Афганистане не спокойна и постоянно претерпевает новые изменения. Хотя не исключено, что отношение Республики Таджикистан может измениться, если в дальнейшем Исламский Эмират будет адекватно реагировать на фундаментальные опасения соседних стран по поводу региональной безопасности. Наше государство ввиду пережитого исторического опыта не намерено заигрывать с идеологией исламского радикализма, применяющего насильственные методы ведения политической борьбы, ибо данный феномен является угрозой для всех светских режимов стран Центральной Азии.

В то же время для того, чтобы ситуация с гуманитарной проблемой в Афганистане не вышла из-под контроля и афганское общество не столкнулось с еще одним крахом, Таджикистан по согласованию с соответствующими международными организациями предложил использовать свои широкие логистические возможности для оказания гуманитарной помощи.

Данный шаг свидетельствует о том, что Таджикистан, как ближайший сосед Афганистана, не может быть безразличным к судьбе угнетенного народа этой страны. Наряду с осуществлением гуманитарной миссии наше правительство заинтересовано в поиске эффективных превентивных мер сдерживания угроз, исходящих из Афганистана. Президент Таджикистана Эмомали Рахмон на экстренном заседании Совета Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) призвал создать «пояс безопасности» вокруг Афганистана, чтобы обезопасить южные границы Организации от проникновения террористов и наркотрафика. Глава государства обратил внимание на наличие в государствах-членах ОДКБ спящих ячеек международных террористических и экстремистских организаций, а также на их вербовочно-пропагандистские усилия в отношении местного населения.

Идея создания «пояса безопасности» вокруг Афганистана не направлена на изоляцию этой страны, а наоборот предполагает следующее:

- минимизацию угрозы проникновения и создания экстремистских ячеек в приграничных государствах и странах Центральной Азии под видом беженцев;
- оперативный обмен информацией между странами Центральной Азии и приграничными государствами о ситуации с наркотрафиком и попытках экспорта наркотиков;
- проработка эффективных механизмов обеспечения надежной защиты рубежей ОДКБ в данный момент.

Осуществление этих мер позволит создать и сохранить безопасный экономический коридор, соединяющий страны Центральной Азии с Афганистаном, а также привлечь в инфраструктуру региона инвестиции развитых государств, сделав его объектом их экономического интереса. На основе этого можно будет подключать и Афганистан в качестве перспективного экономического партнера для других стран. Данный подход будет способствовать мирному взаимодействию между Афганистаном и членами ОДКБ, позволит не допустить использования этой страны в качестве базы для перегруппировки экстремистских, террористических групп и снизит напряженность в регионе в целом. При этом сами страны региона могут оказать содействие восстановлению экономики Афганистана, снижению угрозы ее коллапса и предотвращению гуманитарной катастрофы в этой стране.

Другая проблема, которая теперь вызывает все больше озабоченности, связана с процессами, разворачивающимися на просторах постсоветского пространства. Происходящие события могут кардинально переформатировать многие геостратегические, геоэкономические отношения в центральноазиатском направлении. Хотя пока в детализированном виде описать результат такого переформатирования отношений трудно, для снижения их отрицательных последствий необходимо усилить взаимодействие в рамках действующих региональных структур, в том числе ОДКБ.

Отрадно, что наши страны независимо от того, как развивается международная ситуация сегодня, с большой ответственностью и интенсивностью в рамках ОДКБ вовлечены в обсуждение и поиск решения ключевых региональных проблем. Это свидетельствует об усилении тенденций к укреплению внутрирегиональной интеграции. Сегодня необходимо развивать взаимодействие на новом уровне и усилить практическую составляющую нашего сотрудничества.

Усиливающееся взаимодействие государств региона в последние годы дает нам основание утверждать, что сегодня Центральная Азия не является регионом лишь в географическом смысле слова. Напротив, она укрепляет политические, экономические и культурные связи между составляющими ее странами. Безоговорочное преимущество состоит в том, что у стран и народов Центральной Азии действительно есть очень много общего, начиная от исторической судьбы, религии, культуры и отчасти хозяйственной культуры. Это позволяет нарастить интенсивность регионального сотрудничества и интеграцию не только с помощью торгово-экономического взаимодействия, а, наоборот, с опорой на культурно мотивированные ресурсы. Основываясь на таких преимуществах, партнерские и союзнические отношения между странами Центральной Азии выстраиваются на совершенно реалистических принципах. К этим принципам относятся прежде всего приверженность мирному разрешению конфликтов в регионе, стремление обеспечить собственную безопасность в ее неразрывной связи с безопасностью других государств региона, уважение суверенитета друг друга, умение на двусторонних и многосторонних основах создавать зоны свободной торговли и производства, открывающие путь к достижению более глубокой региональной экономической интеграции.

Г.О. Халова, Н.И. Иллерицкий

Экономический, энергетический и природно-ресурсный потенциал Центральной Азии как фактор геополитического противостояния в условиях меняющегося миропорядка

Аннотация. В статье авторами анализируются экономический, природно-ресурсный и энергетический потенциал государств Центральной Азии. На основании изученных материалов выявлено, что в условиях меняющегося миропорядка эти государства становятся важными акторами геополитического противостояния. Данное исследование выявило, что важными импульсами социально-экономического развития государств региона становятся реализация проектов международного транспортного коридора «Север — Юг», а также инициативы «Пояс и путь». Еще одним важным фактором укрепления геоэкономического положения государств и их социально-экономического развития являются такие интеграционные объединения как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Союз независимых государств (СНГ) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Ключевые слова: экономика, энергетика, природно-ресурсный потенциал, геополитика, геоэкономика, Центральная Азия, Россия, Китай, ЕАЭС, ШОС, СНГ.

Авторы: Халова Гюльнар Османовна, главный научный сотрудник Центра Центральноазиатских исследований, доктор экономических наук, профессор, Институт Китая и современной Азии РАН. E-mail: khalovag@yandex.ru
Иллерицкий Никита Игоревич, ведущий научный сотрудник Центра Центральноазиатских исследований, кандидат экономических наук, Институт Китая и современной Азии РАН. E-mail: illernick@yandex.ru

Gulnar O. Khalova, Nikita I. Illeritskiy

Economic, Energy and Natural Resource Potential of Central Asia as a Factor in Geopolitical Confrontation in the Context of a Changing World Order

Abstract. In this article the authors analyze the economic, natural resource and energy potential of the Central Asian states. Based on the materials studied, it was revealed that in the conditions of a changing world order, these states are becoming important actors in geopolitical confrontation. This study revealed that the implementation of projects of the international transport corridor “North-South”, as well as the Silk Road Economic Belt, is becoming an important impetus for the socioeconomic development of the states of the region. Another important factor in strengthening the geo-economic position of states and their socio-economic development are such organizations as the Eurasian Economic Union (EAEU), the Commonwealth of Independent States (CIS) and the Shanghai Cooperation Organization (SCO).

Keywords: economics, energy, natural resource potential, geopolitics, geo-economy, Central Asia, Russia, China, EAEU, SCO, CIS.

Authors: Gulnara O. Khalova, Chief researcher, Center for Central Asian Studies, Doctor of Economic Sciences, Professor, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. E-mail: khalovag@yandex.ru

Nikita I. Illeritskiy, Leading researcher, Center for Central Asian Studies, PhD in Economics, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. E-mail: illernick@yandex.ru

Одним из ведущих исследователей в области военной науки и международных отношений в начале XX века был британский географ и историк Халфорд Джон Маккиндер. Его считают одним из основателей геополитики, и именно он первым сформулировал концепцию геоцентрической оси истории, или, в оригинале, «heartland» (сердцевина, срединная земля). Данное словосочетание стало широко распространенным в западной геополитической науке. Территория, которую Маккиндер называл heartland, охватывала обширные пространства Евразии и частично совпадала с границами Российской Империи того времени. По мнению Маккиндера, эти территории являлись центром мира, в отличие от «полупериферии» и «периферии», в которых располагались страны Западной Европы и Америки, и, в отличие от большинства других регионов мира, эти территории обладали огромными запасами природных ресурсов и большой численностью населения. Кроме того, на протяжении всей истории человечества они являлись местом зарождения и развития десятков цивилизаций: здесь встречались, пересекались и смешивались люди, товары, знания и идеи со всего Евразийского континента — Европы, Ближнего Востока, Южной и Восточной Азии. Однако эти территории не имеют выхода к морю, и поэтому были недоступны для экспансии Британской Империи, о чем западный исследователь уже в то время весьма сожалел [Mackinder, 1904].

Фактически, Маккиндер писал о территориях Центральной Азии (далее — ЦА), и, несмотря на то, что события XX века и начала XXI века изменили мировой порядок, породили множество разнообразных теорий, новых геополитических и геоэкономических концепций, стратегическое значение территорий Центральной Азии не просто никогда не подвергалось сомнению, но, напротив, только росло со временем.

Необходимо также помнить, что, в соответствии с определением ЮНЕСКО, которое не выделяет различий между Средней Азией и Центральной Азией, регион включает Монголию, северо-западный Китай (Синьцзян, Тибет, Внутреннюю Монголию, Цинхай, запад Сычуани и север Ганьсу), Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, а также районы азиатской России южнее таёжной зоны, Афганистан, северо-западную часть Индии, северную часть Пакистана, северо-восточную часть Ирана. Определение ЮНЕСКО в целом соответствует понятию «heartland» Х. Дж. Маккиндера. В нашем исследовании в число стран Центральной Азии мы включили постсоветские республики: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

Сегодня нам известно, что в Центральной Азии сосредоточены значимые запасы ценных природных ресурсов, начиная от традиционных топливно-энерге-

тических — угля, нефти, природного газа — и заканчивая цветными металлами, редкоземельными элементами, жизненно необходимыми для бурно развивающейся сферы новых и возобновляемых источников энергии (НВИЭ) и высоких технологий.

Через территорию государств ЦА проходит несколько значимых транспортных проектов. Главные из них — инициатива «Пояс и путь» (ИПП) и мультимодальный транспортный коридор «Север—Юг». То есть, территория Центральноазиатских республик, являясь местом пересечения торговых путей, становится платформой, где пересекаются транспортные маршруты поставки товаров между странами Европы и Азии, что создает возможности получения доходов от транзита грузов через территорию государств ЦА.

Отметим, что среди стран Центральной Азии Казахстан обладает значимыми в мировом масштабе запасами нефти, газа, урана, хрома, цинка, марганца, меди, угля, железной руды и золота, а также фосфоритов. Туркменистан является одним из мировых лидеров по запасам природного газа. Узбекистан характеризуется богатыми запасами руд черных и цветных металлов, а также урана и золота, в то же время являясь важным участником регионального рынка природного газа. Минерально-сырьевую базу Кыргызстана также составляют месторождения благородных, цветных и редких металлов и нерудного сырья. На севере Таджикистана расположено одно из крупнейших в мире месторождений серебра, страна богата месторождениями драгоценных камней, урана, золота, угля, алюминиевыми и полиметаллическими рудами. Почти по всем ключевым природным ресурсам мировой энергетики, металлургии и тяжелой промышленности запасы стран Центральной Азии превышают 1 % от мировых, по природному газу — 10 % от мировых, по урану — 15 % от мировых (табл. 1).

Таблица 1. Оценка запасов основных энергетических и минеральных ресурсов в странах Центральной Азии, %

Ресурс	Страна					
	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан	
Нефть	1,0	Менее 0,1	Менее 0,1	Менее 0,1	Менее 0,1	
Газ	1,3			9,8	0,6	
Уголь	2,4			Менее 0,1	Менее 0,1	0,1
Уран	13,0					2,0
Черные металлы	1,3					0,1
Цветные металлы	1,0					0,2
РЗМ						0,1
Драгоценные металлы	2,0					1,5
Нерудное ценное сырье	До 3					Около 0,5

Источники: составлено авторами на основе [EI Statical Review; U.S. Geological Survey; WNA: Uranium Supply].

Многие из ресурсных богатств стран Центральной Азии требуют дополнительной разведки и изучения, и в настоящее время разрабатываются не так активно, сохраняя свой потенциал на будущее. Необходимо учитывать, что в последние несколько десятилетий активная геологоразведка в большинстве стран Центральной Азии фактически прекратилась, а во многих горных районах Таджикистана и Узбекистана и вовсе никогда не осуществлялась, поэтому текущие данные, скорее всего, сильно занижены, и новые геологические открытия в Центральной Азии — лишь вопрос инвестиций, технологий и времени. Во многом это обусловлено исторической географической труднодоступностью данного региона: поскольку ни одна из стран Центральной Азии не имеет прямого выхода к мировому океану, традиционная модель развития с вовлечением в глобализацию и мировую торговлю для них долгие годы оставалась не вполне эффективной (как, например, для так называемых стран «азиатских тигров»).

Важнейшим ресурсом Центральноазиатского региона является его население. За годы независимости постсоветских республик оно выросло в 1,6 раза с 50,5 млн человек в 1990 г. до 80,0 млн человек в 2023 г. (табл. 2).

Таблица 2. Динамика численности населения стран Центрально-Азиатского региона в 1990—2023 гг., млн человек

Год	Страна				
	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
1990	16,4	4,4	5,3	3,8	20,6
2000	14,9	4,9	6,2	4,7	24,5
2010	16,3	5,4	7,6	5,3	28
2020	18,8	6,5	9,5	6,3	33,9
2023	19,9	6,9	10,1	7,1	36

Источник: составлено авторами на основе [В Туркменистане подвели..., 2022; Российский статистический ежегодник, 2003; World Economic Outlook Database, 2024].

Значительную долю населения республик ЦА составляют молодые люди. Это будущие производительные силы региона. И в случае их эффективного использования за счет грамотной социально-экономической политики, они могут стать драйверами роста экономик государств региона.

Отметим, что природно-ресурсные богатства, а также сельскохозяйственный потенциал региона получили хороший шанс на освоение и реализацию в период СССР, поскольку в условиях советской экономики проблема высоких транспортных издержек и удаленности региона от центров производства и потребления не стояла так остро, как в условиях современной рыночной экономики. Советский Союз мог позволить себе долгосрочные и крупномасштабные проекты по развитию сельского хозяйства, промышленности и логистики в центральноазиатских республиках, однако распад СССР и формирование независимых центральноазиатских государств существенно изменили их векторы развития в последующие десятилетия. Казахстан и Туркменистан выбрали модель развития,

основанную преимущественно на монетизации природно-ресурсной ренты, используя свое наиболее удобное географическое положение — близость к логистическим возможностям России (для казахстанской нефти) и китайскому рынку (отчасти для казахстанской нефти). Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан развивают свою экономику во многом за счет экспорта трудовых ресурсов, сельскохозяйственной продукции и туризма. Важно отметить, что Казахстан и Кыргызстан с 2014 г. также весьма успешно интегрировались в Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС).

По сравнению с 1990-ми годами экономики государств Центральной Азии росли неравномерно (рис. 1).

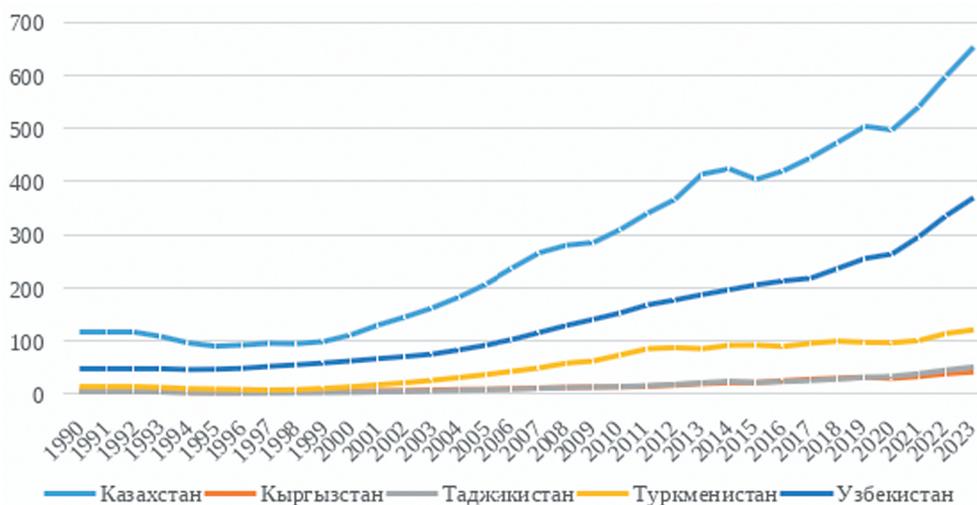

Рис. 1. Динамика ВВП (по ППС) государств Центральноазиатского региона в 1990—2023 гг., млрд долл. *Источник:* составлено на основе [World Economic Outlook Database, 2024].

Аналогичная тенденция наблюдалась и в динамике показателя ВВП (по ППС) на душу населения (рис. 2).

На протяжении всего постсоветского периода, вплоть до 2021—2022 гг., страны Центральной Азии стремились поддерживать баланс в развитии отношений со всеми мировыми экономическими и политическими центрами — Российской Федерацией, Китаем, Европейским Союзом, США и другими странами «коллективного Запада». Новые государства, которые столь недавно по историческим меркам обрели независимость и суверенитет, стремились активно встраиваться в мировую экономику, привлекать иностранные инвестиции, формировать собственные политические системы и модели экономического развития. Однако пристальное внимание к региону, давление на страны и инфильтрация с целью внешнего воздействия начались уже в 1990-е годы. Достаточно вспомнить многочисленные европейские, британские и американские проекты (например, INOGATE, TRASECA), направленные на формирование лояльной и комфортной для стран Запада институциональной среды, попытки «инвестиционного

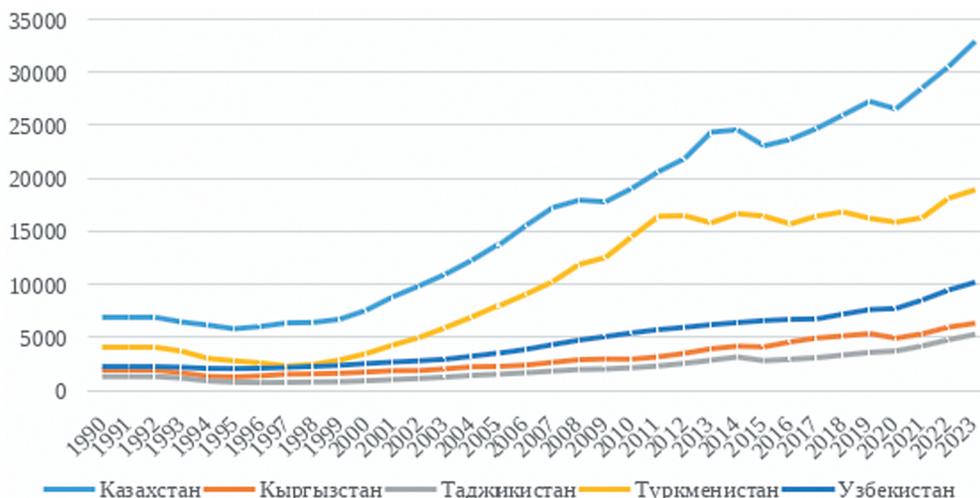

Рис. 2. Динамика ВВП (по ППС) на душу населения государств Центральноазиатского региона в 1990—2023 гг., долл. *Источник:* составлено на основе [World Economic Outlook Database, 2024].

захвата» западными ресурсодобывающими мейджорами наследия советской горнодобывающей и нефтегазодобывающей промышленности и инфраструктуры, многочисленные вмешательства в системы образования и формирование государственных элит через так называемые «партнерские» программы и проекты. Активно стремился (и продолжает стремиться) усилить свое присутствие в регионе и Китай — хотя, в первую очередь, исключительно экономическое, фактически не вмешиваясь в политические аспекты и не навязывая, в отличие от стран «коллективного Запада» свою социально-политическую и экономическую систему. Но главное в том, что, начиная с середины 2010-х годов миропорядок, сложившийся после окончания «холодной войны», начал приходить в упадок, а фаза его активного разрушения наступила сегодня. По выражению Ф.А. Лукьянова, которое уже стало крылатым, мы оказались «внутри учебника истории», и многие формы геополитического и геоэкономического противостояния из пассивных, скрытых и мягких уже перешли или переходят в активные, открытые и жесткие [Внутри учебника истории].

В 2022 г. стало очевидно, что реанимация прежнего миропорядка невозможна, а конфронтация России с США и их союзниками станет долговременной и будет усиливаться. В условиях односторонних и несправедливых санкций либеральные режимы международной торговли, глобализация и движение капиталов деградируют, авторитет финансовых институтов падает, а доверие к международному праву для большинства стран мира — по терминологии С.В. Караганова, «Мирового большинства» — фактически утрачено [Караганов, 2022].

Данные тенденции активно проникают и в подсистему региональных международных экономических отношений в Центральной Азии. С одной стороны, наметившиеся изменения в миропорядке создают для малых стран ряд возмож-

ностей для внешнеполитического маневра, которых у них не было в условиях стабильной мировой системы с уже распределенными ролями. Страны Центральной Азии могут (и будут) предпринимать попытки извлечь максимальные выгоды для себя от любых изменений в мировой экономике и политике. С другой стороны, обострение геополитического и геоэкономического противостояния в регионе означает усиление давления на них со стороны противоборствующих сторон: России, Китая, коллективного Запада и, отчасти, Турции, которая в текущих условиях пытается в очередной раз в своей истории претендовать на роль великой державы. При этом, каждый актер предлагает собственные транспортные проекты развития логистического потенциала региона. Российская Федерация является лидером ЕАЭС и предлагает к реализации проект МТК «Север—Юг», Китай предлагает ИПП. Со своей стороны, страны «коллективного Запада» предлагают проекты международных транспортных коридоров в собственных интересах (такие, как TRASECA) и стремятся к экономическому освоению ключевой инфраструктуры и стратегических ресурсов, а Турция продвигает идею этно-националистского «Великого Турана» для объединения тюркских народов Евразии под своим лидерством [Михалёв, 2024].

Таким образом, в Евразии сталкиваются интересы различных, и зачастую несовместимых между собой инициатив и проектов, что не позволяет говорить о благоприятной среде для долгосрочной геоэкономической стабильности. Структурным препятствием для реализации этих инициатив является то, что евразийский регион характеризуется высокой социально-экономической и политической неравномерностью стран, и в том числе по этой причине ни один из рассмотренных сценариев интеграции пока не может стать доминирующим и вытеснить другие. Кроме того, начало процесса трансформации мирового порядка застало регион в состоянии структурной неопределенности. Крупнейшие страны региона (по объему ВВП и численности населения) — Казахстан и Узбекистан — пока еще не смогли реализовать свой экономический и ресурсный потенциал за прошедшие три десятка лет в мере, достаточной для претензии на региональное лидерство. Как уже отметили, единой интеграционной модели, либо общей для всех стран ЦА международной организации пока еще также не сложилось: в регионе функционируют ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, СНГ, различные многосторонние диалоговые форматы, но ни один из них пока еще не стал универсальным и для стран Центральной Азии, и для ведущих евразийских держав — России, Китая, Индии (табл. 3).

Перечисленные региональные организации не всегда блестяще справляются неблагоприятными изменениями мировой системы. ОДКБ показала свою эффективность в рамках событий января 2022 г. в Казахстане, однако столкнулась с серьезным кризисом в ходе обострения армяно-азербайджанского конфликта и украинского кризиса. Армяно-азербайджанский конфликт, политическое давление на Армению и Казахстан, санкционное давление на Россию имеют целью расшатать и замедлить процессы экономической и энергетической интеграции ЕАЭС, сформировать неблагоприятные условия для его расширения. Ключевые противоречия ШОС не связаны со странами Центральной Азии напрямую, но специфические отношения между Китаем и Индией снижают эффективность

Таблица 3. Основные региональные интеграционные объединения и международные организации с участием стран Центральной Азии

Страны		Организация			
		ЕАЭС	ШОС	ОДКБ	СНГ
Страны Центральной Азии	Казахстан	Участник	Участник	Участник	Участник
	Кыргызстан				
	Таджикистан	—	—	—	
	Туркменистан				
	Узбекистан	Наблюдатель	Участник	Участник	
Россия	Участник				
Справочно	Китай	Сопряжение, ЗСТ	Участник	—	—
	Индия	ЗСТ			

работы блока [Халова, Иллерицкий, 2023]. Значимость СНГ как регионального интегратора, с учетом всех противоречий между его участниками, в последние десятилетия существенно снизилась.

Это означает, что регион, при всей его исторической общности, в сегодняшних условиях остается весьма фрагментированным с точки зрения экономической интеграции и обеспечения военно-политической безопасности. Безусловно, такая фрагментация выгодна в первую очередь внешним игрокам — главным образом, коллективному Западу — *divide et impera*. Однако стратегически это совершенно неприемлемо для внутрирегиональных акторов, то есть, как для самих государств Центральной Азии, так и для России. На наш взгляд, отсутствие единого видения будущего, единого целеполагания, единой стратегической программы развития региона — главный вызов и риск для нашей страны в современных реалиях. Страны Центральной Азии остаются для России важнейшими партнерами, их успешное социально-экономическое развитие и политическая стабильность в регионе являются важным фактором успешного преодоления текущего кризиса. Сами страны Центральной Азии также весьма заинтересованы в проведении предсказуемой и отвечающей российским интересам внешней политики, несмотря на возрастающее внешнее давление со стороны «коллективного Запада» [Перспективы сотрудничества России и Центральной Азии...].

Китаю, который имеет собственную внешнеполитическую и внешнеэкономическую стратегию, связанную с регионом Центральной Азии, внешнее вмешательство также совершенно не нужно. В регионе сохраняются некоторые элементы конкуренции, соперничества с Россией, однако стратегические интересы двух стран совпадают. В последние несколько лет Москва и Пекин выступают единым фронтом против действий внешних участников, направленных на подрыв стабильности в сопредельных регионах [Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях...].

Кроме того, Россия и Китай подтверждают свои намерения координировать поддержку стран Центральной Азии в обеспечении их независимости и нацио-

нального развития, а также защиты от вмешательства во внутренние дела региона [Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой...].

Здесь важно отметить, что именно российское и китайское стратегическое видение развития региона оказалось наиболее жизнеспособным и взаимно совместимым. ЕАЭС и ИПП сохранили свою эффективность и векторы развития в сложных условиях — сначала в период пандемии COVID-19, а затем и во время геополитических потрясений 2022—2024 гг. При этом именно российская и китайская инициативы транслируют наиболее весомые экономические смыслы, как-то: трансконтинентальное развитие энергетики и промышленного производства, инфраструктурные мегапроекты, снятие трансграничных барьеров для торговли товарами и услугами. При этом Москва и Пекин не насыщают повестку избыточным политическим давлением или санкционными рисками, в отличие от Турции или стран Запада. Фактически, в рамках «сопряжения» ЕАЭС и ИПП Россия и Китай предлагают региону Центральной Азии тот же самый набор стратегически значимых экономических инструментов и благ, который эти страны утратили с распадом СССР. Среди них — развитие топливно-энергетического комплекса через участие российских и китайских компаний в добычных и нефтегазотранспортных проектах; развитие логистики, промышленности и инфраструктуры в рамках инвестиционных соглашений. В случае присоединения к ЕАЭС страны обретут четыре экономических свободы — передвижения товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов. Также у них появится возможность извлекать транзитную ренту в случае успешной реализации проектов трансконтинентальных транспортных коридоров. Все вышеперечисленные меры, в основе которых лежат современные технологии и экономические модели, позволят снять самое главное препятствие, которое сдерживало развитие региона на протяжении значительной части его истории — отсутствие выходов к морю, и, следовательно, невозможность преференциального участия в мировой морской торговле.

Очевидно, что ни американские, ни европейские стратегические инициативы в регионе не отвечают масштабам целей развития не только Центральной Азии, но и всего евразийского пространства. Будучи неготовыми к масштабным инвестициям, к обеспечению региональной безопасности не на словах, а на деле, США и ЕС не имеют возможности даже частично предоставить странам Центральной Азии то, что предлагают и смогут дать в перспективе Россия и Китай.

Библиографический список

Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой, Москва, 24 мая 2023 года. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1872168/ (дата обращения: 05.05.2024).

В Туркменистане подвели итоги переписи населения 2022 года. URL: <https://auh.com.tm/ru/item/669> (дата обращения: 11.04.2024).

Внутри учебника истории. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vnutri-uchebnika-istorii/> (дата обращения: 22.04.2024).

Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 5. С. 6—18.

Михалёв А.В., Рахимов К.К. Евразия с точки зрения Фуко // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 1. С. 98—111.

Перспективы сотрудничества России и Центральной Азии в условиях нового миропорядка. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-tsentralnoy-azii/?ysclid=lwffsvdtuq762965862> (дата обращения: 20.05.2024).

Российский статистический ежегодник. 2003: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2003. 705 с.

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. URL: <https://sportrg.ru/2022/02/06/sovместnoe-zaiavlenie-rf-i-knr.html> (дата обращения: 13.05.2024).

Халова Г.О., Иллерицкий Н.И. Энергетическая геополитика и трансформация ШОС: от Центральной Азии к Евразии и многополярному миру // Энергетическая политика. 2023. № 2. С. 78—85.

EI Statistical Review. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (дата обращения: 29.04.2024).

Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 1904. Vol. 23. No. 4. P. 421—437. DOI: <https://doi.org/10.2307/1775498>

U.S. Geological Survey, Mineral commodity summaries 2024. Reston, Virginia: U.S. Geological Survey, 2024. 212 p. DOI: <https://doi.org/10.3133/mcs2024>

WNA: Uranium Supply. URL: <https://world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/uranium-resources/supply-of-uranium> (дата обращения: 11.05.2024).

World Economic Outlook Database, April 2024 Edition. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (дата обращения: 22.05.2024).

References

Brifing ofitsial'nogo predstavatelya MID Rossii M.V.Zakharovoy, Moskva, 24 maya 2023 goda [Briefing of the official representative of the Russian Foreign Ministry M.V.Zakharova, Moscow, 24.03.2023]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1872168/ (accessed: 05.05.2024)

V Turkmenistane podveli itogi perepisi naseleniya 2022 goda [In Turkmenistan summarised the results of the census of population in 2022.]. URL: <https://auh.com.tm/ru/item/669> (accessed: 11.04.2024)

Vnutri uchebnika istorii [In the history textbook]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vnutri-uchebnika-istorii/> (accessed: 22.04.2024)

Karaganov S.A. Ot ne-Zapada k Mirovomu bol'shinstvu [From the non-West to the world majority] // Rossiya v global'noy politike. 2022. T. 20. № 5. P. 6—18.

Mikhalev A.V., Rakhimov K.K. Evraziya s tochki zreniya Fuko [Eurasia from Foucault's point of view] // Rossiya v global'noy politike. 2024. T. 22. № 1. S. 98—111.

Perspektivy sotrudnichestva Rossii i Tsentral'noy Azii v usloviyakh novogo miroporyadka [Prospects for cooperation between Russia and Central Asia in the new world order]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-tsentralnoy-azii/?ysclid=lwffsvdtuq762965862> (accessed: 20.05.2024).

Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik [Russian Statistical Yearbook]. 2003: Stat.sb. М.: Goskomstat Rossii, 2003. 705 s.

Sovmestnoye zayavleniye Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki o mezhdunarodnykh otnosheniyakh, vstupayushchikh v novuyu epokhu, i global'nom ustoychivom razvitii [Joint Declaration of the Russian Federation and the People's Republic of China on International Relations Entering a New Era and Global Sustainable Development.]. URL: <https://sportrg.ru/2022/02/06/sovместnoe-zaiavlenie-rf-i-knr.html> (accessed: 13.05.2024).

Khalova G.O., Illeritskiy N.I. Energeticheskaya geopolitika i transformatsiya ShOS: ot Tsentral'noy Azii k Evrazii i mnogopolyarnomu miru [Energy Geopolitics and the Transformation of the SCO: From Central Asia to Eurasia and a Multipolar World] // Energeticheskaya politika. 2023. № 2. S. 78—85.

EI Statistical Review. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed: 29.04.2024).

Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 1904. Vol. 23. No. 4. P. 421—437. DOI: <https://doi.org/10.2307/1775498>

U.S. Geological Survey, Mineral commodity summaries 2024. — Reston, Virginia: U.S. Geological Survey, 2024. 212 p. DOI: <https://doi.org/10.3133/mcs2024>

WNA: Uranium Supply. URL: <https://world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/uranium-resources/supply-of-uranium> (accessed: 11.05.2024).

World Economic Outlook Database, April 2024 Edition. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (accessed: 22.05.2024).

Е.А. Исаева

Текущее состояние и перспективы сотрудничества России и Ирана в нефтегазовой сфере

Аннотация. Статья анализирует текущее состояние и перспективы сотрудничества Российской Федерации и Исламской Республики Иран в нефтегазовой сфере. Имея богатые природные ресурсы, развитую нефтехимическую промышленность и выгодное географическое положение — страна расположена на стратегическом перекрестке между Востоком и Западом — Иран обладает всеми необходимыми предпосылками для того, чтобы стать крупным игроком в мировой торговле. Автором рассматривается нефтегазовый сектор Ирана, включая его запасы, добычу и экспорт. Исследуются ряд возможностей для дальнейшего сотрудничества между Россией и Ираном, включая совместные проекты по разведке и добыче, инвестиции в инфраструктуру и новые логистические маршруты. Также рассмотрены потенциальные препятствия для сотрудничества, такие как санкции и геополитическая напряженность.

Ключевые слова: Иран, нефтегазовый сектор, сотрудничество, санкции, РФ.

Автор: Исаева Елена Андреевна, аналитик РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина. E-mail: isaeva.e@gubkin.ru

Elena Isaeva

Current State and Prospects for Cooperation between Russia and Iran in the Oil and Gas Sector

Abstract. The article analyzes the current state and prospects of cooperation between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran in the oil and gas sector. Having rich natural resources, a developed petrochemical industry and a favorable geographical location — the country is situated at a strategic crossroads between East and West — Iran has all the necessary prerequisites to become a major player in the world trade. The author examines the oil and gas sector of Iran, including its reserves, production and exports. A number of opportunities for further cooperation between Russia and Iran are considered, including joint projects on exploration and production, investments in infrastructure and new logistic routes. Potential obstacles to cooperation, such as sanctions and geopolitical tensions, are also examined.

Keywords: Iran, oil and gas sector, cooperation, sanctions, Russia.

Author: Elena Isaeva, analyst at Gubkin Russian State University of Oil and Gas. E-mail: isaeva.e@gubkin.ru

В настоящее время Исламская Республика Иран (далее — ИРИ) является одним из важнейших экономических игроков на Ближнем Востоке, благодаря своему стратегическому географическому положению, богатым природным ресурсам и

развитой промышленности. Персидская империя, зародившаяся на территории нынешнего Ирана, доминировала в регионе в течение почти пяти столетий, и сегодня, несмотря на санкционное давление, глубокое религиозное влияние и масштабные социально-экономические трансформации, страна остается одним из лидеров государств Персидского залива.

Выгодное географическое положение Ирана дает ему значительные экономические, политические и стратегические преимущества, что содействует развитию инфраструктуры и укрепляет его роль в регионе. Наличие общих границ с Ираком, Турцией, Арменией, Азербайджаном, Туркменистаном, Афганистаном и Пакистаном дает Ирану возможность влиять на региональную политику и безопасность.

Нефтегазовый сектор Ирана: развитие в условиях санкций

Иран обладает богатыми нефтяными и газовыми ресурсами, которые играют важную роль в экономике страны. С одной стороны, доход от природных ресурсов обеспечивает развитие инфраструктуры, образования и здравоохранения. С другой стороны, экономика страны подвержена колебаниям мировых цен на нефть и санкциям со стороны международного сообщества.

По данным на конец 2022 г. ИРИ занимает третье место в мире по доказанным запасам нефти (140 179,2 млрд т) и второе место по доказанным запасам газа (34 077 млрд м³).

Общий объем добычи нефти в Иране увеличился на 4,6 % до 176,5 млн т в год, вернувшись к уровню 2014 г. [Statistical Review of World Energy, 2023]. По данным отчета Управления энергетической информации США (EIA), Иран стал ведущим членом ОПЕК по увеличению добычи в 2023 г., общий объем добычи нефти в стране оценивается в 2,87 млн баррелей в сутки на конец 2023 г. В декабре 2023 г. Иран был третьим по величине производителем нефти в ОПЕК после Саудовской Аравии и Ирака [Iran registers...]. По прогнозам ОПЕК, в 2024 г. добыча нефти в Иране вырастет до 4,2 млн баррелей в сутки. Иран планирует поддерживать производственные мощности на месторождениях с высоким уровнем падения добычи за счет разработки новых и реконструкции существующих скважин. Иран также сосредоточен на диверсификации своей экономики за счет развития газовой промышленности. Объем добычи газа в 2022 г. составил 259,4 млрд м³ (увеличившись на 1,1 % по сравнению с 2021 годом). По данным на 2022 г., Иран является одним из крупнейших производителей газа в мире после США (978,6 млрд м³) и России (618,4 млрд м³).

Однако сохраняются вызовы для нефтегазового сектора Ирана, такие как энергетические санкции и санкции SWIFT, которые отрезали иранские банки от мировой финансовой системы, нестабильность в регионе и конкуренция со стороны других стран-производителей [Халова, Иллерицкий, 2023]. Несмотря на эти трудности, Исламской Республике удастся продолжать продавать около 1 млн баррелей нефти в день, в основном в Азию. В 2022 г. в Китай ежедневно экспортировалось около 276 тыс. баррелей иранской нефти. В начале 2023 г.

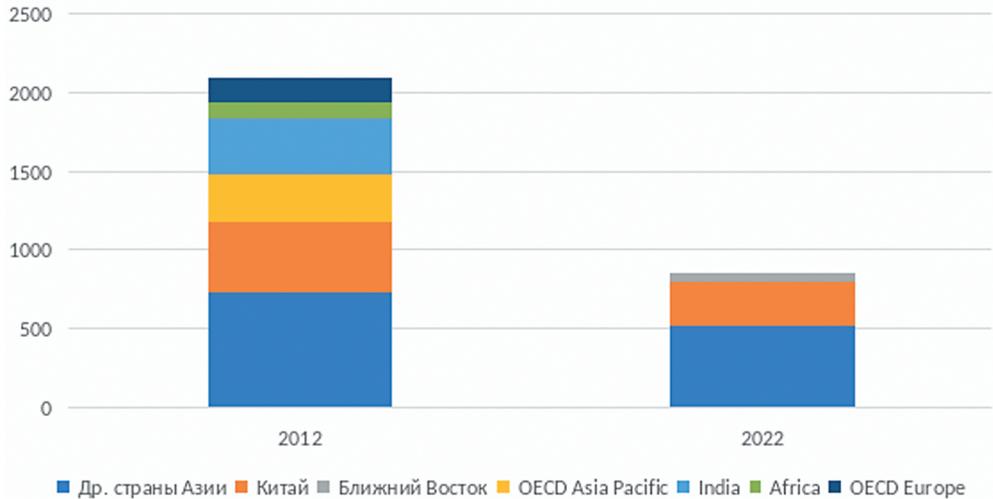

Диаграмма 1. Экспорт сырой нефти из Ирана в 2012 и 2022 годах, с разбивкой по регионам назначения, млн барр./день.

Источник: Crude oil exports from Iran in 2012 and 2022, by destination region.

экспорт нефти из Ирана, включая многие незаконные сделки, достиг четырех-летнего максимума в 38,7 млрд долл.

Санкции США привели к резкому сокращению традиционных экспортных рынков Ирана. Однако страна успешно адаптировалась к санкциям, диверсифицируя свои экспортные направления и развивая новые рынки сбыта. Иран активно использует систему «вторичных хабов», перегружая товары в портах ОАЭ

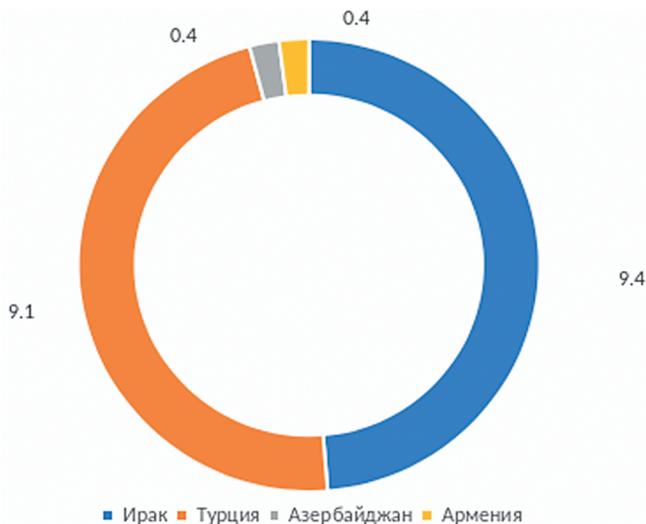

Диаграмма 2. Основные покупатели иранского газа в 2022 г., млрд м³.

Источник: Country Analysis Executive Summary: Iran /U.S. Energy Information Administration

для последующего экспорта в третьи страны. Кроме того, Иран остается крупным поставщиком в соседние страны Ближнего Востока, такие как Афганистан и Ирак.

По данным 72-го выпуска Статистического обзора мировой энергетики экспорт иранского газа в 2022 г. составил 2,5 % от общего объема мировой торговли природным газом по трубопроводу — 18,9 млрд кубометров, показав девятипроцентный рост в годовом исчислении [Statistical Review of World Energy, 2023]. Иран экспортирует природный газ в соседние страны через сеть магистральных газопроводов. В 2022 г. на Ирак и Турцию приходился почти весь (97 %) экспорт природного газа из Ирана: Ирак (9,4 млрд м³), Турция (9,1 млрд м³), Азербайджан (0,4 млрд м³), Армения (0,4 млрд м³).

Несмотря на санкции, Иран обладает значительным потенциалом для увеличения добычи нефти и газа благодаря наличию неразведанных запасов и возможности разработки существующих месторождений. Большинство крупных месторождений Ирана расположены на юго-западе страны, в провинции Хузестан. Месторождения отличаются высоким содержанием серы в нефти и газе.

Российско-иранские отношения: новые перспективы сотрудничества

На протяжении 2010-х годов Иран стремился улучшить отношения с Западом и сотрудничать с международными игроками в разных областях, в том числе в экономической сфере. Однако санкции послужили препятствием для международного сотрудничества, подтолкнув страну к дальнейшему продвижению «на Восток». Сегодня, когда власть в Тегеране монополизирована сторонниками жесткой линии, ориентация на Восток практически не встречает сопротивления в Правительстве, несмотря на опасения по поводу ее реальных преимуществ.

Иран имеет стратегическое понимание своих отношений с Китаем и Россией и рассматривает свой подход «Вектор на Восток» как центральную часть ответа Соединенным Штатам. Политические, военные и экономические связи между Ираном и двумя мировыми державами растут, при этом Иран вынужден идти на уступки из-за острой необходимости в защите на международной арене [Телегина, Халова, 2023].

В последние годы отношения между Россией и Ираном претерпели значительные изменения, перейдя на новый уровень стратегического сотрудничества. По нашему мнению, это было обусловлено рядом взаимовыгодных факторов:

- поддержка России в ближневосточных кризисах: Иран рассчитывает на поддержку России в урегулировании кризисов в регионе, в частности, в Сирии;
- влияние на санкции против Ирана: Россия обладает правом вето в Совете Безопасности ООН, что позволяет ей влиять на содержание и продление санкций против Ирана;
- схожие взгляды на международную политику: Иран поддерживает российскую позицию о невмешательстве Запада в сирийский кризис, Россия ценит региональное влияние Ирана в Сирии и Ираке.

- сотрудничество в рамках ОПЕК+ и Форума стран — экспортеров газа: обе страны активно взаимодействуют в рамках этих организаций, влияя на глобальный энергетический рынок.

Украинский кризис привел к ухудшению отношений России с Западом и усилению роли ближневосточного направления во внешней политике Москвы. Это способствовало углублению стратегического сотрудничества с Ираном. В 2022 г. наблюдалось рекордное количество встреч на высшем уровне между Россией и Ираном. Стороны обмениваются проектами по обновлению правовой базы двусторонних отношений для выведения их на уровень стратегического партнерства.

Россия и Иран реализуют ряд крупных совместных проектов:

- учреждена Российско-иранская комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству;
- подписано межправительственное соглашение о финансировании строительства железной дороги Решт—Астара в рамках МТК «Север—Юг»;
- Иран и Россия готовятся подписать новое соглашение о всеобъемлющем сотрудничестве сроком на двадцать лет, которое дополнит действующий Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества от 2001 г. По данным на июнь 2024 г. текст договора полностью согласован и ожидает подписания сторон.

Новое соглашение о всеобъемлющем сотрудничестве между Ираном и Россией еще больше укрепит связи между двумя странами. Оно будет способствовать углублению экономического сотрудничества, увеличению торговли и инвестиций, а также расширению технологического обмена. Это соглашение также будет иметь геополитические последствия, поскольку оно усилит ось сопротивления против западных санкций и изоляции.

Российско-иранская кооперация в нефтегазовой сфере как драйвер экономического сближения

Важной составляющей российско-иранского экономического сотрудничества является нефтегазовая отрасль. Россия и Иран обладают значительным потенциалом в добыче и экспорте углеводородов, что создает благоприятные условия для взаимодействия в этой сфере.

На заседании в Тегеране 28 февраля 2024 г. Транснефть и Министерство нефти Ирана подписали меморандум о взаимопонимании (MoU). Меморандум предусматривает проведение совместных исследований в области нефти и разработку технологических проектов.

Иранский министр нефти Д. Оуджи выразил надежду на расширение сотрудничества с Россией в сфере энергетики. На заседании межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству России и Ирана обсуждались совместные проекты, в том числе:

- создание газового хаба в Иране с участием России, Катара и Туркмении;
- освоение газовых месторождений в Иране при участии ПАО «Газпром»;

- совместная работа СПГГУ и Ширазского университета по увеличению коэффициента извлечения нефти.

Национальная иранская нефтяная компания (НИОС) и ПАО «Газпром» подписали Меморандум о взаимопонимании о стратегическом сотрудничестве, который предусматривает инвестиции в размере около 40 млрд долл. в энергетический сектор Ирана. В рамках этого соглашения планируется:

- разработка месторождений Киш и Северный Парс;
- строительство экспортных газопроводов;
- взаимодействие в области исследований, разработок и технологий.

Россия также участвует в разработке нефтяных месторождений Шадеган и Раг-э-Сафид. Кроме того, Иран выразил готовность принимать значительные объемы российского газа и поставлять его по запросу России [Соглашение о международном...].

Возобновление сотрудничества между Россией и Ираном в нефтегазовой сфере имеет взаимовыгодный характер и способствует укреплению экономических связей между двумя странами.

По нашему мнению, для России сотрудничество с Ираном имеет стратегическое значение, поскольку оно обеспечивает:

- доступ к крупным иранским нефтяным и газовым месторождениям (Чалус, Хоррамшахр, Киш и Северный Парс);
- возможность транзита российских углеводородов в Индию, страны Африки и Ближнего Востока через иранские энергетические коридоры;
- проведение своповых операций по российскому газу и нефти.

Сотрудничество в нефтегазовом секторе является ключевым и для энергетической безопасности России. Оно позволяет Москве диверсифицировать свои экспортные маршруты, обеспечить доступ к крупным углеводородным запасам и укрепить свои позиции на мировом энергетическом рынке.

Один из главных проектов российско-иранских взаимоотношений, МТК «Север—Юг», приносит ряд преимуществ обеим сторонам:

- укрепляет экономические связи и способствует развитию торговли и инвестиций между Ираном, Россией и другими странами-участницами;
- диверсифицирует транспортные маршруты. МТК «Север—Юг» предлагает альтернативный маршрут для перевозки грузов между Европой и Индией, что повышает надежность и устойчивость цепочек поставок;
- увеличивает транзитные доходы для Ирана и России, способствуя экономическому росту.

Для Ирана это — возможность привлечь иностранные инвестиции и технологии для развития нефтегазовой отрасли и увеличения добычи нефти и газа. Также для Ирана имеют огромное значение военные и гражданские технологии России, которая является одним из крупнейших поставщиков вооружений в Иран. Следовательно, иранские военные полагаются на российскую технику для обеспечения своей обороны. Кроме того, российские технологии играют важную роль в развитии различных отраслей иранской промышленности, включая энергетику, транспорт и сельское хозяйство.

Несмотря на то, что и Иран, и Россия находятся под санкциями, их сотрудничество набирает обороты. Это говорит о том, что санкции не всегда эффективны в достижении своих целей. Более того, подобные ограничительные меры могут иметь непреднамеренные последствия, такие как сближение подвергшихся им стран. В 2024 г. ожидается подписание валютного соглашения между Ираном и Россией. Это соглашение позволит странам вести торговлю в рублях и риалах, что снизит зависимость от доллара США и евро.

Несмотря на укрепление сотрудничества, существуют и некоторые противоречия между Россией и Ираном. Например, Иран критиковал российско-саудовское заявление по поводу трех островов в Ормузском проливе. Тем не менее, в целом перспективы российско-иранских отношений остаются позитивными. Оба государства заинтересованы в дальнейшем развитии стратегического сотрудничества и укреплении своих позиций на Ближнем Востоке.

Думается, что взаимовыгодные перспективы сотрудничества России и Ирана должны включать в себя:

- совместное строительство грузового и крупнотоннажного флота;
- участие российских компаний в строительстве солнечных и ветряных электростанций в Иране;
- упрощение перемещения финансовых и человеческих ресурсов;
- введение безвизового режима между странами.

Библиографический список

Statistical Review of World Energy / 2023 | 72nd edition.

Iran registers highest oil output rise among OPEC members in 2023: report [URL: <https://www.hellenicshippingnews.com/iran-registers-highest-oil-output-rise-among-opec-members-in-2023-report/>]

Халова Г.О., Иллерицкий Н., Сазонова Е. Вызовы и возможности развития экономики, и ТЭК Ирана / Энергетическая политика. № 5(183). Май 2023.

Crude oil exports from Iran in 2012 and 2022, by destination region / Statista [URL: <https://www.statista.com/statistics/264170/oil-exports-of-iran-by-region-2008/>]

Country Analysis Executive Summary: Iran /U.S. Energy Information Administration [URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/Iran/pdf/iran_exe.pdf].

Телегина Е.А., Халова Г.О. Вектор на восток: новые приоритеты энергетических стратегий, М., 2023.

Соглашение о международном транспортном коридоре «Север—Юг». [URL: <http://docs.cntd.ru/document/901828641>].

Барари Рейканде Ходаяр. Диссертация: Российско-иранские отношения в энергетической сфере в контексте глобализации. Специальность ВАК РФ 23.00.04.

References

Statistical Review of World Energy / 2023 | 72nd edition.

Iran registers highest oil output rise among OPEC members in 2023: report [URL: <https://www.hellenicshippingnews.com/iran-registers-highest-oil-output-rise-among-opec-members-in-2023-report/>].

Khalova G.O., Illeritsky N., Sazonova E. Challenges and opportunities for economic development, and the fuel and energy complex of Iran / Energy Policy. No. 5(183). May 2023.

Crude oil exports from Iran in 2012 and 2022, by destination region / Statista [URL: <https://www.statista.com/statistics/264170/oil-exports-of-iran-by-region-2008/>].

Country Analysis Executive Summary: Iran /U.S. Energy Information Administration [URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/Iran/pdf/iran_exe.pdf].

Telegina E.A., Khalova G.O. Vector to the East: new priorities of energy strategies, Moscow, 2023.

Agreement on the international transport corridor “North-South” [URL: <http://docs.cntd.ru/document/901828641>].

Barari Reykande Khodayar. Dissertation: Russian-Iranian relations in the energy sector in the context of globalization. Specialty of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation 23.00.04.

Дилан Пэйн Ройс

Американская политика противодействия российским транспортно-энергетическим проектам: кейс «Голубого потока»

Аннотация. В статье представлены доказательства того, что США, начиная с 1998 или начала 1999 г., пытались помешать строительству газопроводов «Голубой поток-1» (1997—2002 гг.) и «Голубой поток-2» (2005—2007 гг.) между Россией и Турцией. Комплекс мер включал лоббирование и/или давление на правительства Италии, Венгрии, Болгарии и самой Турции. Хотя детали по большей части остаются неясными, в случае с Турцией меры были особенно агрессивными. Тем не менее, только второй проект оказался успешным, а на смену «Голубому потоку-2» в конечном итоге пришел «Турецкий поток».

Ключевые слова: США, Турция, Россия, газ, трубопровод, «Голубой поток».

Автор: Дилан Пэйн Ройс, PhD, Научный сотрудник Национального Исследовательского Университета Высшая Школа Экономики (НИУ ВШЭ). E-mail: dproyce@hse.ru

Dylan Payne Royce

The US Obstruction Policy Towards Russian Energy Logistics: Case of Blue Stream

Abstract. This article presents evidence that the US, beginning in 1998 or early 1999, attempted to prevent the construction of the Blue Stream I (1997—2002) and Blue Stream II (2005—2007) gas pipelines between Russia and Turkey. These campaigns involved lobbying and/or pressure against the governments of Italy, Hungary, Bulgaria, and Turkey itself. While the details remain mostly unclear, both campaigns were especially intense and coercive/hostile in the case of Turkey. Nevertheless, only the second was successful, and Blue Stream II was in any case eventually succeeded by TurkStream.

Keywords: US, Turkey, Russia, gas, pipeline, Blue Stream.

Author: Dylan Payne Royce, PhD, Researcher at National Research University Higher School of Economics (HSE). E-mail: dproyce@hse.ru

1. Introduction

Since the USSR's collapse, Russia has constructed, or planned the construction of, seven gas pipelines to the East Atlantic (NATO excluding North America). The first was Yamal-Yevropa, construction of which was largely completed by 1997, towards which the US actually took a neutral or even slightly supportive stance. However, as the US adopted an increasingly negative perception of Russia in the late 1990s, it began pursuing a variety of hostile policies, including a 'Pipeline Blockade'. This was intended to mi-

nimize US allies' economic ties to Russia, ties that the US feared might generate reluctance to adhere to the US's increasingly anti-Russian policies. The Blockade fell upon every Russian project after Yamal-Yevropa — starting with Blue Stream I, which the US began opposing in 1998 or 1999, and continuing through to TurkStream and NordStream II in recent years.

On the basis of numerous US, Turkish, and Western European sources, this article details the US's (attempted) obstruction of Russia's first two post-Yamal-Yevropa projects: Blue Streams I and II, which run (or were intended to run) from Russia to Turkey via the Black Sea.

In the case of Blue Stream I (Sec.2) — planned and built in 1997—2002 — this obstruction included USG pressure (whether solely rhetorical or more substantive) against the Turkish (and Italian) governments, beginning in early 1999 or some time in 1998, to abandon the project (Sec.2.1). It included US attempts, in autumn 1999, to dissuade Turkish signature of a tax protocol with Russia that was critical to Blue Stream I's commercial viability, attempts that culminated in a visit to Ankara, just days before the protocol was due to be signed, that prevented the signature — but, it turned out, for only a few weeks (Sec.2.2). And the effort continued to generate references to US “pressure” and “heavy opposition”, directed against the project and especially against Turkey, in the early 2000s (Sec.2.3).

As for Blue Stream II (Sec.3) — proposed and planned largely in 2005—2007 — US obstruction included lobbying and/or pressure against the Turkish, Bulgarian, and Hungarian governments to drop the project. This effort was, at least in the case of Turkey, clearly coercive/hostile, even if its specifics are unclear.

2. Blue Stream I (1997—2002)

After Yamal-Yevropa, the next Russian export pipeline was Blue Stream I, running from Russia across the Black Sea to Turkey. On 15 December 1997, the prime ministers of Russia and Turkey signed an intergovernmental agreement on the project in Ankara [Frantz, 2001]. And, although the project did not appear to benefit from any US support (as Yamal-Yevropa had to a small degree), it also did not initially appear to have provoked any obstruction or even significant opposition from the US. That changed in 1999, or perhaps some time in 1998, when the US began trying to obstruct the project, with limited success.

In public, the USG always claimed neutrality on the subject. For instance, in September 1999, US Special Advisor to the President and Secretary of State for Caspian Basin Energy Diplomacy (henceforth shortened to “Caspian Energy Advisor”) John Wolf claimed that the US was not seeking to exclude Russia's economic interests from the region, was not trying to interfere in Blue Stream, and was instead focused on promoting the alternative Trans-Caspian Pipeline — and it would be up to the Turkish market to decide which is more profitable [ABD'nin...]. And in an April 2000 Congressional hearing, Assistant Secretary of Energy for International Affairs David Goldwyn insisted that “we are using our efforts to make sure that there is another horse in the race and that it is unfettered in its ability to compete with Blue Stream [The Status...].

We do not oppose Blue Stream. We do not try and set roadblocks in its way.” He later reiterated that “we have tended to try to stay out of the business of talking for or against Blue Stream.”

However — as would later also be the case with Blue Stream II, Nord Stream I, and South Stream — the US's public claims were contradicted by overwhelming evidence.

2.1. Initial US obstruction

The apparently first evidence of US obstruction came to light on 17 February 1999, when Hurriyet reported (originally in Turkish) that the major Blue Stream partnership between Russia's Gazprom and Italy's ENI has further discomfited the US Administration. The US has increased its diplomatic efforts towards Turkey and Italy to block the project.

We have learned that the four-hour visit to Turkey of Ambassador Richard Morningstar, Bill Clinton's special envoy for pipeline projects, was actually about the US's “discomfort with Blue Stream”. In meetings with Prime Minister Bülent Ecevit and Minister of Energy Ziya Aktaş, Morningstar conveyed the US Administration's discomfort with developments in the Blue Stream project.

We have also learned that the US Administration has voiced the same concerns to Italy, the home of petroleum giant ENI and export credit agency SACE [Servizi Assicurativi del Commercio Estero], which are slated to realize the project. The subject [of the US's position/efforts] was raised during a visit to Moscow by Italy's PM and SACE's CEO. Meeting with Gazprom and Gazexport executives, Italian officials conveyed their government's message of “continue the project”, despite US requests to the contrary [ABD].

Notably, Hurriyet also alleged that the US's obstruction of Blue Stream was as old as the project itself; one day before PM Chernomyrdin came to Turkey to sign the Blue Stream agreement (15 December 1997) the US Ambassador to Turkey apparently asked the Turkish Ministry of Energy and Natural Resources to not sign the intergovernmental agreement launching the project [Frantz, 2001]. That said, this is the only such allegation of which I am aware.

Two months later, Petroleum Intelligence Weekly (a venerable and prominent industry periodical) reported that ENI's two “mega-projects”, Blue Stream and a pipeline from Libya to Italy, “have run afoul of US government policy”. Indeed, “with Blue Stream, unwanted US attention could be a bigger problem” than it was for the Libyan project. Despite support for Blue Stream from Turkey, Italy, and a Dutch bank, “Washington is still struggling mightily to get Turkey to drop the deal”: for instance, sending Caspian Energy Advisor Morningstar to Turkey in mid-April, where he “put the full-court press on Ankara in lobbying to kill off Blue Stream” [Tumultuous times...].

Thus, early-to-mid-1999 saw two independent reports alleging the same thing: a sustained USG effort to halt Blue Stream — notable for its targeting of both the Italian and the Turkish governments, and for the prominent role played in it by Caspian Energy Advisor Morningstar — that began in early 1999 or sometime in 1998. Several years later, this reporting was corroborated by further evidence.

In a June 2003 interview with the Turkish newspaper Radikal, Mesut Yilmaz said that, as Prime Minister from 30 June 1997 to 11 January 1999, he had merely continued the Blue Stream project begun by the previous cabinet's Energy Minister — and that

“the US Ambassador told him at the time, ”do not do natural gas business with Russia”” [Çeteler her yerde...]. This probably places US obstruction some time in 1998 (or very early 1999), but it is not entirely certain that Yilmaz was referring here to the actual period of his Prime Ministership, since he remained a major impetus behind the Blue Stream project even after stepping down.

In any case, the most incontrovertible evidence of US obstruction of Blue Stream pertains to USG pressure on Yilmaz after he had left office. In June 2001, the New York Times reported that the success of Blue Stream “would represent a setback in American efforts to curtail Russia's influence in one of the world's most strategic regions”, and that “from the outset, American diplomats have warned that it would give Russia too much leverage over Turkey, and that it would constrain gas development in neighboring countries”. And, more specifically, the Times added that American diplomats stopped short of outright opposition to Blue Stream, but they cautioned their Turkish counterparts against relying too heavily on Russia, according to American officials. They also warned that Blue Stream threatened the Turkmenistan pipeline.

In September 1999, Mr. Yilmaz had dinner with several Clinton administration officials in Washington. He was out of government then, though he remained head of the Motherland Party.

“We really don't like this project,” an American official told him, according to a dinner participant and an official who was briefed about the conversation.

“Let me be plain,” Mr. Yilmaz was quoted as replying. “I'm going to get it done” [Frantz, 2001] .

This dinner would have taken place in the week preceding Monday 20 September 1999. (Approximately when Yilmaz travelled to Moscow “a week later” [İşte tartışılan...].)

2.2. US obstruction by blocking the Russo-Turkish tax protocol

It was also around this time — September 1999 — that the USG began to focus on blocking Blue Stream specifically by preventing Turkey's signature of a Russo-Turkish tax protocol. This effort is the best-attested component of the US's obstruction campaign.

In August 1999, the Russian Cabinet approved the draft of a protocol to the Russo-Turkish Blue Stream agreement, a protocol that would limit the tax obligations of companies involved in the Blue Stream project [Совместная компания...]. Observers generally agreed that this Additional Protocol “must be signed” if Blue Stream were to proceed, for otherwise “the project would be obviously unprofitable and incapable of finding credit” (“проект был очевидно убыточен и некредитоспособен”) [TCP v Blue Stream, 1999; С голубого ручейка...]. Indeed, the alleviation of the project's tax burden was, in principle, agreed upon by Russia and Turkey back in December 1997, as an integral component of the larger project.

However, Turkish signature of the Additional Protocol was not rapidly forthcoming. The Russians hoped that the Turks would finally sign during a state visit to Moscow on 4–6 November, but this did not happen either. The Protocol was certainly ready to be signed: in fact, the day before the Turkish state visit, Gazprom and BOTAS (Turkey's state-owned energy supply corporation) finished ironing out the text and initialed it. Prime Minister Ecevit simply declined to sign it — which rather dramatically upset the

agenda of the visit, the primary concrete item of which had been the Protocol's signature [Ecevit...].

And thus, for a period in autumn 1999, Blue Stream appeared to be in danger of being indefinitely frozen. For instance, on 19 November, Oxford Analytica predicted that the rival Trans-Caspian Pipeline would have good prospects if “Ankara does not sign the additional protocol for Blue Stream within the next few weeks” [TCP v Blue Stream, 1999].

And yet the Additional Protocol actually was signed — on 27 November, by Turkey's Ambassador to Russia and Russia's Deputy Foreign Minister [Russia, Turkey sign...]. Progress on Blue Stream resumed, and the project was functionally completed by the end of 2002.

But what was it that had threatened or at least delayed the Additional Protocol — and thus the entire Blue Stream project?

There are several factors that may have played a role. Before Ecevit's November state visit, Interfax suggested that the Turks had doubts about the Additional Protocol's actual necessity, or alternatively, that they were holding the Protocol 'hostage' in order to pressure the Russian Duma to first ratify a double-taxation-avoidance treaty that Turkey had already ratified [В Москве рассчитывают...].

That said, while the Turks might certainly have disagreed with the Russians on the details of a tax protocol, it seems unlikely that they would have doubted its necessity outright, given that they had agreed to it in December 1997.

As for the double-taxation treaty, if anything it appears that the Russians may have been holding it hostage to the Turks' signature of the Additional Protocol — rather than the reverse — since the Duma ratified the double-taxation agreement the day after the Turks signed the Protocol [С голубого ручейка...]. Indeed, when the Additional Protocol was signed, Anatolia reported that “Saturday's [signing of the] protocol guarantees the approval of the agreement to prevent double taxation by the Russian parliament[,] which was earlier only approved by the Turkish parliament” [Russia, Turkey sign...].

The Russians, for their part, pointed to a very different cause of the trouble. In October, the head of Gazprom, Ryem Vyakhirev (Рем Вяхирев), blamed “external factors, including pressure from the US” («внешние факторы, в частности, давление со стороны Соединенных Штатов») [В Москве рассчитывают...]. And significant evidence supports this claim.

On 29 October — six days before Ecevit's visit to Moscow, and while the Russians still expected Ecevit to sign the Additional Protocol on that visit — the Turkish newspaper Radikal reported that the Protocol “will not be signed, due to the objection of the [Turkish] Ministry of Foreign Affairs”. Why had the Ministry objected? “Taking into account the objections of Turkmenistan and Azerbaijan (which want to themselves sell gas to Turkey), and the criticism of the US, the Foreign Ministry advised PM Ecevit against signing the agreement” [Zeyrek, 1999]. The credibility of this report is particularly enhanced by its accurate prediction of what was, at the time, not public knowledge: that Ecevit would decline to sign the Additional Protocol. Whichever sources accurately predicted this can also probably be relied upon to accurately explain its cause.

Then, in another article, on 5 November, Radikal reported that the US had pressured Ecevit on Blue Stream — moreover, with decisive results — not only via the Turkish

Foreign Ministry, but also directly: “before the trip, Ecevit told his Ministry of Energy that he would sign the protocol, but then changed his mind after speaking with the US President's Special Advisor for Caspian Issues, [John] Wolf.” (The article also quoted one frustrated Gazprom official, whose words were probably relayed by a member of the Turkish delegation then in Moscow, complaining that “your Prime Minister will not sign the protocol until the US does”) [Mavi Akim...].

Hurriyet corroborated this report, writing on Saturday 6 November that “the Turkish government could not sign the Protocol, even though it wanted to”, due to “pressure exerted by the US, Azerbaijan, and Turkmenistan — who oppose Blue Stream — upon the Turkish government”. Specifically, the paper reported that “the US government sent a special envoy to Ankara at the beginning of this week” (i.e. between Monday 1 and Wednesday 3 November, since the trip began on 4 November) “who delivered the US expectation that the Additional Protocol will not be signed” [Ecevit...]. This envoy was presumably Caspian Energy Advisor John Wolf, also mentioned by Radikal, who arrived in Turkey less than four days before the Prime Minister's visit to Moscow.

In fact, the US at this time seems to have been pushing against Blue Stream along every vector it could find. On 3 November (the day before Ecevit's visit to Moscow) the head of the Virtue Party, Recai Kutan, met with Dep.Sec.State Marc Grossman in Washington. Although Kutan's party was not even in power at the time — nor, indeed, had it ever been in power, nor would it ever attain power — Grossman “expressed concern regarding Blue Stream” to Kutan, according to Kutan himself [FP lideri Kutan...].

Finally, Oxford Analytica also credited/blamed the US (and others) for blocking the Protocol's signature, although it specifically suggested that Ecevit “for the sake of ties with Washington...did not want to sign the protocol so soon after his visit to the United States and so close to hosting the OSCE summit” [TCP v Blue Stream, 1999].

In sum, the US went to significant lengths, right before the Protocol was due to be signed, to prevent it from being signed. It lobbied and/or pressured the Turkish Foreign Ministry, the Turkish PM, and apparently any Turkish politicians that it could hold of. And this appears to have (temporarily) yielded dramatic positive results: the most prominent item on the agenda of Russo-Turkish cooperation, which the Turkish government had originally intended to move forward with (otherwise it would have never been included on the Moscow agenda in the first place), was dropped by the Turks at the last minute.

That said, there is a second factor that genuinely might have played a large role in the postponement of the Protocol's signature.

Some of the above-presented reports pointed the finger not only at the US, but also at Azerbaijan, Turkmenistan, and the upcoming OSCE summit in Istanbul. The theory is that Turkey (or, more specifically, the Turkish Foreign Ministry) was concerned that Azerbaijan and Turkmenistan might be angered or dismayed by progress on Blue Stream, and respond by refusing to sign agreements on their own projects with Turkey that were due to be signed at the OSCE summit.

On 6 November, the newspaper *Dunya* reported that before his departure for Russia, PM Ecevit was told by the [Turkish] Ministry of Foreign Affairs that the protocol should be left until after the OSCE summit. Also taking into account the reservations

of the Turkic republics and the US, PM Ecevit convinced Putin to leave the protocol until after the OSCE summit. Despite not signing the protocol, Ecevit said that Turkey had not given up on Blue Stream, and assured the Russians that it would move forward.

And, of course, Turkey indeed signed the Protocol almost immediately after the summit: on 27 November, just eight days after the Istanbul summit ended on 19 November, suggesting that Dunya was also right to partly credit/blame the “Turkic republics” — and what they might do during the OSCE summit — for the delay [Mavi Akim...].

Still, even this report also identified the US as an obstacle to Blue Stream, just like the “Turkic republics”. Moreover, the supposed Azeri-Turkmen threat was logically questionable, casting doubt on whether it actually existed and, if it did, on whether it would have had any credibility in Turkey’s view. Cutting off one’s own commercial dealings with another country, to punish it for also dealing with some third country, seems more than likely to backfire. And Azerbaijan and Turkmenistan were in an extremely poor position from which to blackmail Turkey, as it was (and remains) essentially their only way to get their gas westward, whereas Turkey had (and retains) plenty of options in terms of gas supply.

In any case, even if there were other causes of Turkey’s delay in signing the Protocol, and even if the US did not succeed in preventing signature permanently, the numerous above reports indicate that the US certainly sought such an outcome.

2.3. Continuing US obstruction

And this is still not quite the end of the evidence for the US’s general campaign of obstruction.

In January 2002, Radikal quoted a “high-ranking Ministry of Energy official”, who said that, during PM Ecevit’s visit to the US that month, “US National Security Council officials complained [to the Turkish delegation] that “despite all our objections, Iranian gas has reached Turkey. Blue Stream is also happening””. The same official, according to Radikal, “also described the completion of these projects, despite US pressure, as a success” [Kırkı çıkan’...].

Finally, in a January 2004 report for the EU Commission’s Directorate-General for Energy and Transport, the Dutch Clingendael Institute wrote that The US has heavily opposed the Blue Stream pipeline, as it endangers the prospects for the TCGP. The pipeline would also increase Turkey’s reliance on Russian gas from a current 66 % to about 80 %, and could hamper US efforts to reduce Russian influence in the South Caucasus [van der Linde, et al., 2004].

Notably, Clingendael is itself close to the USG. For instance, it hosted the round-table and reception for the “internal energy conference” of the US’s Embassy to the Hague in October 2009, an event “intended for [USG] energy officers and key Washington working[-]level staff” [US Embassy Hague].

2.4. Conclusion

In sum, it is virtually certain that the US tried to obstruct Blue Stream I by persuading, pressuring, and/or coercing the Italian and especially Turkish governments, to which attest well over 11 distinct sources:

— Hurriyet (multiple unidentified sources);

- Petroleum Intelligence Weekly (unidentified source(s));
- PM Mesut Yilmaz;
- a (presumably American) participant in the dinner with Yilmaz, cited by the New York Times;
- a US official briefed on the dinner and cited by the Times;
- Radikal (multiple unidentified sources, some of whom correctly predicted the non-signature of the Additional Protocol);
- Virtue Party head Recai Kutan;
- Oxford Analytica (unidentified source(s));
- Dunya (unidentified source(s), who correctly predicted the Protocol's post-OSCE-summit signature);
- a Turkish Energy Ministry official cited by Radikal;
- the Clingendael Institute (unidentified source(s)).

But did this effort involve anything more substantial than persuasion and cajoling? It is not entirely clear. To some extent, intense US lobbying, even if devoid of any explicit pledges of reward or punishment, would nevertheless be bolstered by the implicit possibility that the future behavior of the then-global-hegemon, towards the target of the lobbying, might be affected by the target's (non)compliance with the hegemon's demands.

Beyond this, one possibility is that it was actually the USG — not Azerbaijan or Turkmenistan — that was threatening to scuttle the Baku-Ceyhan and/or Trans-Caspian agreements that were due to be signed at the OSCE summit. According to Radikal (29 October), the Turkish Foreign Ministry warned Ecevit that “Azerbaijan and Turkmenistan will not sign [the Baku-Ceyhan and TCP] agreements if the Blue Stream Tax Protocol is concluded in Moscow” — but there is no indication that it was the Azeri and Turkmen governments that told the Foreign Ministry this [Zeyrek, 1999]. Similarly, the Hurriyet article from a week later (6 November) reported that Azerbaijan and Turkmenistan were merely “worried” that Blue Stream could harm them. But the US actually made a threat, warning “that Blue Stream will jeopardize the Baku-Ceyhan petroleum and natural gas pipeline” via a special envoy “who delivered the US expectation that the Additional Protocol will not be signed” [Ecevit...]. Thus, the only warnings related to OSCE/Baku-Ceyhan/TCP, actually reported as having been communicated to Turkey, apparently came from the US itself, which may have been either bluffing/lying about the positions of Azerbaijan and Turkmenistan, or 'precommitting' them to a position that it would itself ensure that they took, if necessary. (Otherwise, it is unclear why Baku and Ashgabat would not take responsibility for communicating their own positions to Turkey.)

Ultimately, the available evidence cannot conclusively prove that the US employed positive or negative incentives — as opposed to mere rhetoric — to prevent Turkish (or Italian) participation in Blue Stream. However, much of the evidence — the US's warnings about Baku-Ceyhan/TCP; Ecevit's sudden about-face following John Wolf's last-minute flight to Ankara — certainly suggests that the US employed tactics capable of suddenly getting the target to do what it had not wanted to do, even if their effects were in this case short-lived.

3. Blue Stream II (2005—2007)

The addition of a second line to Blue Stream — Blue Stream II — was actively pursued really only from 2005 until 2007 (at which point the project was replaced/ superseded/succeeded by South Stream). However, even in this relatively short period of time, and despite the project never making much real progress, the US determined that it opposed the project, and sought to block it.

Evidence of the US's hostile attitude, towards Blue Stream II, is available from as early as 2 February 2006 (barely five months after Putin publicly proposed the project on 29 August 2005), when US Embassy Ankara noted that a Turkish government official had argued “for expanding Blue Stream” [Putin, Berlusconi...]. But as the Embassy put it, “of course, the idea runs counter to diversification of European sourcing” [US Embassy Ankara].

As for actual obstruction of Blue Stream II, coordinated effort began by 14 July 2006. On that date, a “Southern Ring Energy Officers' Conference” took place in Athens, attended by Dep.Assist.Sec.State Bryza and by officials from the DoS Bureau of Economic and Business Affairs, the CIA, the Department of Energy, and Embassies Ankara, Athens, Baku, Bucharest, Rome, Sofia, Tbilisi, Tirana, and Zagreb. A subsequent cable from Embassy Athens reported that Gazprom is reportedly considering a \$5—6 billion USD investment to expand Blue Stream instead of a \$300-\$400 million USD infrastructure upgrade on its Ukraine transit facilities. Conference participants discussed how we might counter Gazprom's efforts, concluding that the single most important tactic would be to get key TGI [Turkey-Greece-Italy Pipeline] partner countries to form a coordinated front, if possible. Other ideas discussed included embarking on a PR campaign to expose Gazprom's unorthodox tactics and unreliability; and educating regional policy makers on the long-term merits of developing alternatives to Gazprom, including market diversity and national energy security [US Embassy Athens].

Aside from this effort to coordinate US obstruction of Blue Stream II, there is also available evidence of US obstructive activities specifically in Turkey, Bulgaria, and Hungary.

In Turkey, the US Ambassador “warned” Turkish Energy Minister Guler, on 27 February 2006, “that Turkey's discussions with Russia about increased purchases of gas and expanding Blue Stream could send negative signals to the market about TCP [Trans-Caspian Pipeline] prospects” [US Embassy Ankara].

And although is entirely unclear what exactly the US did, or threatened to do, in order to coerce Turkey out of participation in Blue Stream II, it is clear that it was doing something, since by 2007 the Turkish government had grown frustrated with it. In a 24 July 2007 conversation with the US Ambassador, “Guler noted that the U.S. doesn't support Blue Stream II expansion”. And with no clear prospects for Azerbaijani or Iraqi supply of the 'southern corridor' alternative preferred by the US, Guler was left asking the Ambassador: “Where do we buy gas?” Again, he noted that Azerbaijani, Turkmen, and Iraqi supplies were uncertain, and Iran “risky and unreliable”. This being the case — the cable paraphrases him saying — “the U.S. has given Turkey few alternatives; the USG is against Blue Stream II”. And then the cable again quotes him verbatim: “How do I do my job?”

Notably, in response, the Ambassador did not (for instance) say that it was Turkey's choice to refrain from Blue Stream II, or that the US had not actually done anything to impede Turkey's participation in Blue Stream II, or that the US did not actually oppose Blue Stream II at all. Nor did he offer any possibility of compromise to address Turkish concerns and frustrations. Instead, he evidently accepted Guler's frustration with US obstruction of Blue Stream II as having a logical basis — i.e. the US was, in fact, obstructing it — but refused to engage with Guler's transparent push for a change in US policy. Instead, he defended the policy's merits, arguing that Russian gas is no better (or any more permissible) than Iranian:

The Ambassador explained that Blue Stream expansion increases Turkey's reliance on Russia and bottles up Caspian gas. Iran is unreliable and high risk. We recognize and sympathize with Turkey's situation but the answer for Turkey and for Europe is to work together and “make the Caspian Energy Strategy work” [US Embassy Ankara].

As for Bulgaria, a cable from US Embassy Sofia reported that, in a 3 November 2006 meeting between Dep.Assist.Sec.State Bryza, Ambassador to Bulgaria John Beyrle, and Bulgarian Economy and Energy Minister Ovcharov, “Ovcharov agreed with Bryza” (who evidently made this argument) “that Blue Stream was not commercially viable, and Blue Stream's planned expansion would make even less commercial sense” [US Embassy Sofia]. It is not clear whether US activity in Bulgaria, aimed at obstructing Blue Stream II, extended beyond criticizing it in front of Bulgarian officials.

Finally, in Hungary, in a 8 March 2007 cable, US Embassy Budapest described PM Gyurcsany as having a “pro-Russia position” on energy, and proposed that he might be trying “to secure for Hungary the 10bcm Blue[-]Stream-linked gas storage facility”. According to the Embassy, “whatever the PM's rationale — or rationalization” for this effort, in the most charitable analysis his approach seems to rest on two dangerous misconceptions: that Russia and Europe are “codependent;” and that Hungary can somehow secure a privileged position vis-a-vis Moscow. We will be meeting with Dr. Valki as soon as possible to engage him on this issue.

Laszlo Valki, as reported elsewhere in the cable, was the Director of the National Foreign and Security Policy Council just formed by Gyurcsany. Embassy Budapest evidently hoped that he might be open to US arguments against Gyurcsany's “misconceptions” and, thus, that he might constitute a possible avenue for pushback against Hungarian participation in Blue Stream II [US Embassy Budapest].

A month later, Embassy Budapest did not appear to have had much success with Valki. In a 4 April cable, it warned of “a heightened risk of Gyurcsany's gravitation toward Moscow”, but said that:

On Blue Stream and other issues, we see them [the Russians] offering him [Gyurcsany] the illusion of easy solutions. In response we can only offer cold, hard truth. Continued high-level engagement will help address the risk of his drift to the east, and we will make every effort to answer his questions...and get him to act in order to address our concerns [US Embassy Budapest].

Precisely how Embassy Budapest intended to “get him to act” is not clear — but I would note that the ellipses in this passage are not mine, but rather were included in the original text, with the effect of giving the final phrase a rather ominous tone. At minimum, it is certain that Embassy Budapest was acting on the basis of US opposition to

Blue Stream II, and doing so at least by criticizing the project in talks with the most senior Hungarian officials that could be found.

In sum, the US opposed Blue Stream II more or less from the project's inception. Its diplomatic service accordingly sought to develop and coordinate action to obstruct Blue Stream II, action that we know took place at least in Turkey, Bulgaria, and Hungary. In the latter two cases, the limited evidence available indicates only lobbying with the Bulgarian and Hungarian governments. But in the (most important) case of Turkey, US obstruction appears to have gone further, placing enough anti-Blue-Stream-II pressure upon the Turkish government to prompt complaints from it, and efforts by it to soften the US's position. Such complaints and efforts imply a degree of US obstruction actually worth pushing back against, and were met with a USG response that simultaneously accepted their premise — US obstruction of Blue Stream II — and refused to budge from that obstruction. Overall, it is clear that the US opposed Blue Stream II and attempted to obstruct it — through lobbying, and through more coercive/direct methods of unclear scope and content.

4. Conclusion

As mentioned above, these efforts were apparently successful, as Blue Stream II was scrapped in favor of a new planned pipeline, South Stream. Pursued largely in 2007—2014, South Stream also faced US opposition (to be discussed in future work) and was also eventually abandoned. However, it was in turn replaced by what is essentially a re-born Blue Stream II, but with twice the throughput volume: TurkStream. And TurkStream, rapidly planned and built in 2016—2019, was actually realized, despite fierce US opposition (also to be discussed in future work). Indeed, it was not only realized, but also — unlike the Nord Streams — kept in operation even after 2022.

As a result, of the six Russian westward/southward export pipelines planned since Yamal-Yevropa, only Blue Stream I and TurkStream are actually operating as of 2024. This is not the consequence of some extraordinary pro-Russian attitude on the part of Turkey, but rather a testament to Turkey's willingness and ability to define and pursue its own interests, guarding its sovereignty and agency against the US pressure that it has faced (and likely continues to face) regarding the three projects (including the two discussed in this article).

Библиографический список

В Москве рассчитывают подписать протокол о налоговых льготах по проекту «Голубой поток» в ходе визита в РФ премьера Турции // Интерфакс. Оперативные сообщения, 19 Oct 1999.

Делегация «Газпрома» отправляется в Ангару для согласования протокола о налоговых льготах по проекту «Голубой поток» // Интерфакс. Нефтегазовое обозрение, 4 Nov 1999.

История, «Голубой поток», Газпром, as of Nov 2021. URL: web.archive.org/web/20211128021759/gazprom.ru/projects/blue-stream/

С голубого ручейка, Нефтегазовая вертикаль, 16 Dec 2005.

Совместная компания 'Газпрома' и ENI может получить налоговые льготы, Интерфакс, 28 Aug 1999.

ABD'nin Hazar Enerji Özel Danışmanı Wolf, Anadolu Ajansı, 21 Sep 1999.

ABD, 'Mavi Akım'a karşı lobi yapıyor, Hurriyet, 17 Feb 1999, web.archive.org/web/20240526163734. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/ekonomi/abd-mavi-akim-a-karsi-lobi-yapiyor-39063616>

Ecevit, ABD'yle Rusya arasında sıkışınca..., Hurriyet, 6 Nov 1999, web.archive.org/web/20240526191545/ URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/ecevit-abdyle-rusya-arasinda-sikisınca-39111817>

FP lideri Kutan ABD 'de ... Kutan, ABD Dışişleri Bakan Yardımcısı Grossman ile görüştü, Anadolu Ajansı, 3 Nov 1999

İşte tartışılan o ev, Hurriyet, 18 May 2001, web.archive.org/web/20240526165251/ URL: <https://www.hurriyet.com.tr/ekonomi/iste-tartisilan-o-ev-39243796>

Kırkı çıkan' gaz için rötarlı tören, Radikal, 22 Jan 2002.

Mavi Akım Sikintisi, Radikal, 5 Nov 1999, web.archive.org/web/20240526172746/URL: https://bigpara.hurriyet.com.tr/haberler/genel-haberler/mavi-akim-sikintisi_ID323704/

Mavi Akım protokolü AGİT sonrasına bırakıldı, Dünya, 6 Nov 1999.

Putin, Berlusconi discuss expanding energy cooperation, Platts Commodity News, 30 Aug 2005.

Russia, Turkey sign tax protocol to natural gas project, Anatolia, quoted by BBC Monitoring European — Economic, 28 Nov 1999.

Russia, Turkey sign tax protocol to natural gas project, Anatolia, quoted by BBC Monitoring European — Economic, 28 Nov 1999.

TCP v Blue Stream, Oxford Analytica Daily Brief, 19 Nov 1999.

The Status of Infrastructure Projects for Caspian Sea Energy Resources, hearing before the Subcommittee on International Economic Policy, Export, and Trade Promotion of the Committee on Foreign Relations of the Senate, 12 Apr 2000, govinfo.gov/content/pkg/CHRG-106shrg69745/html/CHRG-106shrg69745.htm

Tumultuous Times For A New Helmsman At Italy's ENI, Petroleum Intelligence Weekly, 19 Apr 1999.

Çeteler her yerde, Radikal, 15 Jun 2003.

Coby van der Linde, et al., Study on Energy Supply Security and Geopolitics, Clingendael Institute for International Relations, Jan 2004, web.archive.org/web/20200920165706/ URL: https://www.clingendaelenergy.com/inc/upload/files/Study_on_energy_supply_security_and_geopolitics.pdf p. 177.

Deniz Zeyrek, Mavi Akım'a Dışişleri'nden fren, Radikal, 29 Oct 1999.

Douglas Frantz, Russia's New Reach: Gas Pipeline to Turkey, New York Times, 5 Jun 2001.

US Embassy Ankara, Turkey's minister calls TCP driving force for East-West Corridor, 1 Mar 2006, 06ANKARA1010, web.archive.org/web/20240526194158/URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/06ANKARA1010_a.html

US Embassy Ankara, Turkey: East-West Energy Corridor way forward, 2 Feb 2006, 06ANKARA413, web.archive.org/web/20240526194134/URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/06ANKARA413_a.html

US Embassy Ankara, Turkish Energy Minister on gas transit and Iran-Turkey gas MOU, 31 Jul 2007, 07ANKARA1945, web.archive.org/web/20240526194206/URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/07ANKARA1945_a.html

US Embassy Athens, Southern Corridor energy conference examines European energy security, 9 Aug 2006, 06ATHENS2078, web.archive.org/web/20240526194144/URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/06ATHENS2078_a.html

US Embassy Budapest, Around the world in 80 minutes: PM Gyurcsany's foreign policy tour d'horizon, 8 Mar 2007, 07BUDAPEST354, web.archive.org/web/20240526194214/URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/07BUDAPEST354_a.html

US Embassy Budapest, Excess baggage: Foreign policy and domestic politics, 4 Apr 2007, 07BUDAPEST518, web.archive.org/web/20240526194227/URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/07BUDAPEST518_a.html

US Embassy Hague, Regional energy officers training session, October 8—9, the Hague, 2 Sep 2009, 09THEHAGUE521, web.archive.org/web/20240526194116/URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09THEHAGUE521_a.html

US Embassy Sofia, Bulgaria, Turkey and Greece want more US involvement on gas and Southern Corridor issues, 9 Nov 2006, 06SOFIA1554, web.archive.org/web/20240526194222/URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/06SOFIA1554_a.html

References

В Москве рассчитывают подписать протокол о налоговых льготах по проекту «Голубой поток» в ходе визита в РФ премьера Турции, Интерфакс Оперативные сообщения, 19 Oct 1999.

Делегация «Газпрома» отправляется в Ангару для согласования протокола о налоговых льготах по проекту «Голубой поток», Интерфакс. Нефтегазовое обозрение, 4 Nov 1999.

История, Голубой поток, Газпром, as of Nov 2021, web.archive.org/web/20211128021759/gazprom.ru/projects/blue-stream/

С голубого ручейка, Нефтегазовая вертикаль, 16 Dec 2005.

Совместная компания 'Газпрома' и ENI может получить налоговые льготы, Интерфакс, 28 Aug 1999

ABD'nin Hazar Enerji Özel Danışmanı Wolf, Anadolu Ajansı, 21 Sep 1999

ABD, 'Mavi Akım'a karşı lobi yapıyor, Hurriyet, 17 Feb 1999, web.archive.org/web/20240526163734/ URL: <https://www.hurriyet.com.tr/ekonomi/abd-mavi-akim-a-karsi-lobi-yapiyor-39063616>

Ecevit, ABD'yle Rusya arasında sıkışınca..., Hurriyet, 6 Nov 1999, web.archive.org/web/20240526191545/URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/ecevit-abdyle-rusya-arasinda-sikisınca-39111817>

FP lideri Kutan ABD 'de ... Kutan, ABD Dışişleri Bakan Yardımcısı Grossman ile görüştü, Anadolu Ajansı, 3 Nov 1999.

İşte tartışılan o ev, Hurriyet, 18 May 2001, web.archive.org/web/20240526165251/URL: <https://www.hurriyet.com.tr/ekonomi/iste-tartisilan-o-ev-39243796>

Kırkı çıkan' gaz için rötarlı tören, Radikal, 22 Jan 2002.

Mavi Akım Sikintisi, Radikal, 5 Nov 1999, web.archive.org/web/20240526172746/URL: https://bigpara.hurriyet.com.tr/haberler/genel-haberler/mavi-akim-sikintisi_ID323704/

Mavi Akım protokolü AGİT sonrasına bırakıldı, Dünya, 6 Nov 1999.

Putin, Berlusconi discuss expanding energy cooperation, Platts Commodity News, 30 Aug 2005.

Russia, Turkey sign tax protocol to natural gas project, Anatolia, quoted by BBC Monitoring European — Economic, 28 Nov 1999.

Russia, Turkey sign tax protocol to natural gas project, Anatolia, quoted by BBC Monitoring European — Economic, 28 Nov 1999.

TCP v Blue Stream, Oxford Analytica Daily Brief, 19 Nov 1999.

The Status of Infrastructure Projects for Caspian Sea Energy Resources, hearing before the Subcommittee on International Economic Policy, Export, and Trade Promotion of the Committee on

Foreign Relations of the Senate, 12 Apr 2000, govinfo.gov/content/pkg/CHRG-106shrg69745/html/CHRG-106shrg69745.htm

Tumultuous Times For A New Helmsman At Italy's ENI, Petroleum Intelligence Weekly, 19 Apr 1999.

Çeteler her yerde, Radikal, 15 Jun 2003.

Coby van der Linde, et al., Study on Energy Supply Security and Geopolitics, Clingendael Institute for International Relations, Jan 2004, web.archive.org/web/20200920165706/URL: https://www.clingendaelenergy.com/inc/upload/files/Study_on_energy_supply_security_and_geopolitics.pdf p. 177

Deniz Zeyrek, Mavi Akım'a Dışişleri'nden fren, Radikal, 29 Oct 1999.

Douglas Frantz, Russia's New Reach: Gas Pipeline to Turkey, New York Times, 5 Jun 2001.

US Embassy Ankara, Turkey's minister calls TCP driving force for East-West Corridor, 1 Mar 2006, 06ANKARA1010, web.archive.org/web/20240526194158/URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/06ANKARA1010_a.html

US Embassy Ankara, Turkey: East-West Energy Corridor way forward, 2 Feb 2006, 06ANKARA413, web.archive.org/web/20240526194134/URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/06ANKARA413_a.html

US Embassy Ankara, Turkish Energy Minister on gas transit and Iran-Turkey gas MOU, 31 Jul 2007, 07ANKARA1945, web.archive.org/web/20240526194206/URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/07ANKARA1945_a.html

US Embassy Athens, Southern Corridor energy conference examines European energy security, 9 Aug 2006, 06ATHENS2078, web.archive.org/web/20240526194144/URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/06ATHENS2078_a.html

US Embassy Budapest, Around the world in 80 minutes: PM Gyurcsany's foreign policy tour d'horizon, 8 Mar 2007, 07BUDAPEST354, web.archive.org/web/20240526194214/URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/07BUDAPEST354_a.html

US Embassy Budapest, Excess baggage: Foreign policy and domestic politics, 4 Apr 2007, 07BUDAPEST518, web.archive.org/web/20240526194227/URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/07BUDAPEST518_a.html

US Embassy Hague, Regional energy officers training session, October 8–9, the Hague, 2 Sep 2009, 09THEHAGUE521, web.archive.org/web/20240526194116/URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09THEHAGUE521_a.html

US Embassy Sofia, Bulgaria, Turkey and Greece want more US involvement on gas and Southern Corridor issues, 9 Nov 2006, 06SOFIA1554, web.archive.org/web/20240526194222/URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/06SOFIA1554_a.html

О XIX заседании Форума Шанхайской организации сотрудничества

5—6 июня 2024 г. в Ташкенте состоялось XIX заседание Форума Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), организованное Институтом стратегическим и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан. Данный формат проводится ежегодно и служит ключевой площадкой экспертного диалога по вопросу о работе и развитии ШОС, существующих в пространстве ШОС актуальных проблемах и вызовах, к решению которых может быть привлечена Организация.

Экспертное сообщество ШОС было представлено делегациями из профильных научно-аналитических центров всех стран-участниц Организации, а также Белоруссии и Азербайджана. В рамках заседания было организовано три сессии: 1) «Приоритетные направления сотрудничества в рамках ШОС: всесторонняя реализация незадействованных возможностей»; 2) «Повышение эффективности ШОС на современном этапе развития»; 3) «Дальнейшие перспективы совершенствования деятельности Форума ШОС».

Фактически все три сессии в той или иной степени фокусировались на обсуждении повышения институциональной эффективности ШОС, адаптации механизмов работы организации к новым международным условиям — что весьма характерно и отражает общие настроения экспертного сообщества, консенсус о необходимости повышения эффективности Организации. По общему признанию представителей экспертных групп всех стран активизация работы ШОС в текущих геополитических условиях становится уже не возможностью, а насущной необходимостью.

В связи с этим центре внимания всех трех сессий стоял вопрос расширения ШОС и, как следствие, его возможного преобразования в организацию более широкого, межрегионального (возможно глобального) профиля. Участники заседания приветствовали присоединение к ШОС Республики Беларусь, однако дальнейшие шаги по расширению Организации по общему признанию должны носить выверенный характер. В выступлении ряда экспертов отмечалась необходимость повышения эффективности участия партнеров по диалогу и наблюдателей, часто подходящих к вопросу участия в мероприятиях ШОС сугубо формаль-

но, не ведя какой-либо содержательной работы. Например, выдвигалось предложение вовсе упразднить категорию наблюдателей и оставить только партнеров по диалогу, к которым должны предъявляться конкретные и четкие требования.

В ходе обсуждения реформы механизмов управления ШОС высказывались как достаточно радикальные мнения — форсированная институционализация организации, вплоть до появления полновесных органов наднационального управления (Казахстан), так и более осторожные предложения: создание центров цифровых компетенций для развития сотрудничества в области информационных технологий и обмена данными, упрощение принятия решений технического уровня и усиление роли секретариата.

Обсуждение повестки безопасности стало одним из центров дискуссии. В рамках него наметились некоторые коннотационные различия в подходах дальнейшего развития диалога в этой области. Представители России, в какой-то степени Белоруссии и Ирана осторожно указывали на целесообразность обсуждения в рамках ШОС не только привычной повестки нетрадиционной безопасности, но и некоторых отдельных проблем «жесткой» безопасности, например вопросов стратегической стабильности (четыре ядерные державы — участницы ШОС), диалог в сфере выработки механизмов или по крайней мере общих параметров деэскалации меж- и внутригосударственных конфликтов и т. д. Однако, большая часть участников обсуждения высказывалась в более консервативном ключе, делая упор на более традиционной для ШОС повестке (концепция «трех зол»).

При этом более или менее консенсусными можно назвать мнения, высказываемые в ходе обсуждения Афганистана. Участники дискуссии сошлись во мнениях, что обсуждение проблем этой страны, внутривнутриполитической ситуации в ней и вопросов отношений с соседями должно занимать более весомую роль в повестке деятельности ШОС. Делались традиционные высказывания о том, что ШОС должна играть ключевую роль в поддержании конструктивной роли Афганистана в регионе. Отдельные эксперты даже высказывались о возможном членстве Афганистана в ШОС в долгосрочной перспективе, однако отмечали, что на текущем этапе к этому вопросу нужно подходить очень осторожно.

В сфере экономического сотрудничества многие участники Форума традиционно указывали на низкую эффективность диалога и сотрудничества в этой сфере, фактическое невыполнение многих планов и дорожных карт, принимаемых на уровне руководителей ведомств и глав правительств стран-участниц (такие высказывания делались как в публичной сфере, так и в еще более резких выражениях в кулуарных обсуждениях). Обсуждались многие традиционные инициативы по развитию экономического сотрудничества, в том числе Банк ШОС, однако по большей части оценки перспектив их реализации носили пессимистичный характер — обсуждение этих инициатив ведется уже достаточно долго.

В качестве одного из способов повышения эффективности кооперации в экономической сфере указывался переход к реализации проектов с более ограниченным составом участников. В ходе дискуссии отмечалось, что такая формула реализации общих проектов могла бы существенно облегчить их согласование, при этом она не носила бы дискриминационного характера — одно государство или группа стран-участниц сознательно могли не принимать участия в тех

или иных проектах, при этом не блокируя само их существование и, возможно опосредованно, пользуясь их результатами. В частности, такая формула могла бы быть привлекательной для реализации транспортно-логистических проектов на базе или по крайней мере под эгидой ШОС. Сама Организация могла бы выполнять роль координатора таких проектов, аккумулятора информации о них и их сопряжения.

Последним значимым вопросом заседания стало обсуждение вопросов повышения эффективности Форума ШОС. Высказывался ряд идей: усиление медиа-составляющей Форума (канал в Telegram, другие формы информационного продвижения в социальных сетях), финансирование конкретных научных проектов (монографии, создание журнала ШОС и тд.), а также проведение мероприятий и экспертных обсуждений вне Форума ШОС как «зонтичного» мероприятия. Участники дискуссии согласились, что данная работа должна вестись в связи необходимостью серьезного экспертного обсуждения, генерации новых идей по развитию ШОС в стремительно меняющихся международных условиях. Задача по реализации этой повестки была передана представителям Индии — стране-организатору следующего, юбилейного, XX Форума ШОС.